

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Будаев Эдуард Владимирович

**Метафорическое моделирование постсоветской действительности
в российском и британском политическом дискурсе**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А.П. Чудинов

Екатеринбург

2006

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического моделирования постсоветской действительности	
1.1. Когнитивный подход к анализу метафоры	11
1.2. Дискурсивный подход к анализу метафоры	33
1.3. Методика анализа метафорических моделей	46
Выводы по первой главе	66
Глава 2. Российско-британские параллели при метафорическом моделировании постсоветской действительности	
2.1 Система метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе	69
2.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Война» в российском и британском политическом дискурсе	69
2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Театр» в российском и британском политическом дискурсе	72
2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт и игра» в российском и британском политическом дискурсе	81
2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Болезнь» в российском и британском политическом дискурсе	91
2.6. Метафорическая модель со сферой-источником «Человеческий организм» в российском и британском политическом дискурсе	102
2.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных» в российском и британском политическом дискурсе	111
Выводы по второй главе	134
	155

Глава 3. Особенности метафорического моделирования постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе.	160
3.1. Метафорическая модель со сферой-источником «Монархия» в российском и британском политическом дискурсе	161
3.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Родство» в российском и британском политическом дискурсе	179
Выводы по третьей главе	198
Заключение	202
Список литературы	207
Список источников	232

Введение

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному когнитивному исследованию метафорических моделей, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе при осмыслении постсоветской действительности в России, Грузии и странах Балтии. В процессе такого исследования сопоставляются, во-первых, российский и британский варианты метафорического представления постсоветской действительности, а во-вторых, закономерности метафорического представления современной реальности в России, Грузии и странах Балтии.

Актуальность исследования метафорических моделей обусловлена перспективностью дальнейшего развития теории метафорического моделирования как основы для практического выявления корреляций между концептуальными метафорами, отражающими национальное сознание, и политическим дискурсом, в котором концептуальные метафоры реализуются как лингвосоциальный феномен. Сопоставительное изучение закономерностей метафорического моделирования действительности дает возможность выявить универсальное и национально специфичное в ментальном мире человека и общества и проследить, как когнитивные структуры реализуются в национальных политических дискурсах. Сопоставительное исследование метафорических моделей направлено на повышение эффективности межкультурного взаимодействия, что является одной из наиболее актуальных задач как на постсоветском пространстве, так и в сфере взаимоотношений постсоветских республик с другими государствами.

Объект исследования – метафорические словоупотребления, актуализированные в российском и британском политическом дискурсе периода 2000–2005 гг. для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии,

Предмет исследования – когнитивно-дискурсивные закономерности функционирования метафорических моделей в российском и британском

политическом дискурсе и их зависимость от сферы-мишени метафорической экспансии.

В качестве **материала для исследования** использовались политические тексты как печатных, так и электронных британских и российских СМИ, содержащие метафорические словоупотребления, актуализированные для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии (список источников представлен в приложении). Всего было рассмотрено 5600 метафорических словоупотреблений (одинаковое количество в российских и британских источниках), распределенных по сферам-мишеням «Россия» (2000), «Грузия» (1800) и «Страны Балтии» (1800).

Целью настоящей диссертации является сопоставительное когнитивное исследование (выделение, описание фреймово-слотовой структуры, систематизация, классификация, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ, лингвокультурологическое описание) метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе и выявление корреляций когнитивно-дискурсивных характеристик метафорических моделей со сферой-мишенью метафорической экспансии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить теоретические основы когнитивно-дискурсивного анализа метафоры и методику исследования;
- выявить и систематизировать концептуальные метафоры в британском и российском политическом дискурсе;
- провести описание и классификацию метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе;
- провести анализ универсального и специфического в функционировании метафорических моделей в британском и российском политическом дискурсе;
- выявить корреляции между свойствами метафорических моделей и сферами-мишенями метафорической экспансии.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), успешно развиваемой в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Т.Г. Скребцова, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, Й. Цинкен и др.). Представленная работа также опирается на достижения дискурс-анализа (А.Н. Баранов, Р. Водак, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, К. де Ландтшер, А. Мусолфф, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Дж. Юл и др.), прагмалингвистики (Н.Д. Арутюнова, Р. Водак, М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, Н.Б. Руженцева, Г.Г. Слышкин, Е.И. Шейгал и др.) и лингвокультурологии (С.Г. Воркачѳ, В. И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров, В.Н. Телия и др.).

В процессе работы использовались следующие **методы**: когнитивно-дискурсивный анализ, моделирование, классификация, контекстуальный анализ, статистическая обработка материала, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурологической характеристики исследуемых явлений.

Теоретическая значимость диссертации заключается в сопоставительном когнитивно-дискурсивном исследовании метафорического моделирования постсоветской действительности в политическом дискурсе России и Великобритании и в развитии методики сопоставительного изучения метафор, позволяющей продемонстрировать эвристичность интегрального когнитивно-дискурсивного подхода к метафорическому анализу. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования и сопоставительного исследования метафорических моделей в национальных политических дискурсах.

Научная новизна диссертации заключается в исследовании метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе при осмыслении политической реальности России, Грузии и стран Балтии. Такой ракурс сопоставления позволяет выявить корреляции между сферами-

мишенями метафорической экспансии и степенью влияния когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования ее материалов в двуязычной лексикографической практике, в практике преподавания иностранного языка и курсов по межкультурной коммуникации, теории перевода, когнитивной и политической лингвистике, лингвокультурологии и связям с общественностью.

Композиция диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и библиографического списка.

В первой главе определяются теоретические основы исследования, а именно: анализируются основы когнитивного и дискурсивного подходов к анализу метафоры, обосновывается выбор когнитивно-дискурсивной методологии и определяется методика для сопоставительного описания метафорических моделей.

Во второй главе представлена система российско-британских метафорических моделей и сопоставительный анализ российских и британских метафорических моделей, не выявляющих полярных различий в своих свойствах при смене сферы-мишени в качестве объекта исследования.

В третьей главе рассмотрены особенности функционирования метафорических моделей в политическом дискурсе, проявляющиеся в зависимости от национального дискурса и сферы-мишени метафорической экспансии.

В заключении делаются основные выводы по проведенному исследованию и намечаются перспективы дальнейшего исследования когнитивной метафоры в политическом дискурсе.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, заседаниях кафедры иностранных языков

Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, а также на международных, общероссийских и региональных конференциях в Нижнем Тагиле (2004, 2005) и Екатеринбурге (2003, 2004, 2005).

Материалы диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

1. Будаев Э.В. Монархическая метафора как средство концептуализации политической действительности в британской прессе // Перевод и межкультурная коммуникация / Материалы VI международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2004. – С. 82–87.

2. Будаев Э.В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2004. – Т.12. – С. 5–11.

3. Будаев Э.В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) // Известия УрГПУ. Вып. 16 / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. – С. 41–52.

4. Будаев Э.В. Театр как сфера-источник для метафорического представления действительности в российской и британской прессе 2000–2004 гг. // LINGUISTICA JUVENIS: Сборник научных трудов молодых ученых. – Выпуск 5. Дискурс и текст. – Екатеринбург, 2005. – С. 30–46.

5. Будаев Э.В. Зооморфная метафора в российской и британской прессе 2000–2005 гг. (на примере метафорического моделирования постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии) // Лингвистика, перевод и межкультурная коммуникация / Материалы XII международной научно-практической конференции / Институт международных связей. – Екатеринбург: Издательство АМБ, 2005. – С. 11–24.

6. Будаев Э.В. Методика сопоставительного исследования метафорических моделей в политическом дискурсе // Риторика и

лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, 25–26 нояб., 2005, УрГПУ. – Екатеринбург, 2005. – С. 18–21.

7. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивная парадигма в исследовании политической метафорики // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Выпуск 3. – Екатеринбург, 2005. – С. 36–50.

8. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000-2004) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2. – С. 41–50.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная метафора в российском и британском политическом дискурсе является важнейшим способом воздействия на сознание адресата и средством концептуализации, категоризации и оценки постсоветской действительности в России, Грузии и странах Балтии.

2. Свойства метафорических моделей в различной степени зависят от когнитивно-дискурсивных факторов. Сопоставительный анализ метафорики позволил выделить дискурсивно устойчивые метафорические модели, не проявляющие значимых различий по критерию сферы-мишени метафорической экспансии, и дискурсивно неустойчивые метафорические модели, свойства которых сильно варьируются в зависимости от сферы-мишени. К числу первых относятся метафорические модели со сферами-источниками «Человеческий организм», «Война», «Болезнь», «Спорт и игра», «Театр» и «Мир Животных». Во вторую группу входят модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия».

3. В российском и британском политическом дискурсе выделяются два типа функционирования дискурсивно неустойчивых метафорических моделей. В первом случае метафорическая модель востребована и в российском, и в британском политическом дискурсе для концептуализации одних сфер-мишеней, но оказывается совершенно невостребованной для концептуализации других сфер-мишеней (сфера-источник «Монархия»). Второй тип особенностей функционирования метафорической модели связан с тем, что в российском

политическом дискурсе определенная сфера-мишень регулярно концептуализируется в понятиях соответствующей сферы-источника, в то время как в британском политическом дискурсе подобные метафоры для той же сферы-мишени нехарактерны. Вместе с тем при смене сферы-мишени в качестве объекта рассмотрения прагматический потенциал той же сферы-источника, который не был востребован в российской политической речи, регулярно используется для концептуализации данной сферы-мишени в британском политическом дискурсе (сфера-источник «Родство»).

4. Интегральный, когнитивно-дискурсивный подход к анализу метафорических моделей в политическом дискурсе обладает эвристиками, недоступными для когнитивного анализа и дискурс-анализа, если они применяются в научном исследовании по отдельности.

Глава 1. Теоретические основы сопоставительного исследования метафорического моделирования постсоветской действительности

В настоящей главе определяются теоретические основы когнитивно-дискурсивного анализа как методологической основы современной теории метафорического моделирования.

Рассматриваются основы когнитивного подхода к анализу метафоры, анализируется современный дискурс-анализ в его применении к исследованию политических метафор, на завершающем этапе сопоставляются существующие методики когнитивного исследования метафоры в политическом дискурсе и обосновывается выбор используемой автором методики в связи с особенностями материала и целью настоящего исследования.

1.1. Когнитивный подход к анализу метафоры

С момента выхода книги Т. Куна «Структура научных революций» [1975] понятие «научная парадигма» прочно закрепилось в научном терминологическом аппарате, несмотря на последовавшую пространную критику и выдвижение исследователями философии науки альтернативных понятий (например, «исследовательская программа» у И. Лакатоса [Лакатос 2003]). Накладывая понятийную сетку куновской методологии на эволюцию той или иной науки, исследователи рассматривают становление и развитие науки как смену научных парадигм (научных революций). С середины 70-х годов в области гуманитарных наук появляется тенденция обращения к когнитивным структурам и когнитивным механизмам оперирования этими структурами для объяснения феноменов, которые не поддавались адекватному изучению в рамках традиционной позитивистской методологии. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (*cognitive revolution*), когнитивного поворота (*cognitive turn*), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии).

Необходимо уточнить термин *когнитивный*, определяющий одно из направлений в современной лингвистике и подход к исследованию метафоры. Едва ли есть смысл (если не учитывать «дань терминологической моде») использовать термин *когнитивный* как синоним традиционного для ряда наук термина *познавательный*. Как отмечает Е.С. Кубрякова, заимствованный из английского языка термин *cognition* означает не только познание как процесс, но и само знание как результат [1994: 35]. Поэтому когнитивная наука ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болдырев 2001: 8], так и системы репрезентации и хранения знаний [Кубрякова 1994: 34].

Когнитивная лингвистика – научное направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1995: 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудакова 2002: 10, 15]. Когнитивная лингвистика, возникшая в США (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лангакер, Л. Талми, У. Чейф, Р. Джэкендофф, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье и др.), представляет собой совокупность исследовательских программ, объединяемых набором постулатов общего характера [Баранов, Добровольский 1997] и общей целью исследовать корреляции взаимодействия языка и мышления (языковых и когнитивных структур). С когнитивным подходом сближается еще ряд направлений в лингвистических исследованиях, авторы которых, по сути, решают задачи когнитивной лингвистики (А. Вежбицка, Т. ван Дейк, Дж. Хэйман, Т. Гивон и др.). Значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию когнитивная лингвистика получила в российской науке (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Е.В. Рахилина, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.). Становление когнитивной лингвистики, развитие ее проблематики и научный аппарат подробно охарактеризованы в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [1997], В.З. Демьянкова [1994], Е.С. Кубряковой [1994, 1997, 2004], Е.С. Кубряковой и др. [1996],

В.А. Масловой [2004], З.Д. Поповой и др. [2004], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [2002], Е.В. Рахилиной [1998, 2000], А.В. Рудаковой [2002], Т.Г. Скребцовой [2000], А. Ченки [1996], А.П. Чудинова [2001] и др.

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, главную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию над концептуальными структурами (доменами, фреймами, гештальтами, ментальными пространствами и др.), как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Мы взяли в скобки слово *основную*, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус основной операции.

Неудивительно, что именно метафора стала отправной точкой когнитивного подхода к языку: постулируемый в когнитивной лингвистике принцип нерелевантности разграничения лингвистического и энциклопедического знания наиболее очевиден в метафоре, которая является едва ли не единственным феноменом, «вносящим недискретность в дискретную структуру языка» [Баранов 1991: 188]. В этом отношении значительное влияние на становление когнитивного подхода к метафоре оказали результаты исследований по категоризации действительности (принцип «семейного сходства» Л. Витгенштейна, теория размытых множеств Л.Заде, категории базисного уровня Р.Брауна, теория прототипов Э. Рош) [Lakoff 1987].

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д.Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Дж. Джейнс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эрикссон и другие исследователи, сомневающиеся в том, что онтология метафоры заключена в рамках языка, а функция метафоры сводится к «украшению» речи. Так, А.

Ричардс указывал на то, что «метафорична сама мысль», которая и является источником метафоры в языке [Ричардс 1990: 47]. Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что «метафора – необходимое орудие мышления» и только потом средство языкового выражения. Метафора необходима не только для того, чтобы «сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [Ортега-и-Гассет 1990: 68]. Такой же интерпретации онтологии метафоры придерживались и другие исследователи [Бирдсли 1990; МакКормак 1990; Кассирер 1990; Блэк 1990; Schön 1979], но именно в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы постулируют, что метафора не ограничивается лишь сферой языка: «процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [Лакофф, Джонсон 2004: 27]. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничивает метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993: 203].

Смена научных представлений об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале легли в основу философского уровня когнитивного подхода к метафоре, однако при решении вопросов о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, способах репрезентации когнитивных структур и их системности мнения исследователей разошлись и на современном этапе в рамках когнитивного подхода можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1990, 1993], теория концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1994, 1998; Turner, Fauconnier 1995, 2000), теория первичных и сложных

метафор [Grady et al. 1996], когерентная модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], дескрипторная теория метафоры [Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003а, 2003б] и др.

Все современные подходы к когнитивному анализу метафоры восходят к классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона “Metaphors We Live by” [1980], в которой авторы изложили теорию концептуальной метафоры и которая, по справедливому замечанию А.Н.Баранова, очень быстро была признана специалистами «библией когнитивного подхода к метафоре – своеобразным аналогом сосюрковского «Курса общей лингвистики» в когнитивизме лингвистического извода» [Баранов 2004: 7].

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем образов» (image schemas) (теория «телесного разума») [Lakoff 1987].

Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника,

получило название гипотезы инвариантности [Brugman 1990; Lakoff 1990; Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора. Можно проиграть или выиграть спор, оппонент в споре воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26– 27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры, разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR); онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up our profits*); ориентационные

метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о продолжающемся, но и о растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры в большинстве сфер человеческой деятельности. В исследованиях по концептуальной метафоре даже сложилась своеобразная «мода» называть научные работы по образцу классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, что часто являлось указанием на методологию и новую сферу применения теории: “Metaphors we can learn by” [Ponterotto 1994], “Metaphors we compute by” [Lawler 1987], “Metaphors we ought not live by” [Adamson et al. 1992], “Metaphors we die by” [Goatly 1996], “Metaphors we surf the web by” [Maglio, Matlock 1998], “Metaphors we discriminate by” [Refaie 2001] и др.

Сфера применения эвристик этой теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов все большего количества языков: примером могут служить публикации, посвященные арабским или китайским метафорам [Ahrens 2002; Ahrens et al. 2004; Chung et al. 2003a, 2003b, 2003c; Maalej www; Yu 2000; 2003; 2004]. Еще одно направление развития названной теории – это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, то есть исследование концептуальной метафоры в карикатуре [Bergen 2003], жестах [Cienki 2004], в визуальном ряде креолизованных текстов [Шинкаренкова 2005; Чудакова 2005].

Пересматривается традиция (Т.Гоббс, Р.Декарт, Д. Локк и др.) ограничивать роль метафоры в философии и науке. Хотя когнитивная метафора обычно и противопоставляется традиционному пониманию феномена, возводимому к Аристотелю, исследователи все чаще отмечают, что именно Аристотель первым указал на познавательный потенциал метафоры (см.,

например [Kittay 1989: 2–4]). Философы последующих поколений не обратили должного внимания на указанную Аристотелем способность «метафоры проникать в сущность вещей» [Лакофф 2004: 213], а «представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту» [МакКормак 1990: 372]. На настоящий момент широкое распространение получили исследования когнитивного потенциала метафоры в получении научного знания. Влияние концептуальной метафоры на развитие научных идей исследовалось применительно к самой философии, а также биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и многим другим научным направлениям (см., например [Ивина 2003; Avise 2001; Baars 1998; Brown 2003; Fernandez-Duque, Johnson 1999; Graham 2001; Lakoff, Nunez 2000; Lorenz 1998; Rohrer 1995; Thagard, Beam 2004]).

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены еще Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишённая эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Согласно когнитивной методологии, человек склонен реагировать не на реальность как таковую, а на собственные когнитивные репрезентации реальности. Поэтому и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой ментальных репрезентаций человека, и «выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия» [Chilton, Lakoff 1989]. Этим объясняется особенно повышенный интерес современных

исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации (А.Н. Баранов, Д. Берхо, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, А.А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И.М. Кобозева, В. Кристоф, Дж. Лакофф, Дж. Лавтон, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С.Н. Муране, А. Мусолфф, В. О'Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, О. Санта Ана, Н.А. Санцевич, Е. Семино, Т.Г. Скребцова, Дж. Торнборроу, Ю.Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльссе, А. Ченки, П. Чилтон, А.П. Чудинов, Й. Цинкен и др.).

Исследователей политической метафоры интересуют два типа корреляции метафоры и концептуальной системы человека. С одной стороны корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Например, А.Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, российские политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [Баранов 2004]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе свежих метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Исследователи сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем еще Дж. Лакофф показал [1991], что предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества. В этом отношении показательна работа П. Друлака [Drulak 2005], в которой автор анализирует кризис словацко-

чешских отношений накануне распада Чехословакии. В конце 1991 года чешский премьер-министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в «двойном доме» (DVOJ DOMEK). Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства. Следуя за П. Чилтоном и Дж. Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлениям о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом», поэтому чехи и словаки предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации.

Многие научные изыскания в области политической метафоры проводятся в рамках классического варианта теории концептуальной метафоры, но исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения этой теории. Так, А. Мусолфф в ряде работ [Musolff 2000b, 2004a, 2004b] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. В политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, что указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Метафора функционирует в политическом

дискурсе подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Особое внимание исследователей привлекает осмысление и уточнение постулатов теории «телесного разума». Й. Цинкен [Zinken 2002, 2003], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор в политическом дискурсе важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (*intertextual metaphors*), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. Например, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто метафорически представляли *завоевателями-крестоносцами* [Zinken 2002: 221–223] и т.п. Такой подход перекликается с идеей финского лингвиста И. Хеллстен о необходимости различать общие структурные метафоры (*general structural metaphors*) и исторические метафоры (*historical metaphors*), при порождении которых исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [Hellsten 1997]. Сходную позицию занимает Р. Пэрис [Paris 2004], выделяя в отдельную группу исторические метафоры (*historical metaphors*).

Модифицированный вариант теории концептуальной метафоры предложен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b]. Принимая тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, исследователь отмечает, что метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт

участников коммуникации [Ritchi 2003b]. Интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени. Каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте и индивидуальные интерпретации могут значительно варьироваться [Ritchi 2004a, 2004b]. Более сложный характер, по мнению исследователя, носят отношения между концептуальными доменами. Например, «война» – это не обязательно первичный концепт при осмыслении спора. Рассматривая такие метафоры как "defend," "position," "maneuver" или "strategy", невозможно априори определить, относится ли подразумеваемое к войне, соревнованию атлетов или игре в шахматы. Подобные метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не проекцию одного концепта на другой [Ritchi 2003a].

Подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе проанализирован в работе Й. Цинкена [Zinken 2004b]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, количественного анализа, широкого культурного контекста.

Подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (inter-domain influences) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (reverse influence) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [Barnden et al. 2004]. С. Коулсон отмечает, что возможны метафоры, в которых сфера-мишень служит основанием для

обратного осмысления сферы-источника, иллюстрируя это положение на примере анализа метафорической номинации компьютерного вируса «Братья Менендес». Реальные Братья Менендес убили своих родителей и должны были получить по наследству значительное состояние. На открытом судебном процессе они заявили, что долгое время подвергались насилию со стороны родителей, а убийство было самообороной, хотя родители в момент убийства были безоружны, а оба брата были в возрасте старше 20 лет. Компьютерный вирус «Братья Менендес», уничтожая файлы, оповещает пользователя о том, что вирус был жертвой физического и сексуального насилия со стороны уничтоженных файлов. С одной стороны, вирус – мишень для метафорической проекции. С другой стороны, «оправдательный текст» вируса содержит в себе инференции, оценочные интерпретации реального случая с братьями Менендес [Coulson 1996: 143–158].

Как отмечает А.Н. Баранов, не всегда концепты сферы-мишени более конкретны, чем концепты сферы-источника (например, метафоры со сферами-источниками ЛИТЕРАТУРА, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ИСТОРИЯ). В таких случаях следует говорить не о прояснении, а о переструктурировании сферы-мишени. Вместе с тем «в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису об однонаправленности» [Баранов 2004б: 11].

Большой интерес теория концептуальной метафоры вызвала у исследователей психолингвистического направления. Основные сомнения у психолингвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами. Интересный эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р.В. Гиббсом и Н.Л. Вилсон [Gibbs, Wilson 2002]. В ходе эксперимента было установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в

зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). В этой же публикации авторы рассматривают исследования, подтверждающие взаимовлияния между активацией отвечающих за моторику участков головного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром.

С середины 90-х гг. прошлого столетия развивается альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры (теория блендинга) (Дж. Барнден, С. ван Петтен, Т. Вил, Дж. Грэди, М. Тернер, С. Коулсон, Т. Оукли, Ж. Фоконье и др.). Основатели теории М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье (анализ теории см. [Скребцова 2000: 137–146]) и теории концептуальной метафоры, отдельные положения которой подверглись пересмотру [Coulson 1995; Fauconnier, Turner 1994; 1998; Turner, Fauconnier 1995, 2000]. Прежде всего, М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier, Turner 1994]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель – частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство

(blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

Ментальные пространства не тождественны концептуальным доменам. Ментальное пространство – это относительно небольшой «концептуальный пакет», который эксплицитно заимствует из концептуального домена только часть структуры и конструируется для понимания конкретной ситуации или действия [Turner, Fauconnier 1995: 184]. Применительно к метафорам исследователи нередко используют понятие «исходный домен» (input domain), что является научным термином-блендом, совмещающим идеи теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции.

Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием для метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде «смешиваются» детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и имеет собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей бленд «живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier 2000: 137].

Такой подход можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [Turner, Fauconnier 2000: 133–134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств: президент соотносится с кораблем, а скандал – с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющее пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузально-событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью,

который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, которая не выводится из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из ментального пространства-источника, то Б. Клинтон должен потерять президентский пост. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Этот «невозможный» сценарий формируется не из исходных пространств, а конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции.

В теории блендинга процесс концептуальной интеграции проходит в три этапа: композиция (composition), оформление (completion) и разработка (elaboration) [Grady et al. 1999: 106]. На этапе композиции содержание исходных пространств проецируется в смешанное пространство. При оформлении смешанное пространство воспринимается как долгосрочная единая концептуальная структура, которая может бесконечно видоизменяться и разрабатываться на завершающем этапе.

При анализе метафор исследователям блендинга часто приходится сталкиваться с интеграционными сетями (integration networks), которые включают сразу несколько (больше двух) исходных пространств с разными видами проекции (например, метонимической и метафорической одновременно) [Fauconnier, Turner 1998].

Важно иметь в виду, что блендинг понимается довольно широко и совсем не ограничивается исследованием процессов метафоризации: его значимость в когнитивных процессах практически тотальна. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие (возможно, все) когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, аналогию, метафору и нарратив» [Fauconnier, Turner 1994: 3–4]. Как видно из определения, в теории

блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, является разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции. При таком подходе возникает необходимость объяснить, чем метафорический блендинг отличается от блендинга не метафорического. В наиболее общем виде предлагается считать метафорическим такое смешанное пространство, в котором концептуальная интеграция сопровождается фузией (fusion) элементов исходных пространств. Например, в бленде «Государство – это Корабль» метафора «корабль» представляет собой некий «сплав», соотносится и с концептом корабля, и с концептом государства в исходных пространствах, в то время как в неметафорическом бленде один элемент смешанного пространства соотносится только с одним исходным пространством. Однако фузия не всегда свидетельствует о метафорическом бленде. В бленде «Карл – холостяк» также происходит «сплавление» концепта «Карл» и принятого в данной культуре прототипического концепта «холостяк». Метафорическая фузия характеризуется запретом на вхождение в бленд некоторых значимых элементов исходных пространств [Grady et al. 1999: 109–114].

Подчеркнем, что едва ли можно говорить о разногласиях на общетеоретическом уровне: все подходы объединены общим взглядом на онтологический статус и эпистемологическую роль метафоры. К тому же не всегда границы между подходами можно провести отчетливо. Например, в исследованиях по политической метафорике А. Мусолфф выражает приверженность теории концептуальной метафоры и развивает идею «концептуальной эволюции» метафор, которая объединяет дискурс-анализ с этапом разработки в блендинге [Musolff 2004a]. В работе американских исследователей [Spellman et al. 1993] подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции, но исследование метафорики политического кризиса в Персидском заливе не многим отличается от традиционной методики по Дж. Лакоффу. Как отмечает А.П. Чудинов, в теории метафорического моделирования следует учитывать идеи теории блендинга

[Чудинов 2003: 5], а Дж. Грэди, Т. Оукли и С. Коулсон указывают, что теория концептуальной метафоры и теория блендинга носят комплементарный характер [Grady et al. 1999].

Вместе с тем исследователи блендинга анализируют единичные примеры (в основном свежие метафоры) и корпусных исследований политической метафоры в рамках этой теории не проводилось. Очевидно, это связано с большой практической сложностью корпусного описания концептуальных интеграционных сетей (уникальных для каждого конкретного случая) и отсутствием соответствующей методики. Исследователи блендинга предприняли попытку отобразить динамику метафоризации и обратились к анализу единичных примеров, однако преодоление статического ракурса в рассмотрении метафорических соответствий чрезвычайно усложнило корпусное описание согласованных с определенной культурой метафорических моделей. Таким образом, новые эвристики были получены за счет отказа от старых. Важно учитывать, что исследователи блендинга ставят перед собой несколько другие цели: изучить метафору не как культурно-статический, а как индивидуально-динамический феномен.

Настоящее исследование основывается на теории метафорического моделирования, развиваемой российскими исследователями на основе теории концептуальной метафоры с учетом достижений отечественной теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Н.В. Багичева, Н.И. Бахмутова, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.), исследований по регулярности семантических преобразований (В.Г. Гак, О.П. Ермакова, Н.А. Илюхина, Н.А. Кузьмина, С.Н. Муране, Г.Н. Складарская, В.Н. Телия, Е.И. Шейгал, Т.В. Шмелева и др.), лингвокультурологии (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.), анализа политического дискурса (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов Ю.Н. Караулов, А.П. Чудинов, П.Б. Паршин, Е.И. Шейгал и др.).

Уже на первом этапе изучения политической метафоры российскими специалистами обнаружилось существенные особенности отечественного

подхода к рассматриваемому феномену, важнейшей из которых стало стремление к полноте и многоаспектности описания, к детальности систематизаций, к использованию корпусных методик, предполагающих значительный объем исследуемых языковых фактов. Показательно, что уже в начале 90-х годов прошлого века А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов подготовили два весьма обширных словаря, в которых были представлены политические метафоры эпохи перестройки и первых лет президентства Б.Н. Ельцина [Баранов, Караулов 1991, 1994]. Описание комплекса метафорических моделей, характерных для последнего десятилетия прошлого века, на основе многотысячного корпуса контекстов представлено в диссертации Ю.Б. Феденевой [1998] и монографии А.П. Чудинова [2001]. Система метафорических моделей начала нового века представлена в диссертации А.А. Федосеева [2004]. В публикации А.Н. Баранова политические метафоры периода августовского кризиса 1998 года рассмотрены на основе корпуса в 750000 словоупотреблений [2003]. Во всех названных исследованиях проявилось стремление авторов детально представить сферы-источники и сферы-мишени метафорической экспансии, подробно охарактеризовать ведущие фреймы и слоты каждой из рассматриваемых моделей, подсчитать частотность использования ведущих моделей в российском политическом дискурсе.

В начале текущего десятилетия появилось множество публикаций, посвященных детальному описанию отдельных метафорических моделей, функционирующих в политической коммуникации [Вершинина 2002; Желтухина 2003; Керимов 2005; Орлова 2005; Ряпосова 2001; Солопова 2005; Сорокина 2004; Сурина 2005; Чудакова 2005; Чудинов 2001; Шехтман 2004].

По существу только в российской лингвистике разработана методика последовательного и детального описания когнитивной структуры метафорической модели с помощью фреймово-слотового анализа, классифицированы основные методики комплексного исследования метафорических моделей, инвентаризированы сферы онтологии,

задействованные в метафорических проекциях [Баранов, Караулов 1991, 1994; Баранов 2003, 2004; Чудинов 2001; 2003а].

Вектор исследований по когнитивной метафоре располагается по направлению от системы языка к ментальной среде функционирования системы, что ни в коем случае не означает отказа от самого принципа системности: осознание сложности объекта исследования приводит к поиску системности другого (концептуального) уровня. Положение о концептуальном характере метафоры, конституирующее целесообразность апеллирования к ментальным структурам при экспликации языковых феноменов, поставило вопросы о системности концептуальных структур, их корреляциями с языковыми структурами и метаязыке научного описания этой системности. Исследователи используют различные по объему и содержанию понятия для описания структур знаний и их взаимодействий: архетипы (К. Юнг), фреймы (М. Минский), ментальные модели (Ф. Джонсон-Лэрд), гештальты (Дж. Лакофф), идеализированные когнитивные модели (Дж. Лакофф), ментальные пространства (Ж. Фоконье), образ-схемы (М. Джонсон), концепты (Е.С. Кубрякова и многие др.), концептуальные домены (Дж. Лакофф), перцепты (В. Эванс), модули (В.З. Демьянков), интериоризованные схемы (Ж. Пиаже), семантические сети (М. Куильян), скрипты (Р. Шенк, Р. Абельсон), ментальный лексикон (Е.С. Кубрякова), ментальный язык (Дж. Фодор), промежуточный язык мысли (Ю.Н. Караулов), универсальный предметный код (Н.И. Жинкин) и многие другие.

В теории метафорического моделирования для отображения структуры метафорической модели используются понятия фреймов и слотов. Под фреймом понимается концептуальная структура для декларативного или процедурного представления знаний о типизированной ситуации или о типичных свойствах объекта. Слот – компонент фрейма, детализирующий свойства и элементы типизированной ситуации. Фреймово-слотовая структура метафорической модели отражает не научную картину мира, а то, что исследователи называют обыденными (наивными) представлениями человека о

мире, донаучной картиной мира (А.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Л.Н. Иорданская, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, С.Е. Никитина, М.В. Пименова, Г. Радден, Е.В. Рахилина, Е.А. Урысон, Й. Цинкен, А.П. Чудинов, Е.С. Яковлева и др.).

При характеристике составляющих слота используется термин «концепт». Концепт как научный термин используется для описания представлений «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Кубрякова и др. 1996: 90]. Совокупность всех концептов в национальном сознании образует национальную концептосферу.

В лингвистике отсутствует однозначное толкование термина «концепт», [Арутюнова 1993; Бабушкин 1996; Воркачев 2001; Демьянков 2001; Зиновьева 2001; Карасик 2004; Колесов 1992; Кубрякова 1996; Лихачев 1993; Попова, Стернин 2002; Степанов 2001] и существует большое количество дискуссионных и нерешенных вопросов о формировании, структуре, типах и языковой объективации концептов.

Для наших целей важно учитывать, что при анализе метафорической модели нельзя ограничиваться только лингвокогнитивным, ориентированным на отношения языка и сознания, или только лингвокультурологическим, направленным на анализ корреляций языка и культуры, подходом к концепту. Мы привели характерное для лингвокогнитивного подхода определение Е.С. Кубряковой, учитывая одно важное обстоятельство. По справедливому указанию В.И. Карасика, лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы не являются взаимоисключающими, «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу общества, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2004: 117]. Конкретное метафорическое выражение есть коррелят фрагмента индивидуальной концептосферы, но при построении метафорической модели

из индивидуальных метафор образуется «метафорическая мозаика» [Чудинов 2003], отражающая концептосферу общества и ее культурные доминанты. Сопоставительное исследование метафорической модели по вектору (или методу) начинается с исследования вербализованных компонентов индивидуальных концептосфер независимо от того, присутствует ли в индивидуальном концепте оценочный компонент, является ли это содержание культурно специфичным (что не всегда известно в начале исследования, иначе в анализе нет смысла), но по результату исследования делаются выводы об универсальном и культурно специфичном в национальных концептосферах. Таким образом, при исследовании метафорических моделей корреляции индивидуального и культурно-специфичного концептуального содержания носят неразрывный, диалектический характер.

Несмотря на то, что для обозначения концептов часто используют слова естественного языка, исследователи отмечают отсутствие жестких соответствий между концептуальными и языковыми структурами [Воркачев 2001; Попова, Стернин 2002; Карасик 2004; Кубрякова 1996 и др.]. При когнитивном метафорическом анализе учитываются не только метафоры в традиционном понимании, но и метонимические переносы, синекдоха, фразеологизмы, перифразы, сравнительные обороты, что связано с признанной в когнитивистике асимметрией между концептуальной метафорой и языковыми средствами ее объективации (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Л. Гуссенс, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, А.П. Чудинов и др.). Как отмечает А.П. Чудинов, в когнитивной парадигме понятийное сближение рассматривается как фактор более важный, чем уровневые или структурные различия, а язык рассматривается «как единый континуум символьных единиц», поэтому при метафорическом анализе «в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям» [Чудинов 2001: 37].

В рамках когнитивного анализа, направленного на выявление согласованных с определенной культурой конвенциональных метафорических

соответствий, возникают трудности с экспликацией концептуальной «эволюции» метафор, которая в большей степени связана с профилированием в политической коммуникации не востребованных ранее модусов действительности или появлением новых экстралингвистических феноменов, чем с прототипическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Преодоление этих трудностей в исследовании каузальности порождения и функционирования метафор возможно на пути дополнения когнитивного подхода эвристиками дискурс-анализа, к рассмотрению которого мы и приступаем в следующем параграфе.

1.2. Дискурсивный подход к анализу метафоры

В настоящем параграфе рассматривается проблема определения дискурса, ограничиваются рамки политического дискурса, рассматриваются основные подходы к дискурс-анализу политических метафор в современной лингвистике и обосновывается выбор принимаемого в настоящей диссертации подхода с указанием на эвристики выбранного варианта.

Как показывают специальные обзоры в лингвистике нет однозначного определения термина «дискурс» [Борисова 2004; Карасик 2004; Кубрякова 2000, 2004; Макаров 2003; Паршин 1999; Петрова 2003; Серию 2002; Цурикова 2002; Чернявская 2001; Чудинов 2001, 2003б; Шейгал 2004; Brown, Yule 1983; Schiffrin 1994; Yule 2000]. Как отмечает Дж. Юл, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

В современных обзорах и исследованиях сущности дискурса сложилось два подхода к определению онтологического статуса рассматриваемого феномена. В первом случае исследователи воспринимают дискурс как такой

объективно существующий феномен действительности, при описании которого возможен один наиболее адекватный подход к его описанию. При таком понимании исследователи анализируют существующие определения и, указывая на их «логическую некорректность», предлагают свое, «наиболее правильное» понимание. При альтернативном подходе различные определения дискурса рассматриваются как равновозможные, что не лишает ученого возможности соотносить понимание дискурса со спецификой своего исследования. При таком подходе определение дискурса соотносится с целями, материалом, научными традициями и другими конститутивными факторами исследовательской деятельности. Сущность эволюции понятия «дискурс» и причины его вариативности выразила Е.С. Кубрякова, указывая, что «интуитивное обращение к новому понятию было вызвано не просто модой и не только содержанием слова дискурс, которое в литературном языке могло означать и речь, и беседу, и разговоры, и лекции, и последовательное изложение мысли, и рассуждения с переходом от одной темы к другой. Оно было связано с необходимой потребностью в создании такого концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связанную с самими коммуникативными условиями этого порождения» [Кубрякова 2004: 524]. Различные подходы к дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства: ученые акцентируют внимание на различных аспектах условий порождения дискурса в зависимости от исследовательских традиций, целей и материала исследования.

Вместе с тем нет необходимости использовать термин «дискурс» для обозначения понятий, за которыми в лингвистике давно закрепились устойчивые названия [Чудинов 2003б: 18]. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые рассматривают дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8]. Также Н.Д. Арутюнова

рассматривает дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1990: 136–137]. Как указывает А.П. Чудинов, «преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов 2001: 196].

Для определения границ политического дискурса важны идеи ряда исследователей, придерживающихся широкого понимания политического измерения дискурса. Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серио 2002: 21]. Широкой трактовки придерживается К. Хадсон, отмечавший, что «политика – это одежда, еда, жилища, развлечения, литература, кино и отпуск – в такой же мере, как речи и статьи» (цит. по [Шейгал 2000: 12]). По мнению Р. Водак и Людвиг, дискурс «неразрывно связан с властью и идеологией. Не существует социального взаимодействия, в котором не доминировали бы отношения к власти или не играли релевантной роли нормы и ценности» [Wodak, Ludwig, 1999: 12].

Некоторые уточнения такого «сильного» варианта, размывающего границы между различными видами дискурсов, преодолеваются в работе Е.И. Шейгал [2004], в которой определяются критерии для определения границ именно политического дискурса. Указывая на диффузные границы между различными видами дискурсов, Е.И. Шейгал предлагает использовать полевой подход. Политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [Шейгал 2004: 18–32]. При этом важно учитывать, что содержание

сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е. исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [Yule 2000: 84].

В настоящем исследовании принят «слабый» вариант определения границ политического дискурса. Например, не подвергались специальному рассмотрению материалы, посвященные вопросам спорта, искусства, экологии и т.п. Однако анализ материала показывает, что некоторые сферы общественной жизни эксплицитно связываются адресантом коммуникации с политической жизнью общества, а многие метафорические выражения, посвященные неполитическим сферам общественной жизни, позволяют адресату без особых затруднений получать инференции политического свойства.

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: дескриптивный и критический [Fairclough 1985]. Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе, а исследователь политического дискурса открыто занимает позицию лишенных власти и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [Dijk 1993: 253].

Тот факт, что различные подходы к политическому дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства можно продемонстрировать, рассмотрев общее и особенное в критическом дискурс-анализе. На настоящий момент в зарубежной лингвистике сложилось три основных школы критического подхода к анализу политического дискурса:

– немецкая школа критического анализа дискурса (З. Егер, У. Маас, Линк), особое место в которой занимает социолингвистический дискурс-анализ Р.

Водак и ее коллег (венская школа дискурс-анализа) (Г. Вайс, Х. Людвиг, П. Новак, Й. Пеликан, М. Седлак).

– социо-когнитивный анализ дискурса Т. ван Дейка.

– школа дискурс-анализа Н. Фэйрклау.

В зависимости от исследовательских традиций в понимании дискурс-анализа ученые указывают на различные элементы экстралингвистической действительности, обладающие дискурсообразующим характером. Так, отправной точкой в разработке принципов дискурс-анализа по Т. ван Дейку стало положение о том, что «пренебрежение социально-когнитивными факторами представляется одним из главных теоретических недостатков большинства работ в русле критической лингвистики и дискурс-анализа» [Dijk 1993: 251]. В школе Т. ван Дейка акцент ставится на моделировании когнитивных структур в общественном сознании посредством анализа дискурса политических элит, стремящихся к легитимизации социального неравенства [Dijk 1993, 2001 и др.].

Другой вариант критического дискурс-анализа предложен Н. Фэйрклау [Fairclough 1989]. Характерными чертами этого подхода являются привнесение в дискурс-анализ эвристик анализа интертекстуальности и пристальное внимание к вопросу о различиях в восприятии одного и того же коммуникативного события разными аудиториями, что сближает идеи Н. Фэйрклау с теорией релевантности Д. Спербера и Д. Вилсона.

Дискурс-анализ по Р. Водак восходит к «социолингвистике в Бернштейнианской традиции и идеям франкфуртской школы» [Wodak 1995: 209]. Анализ дискурса антисемитизма привел Р. Водак к разработке подхода, определяемого ею как «социо-исторический метод в дискурсе». С помощью социо-исторического метода предпринимается попытка «систематически интегрировать всю доступную фоновую информацию в анализе и интерпретации всех уровней письменного или устного текста» [Wodak 1995: 209]. Согласно теории Р. Водак, язык не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс

«всегда историчен, т.е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде» [Wodak, Ludwig 1999: 12]. Фокусировка внимания на социо-историческом контексте дискурса в процессе объяснения и интерпретации – особенность, отличающая этот подход от дискурс-анализа по Т. ван Дейку и сближающая его с идеями об интертекстуальности в дискурс-анализе Н. Фэйрклау.

При дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования. По мнению П. Чилтона, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

При более детальном рассмотрении дискурс-анализ представлен «микролингвистикой» У. Мааса (Micro-Sprachwissenschaft), «лингвистикой намека» Ф. Янушека (Linguistik der Anspielung), исследованиями коллективных символов в политическом дискурсе Ю. Линка [см.: Jäger 1996] и работами других исследователей, тщательный обзор которых проведен М.В. Гавриловой [2003, 2004].

Не совсем верно ставить в один ряд с дескриптивным и критическим подходами когнитивный подход ввиду гетерогенности критериев, положенных в основу классификации. Разделение дескриптивного и критического подходов основано на критерии присутствия или отсутствия идеологической, гуманистической оценки объекта субъектом исследования, а выделение когнитивного подхода – на критерии метода (и шире – методологии) исследования. Другими словами, критический дискурс-анализ не может быть дескриптивным, в то время как и тот и другой могут дополняться или не

дополняться когнитивными методами (например, когнитивный критический дискурс-анализ по Т. ван Дейку или К. О'Халлорану, некогнитивный критический по Н. Фэйрклау, дескриптивный когнитивный у многих российских исследователей и т.д.).

По этому наиболее общему критерию настоящее исследование относится к когнитивному дескриптивному анализу политического дискурса.

Прежде чем приступить к рассмотрению современных подходов к дискурсивному анализу политической метафоры, необходимо отметить, что в зарубежной лингвистике феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно разрабатывался с середины 20 века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (Р. Аден, Р. Айви, Ф. Брайан, А. Гастингс, В. Гриббин, Л. Гриффин, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт, В. Стелцнер и др.).

Важно подчеркнуть стремление многих исследователей рассмотреть роль метафоры в развитии социальных процессов. С этой точки зрения особого внимания заслуживают современные работы американского ученого Р.Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества. В публикации “The Discursive Origins of Russian Democratic Politics” [Anderson 2001] автор излагает *дискурсивную теорию демократизации*, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий. По Р.Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками,

сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе.

Для подтверждения своей теории Р.Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор [Anderson 2002a; 2002b]. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов Политбюро 1966–1985 гг. (авторитарный период), выступления членов Политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991–1993 гг. (демократический период). Исследовав частотность нескольких групп метафор, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что частотность метафор размера и метафор личного превосходства и субординации уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти. Специальный анализ показал, что на смену «вертикальным» метафорам приходят метафоры «горизонтальные»: *диалог, спектр*, цветовые метафоры, метафоры сторон и др. Гигантомания и патернализм метафор, характерные для дискурса авторитарного периода в СССР, присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, поэтому пространственные метафоры субординации представляют собой универсальный индикатор недемократичности общества.

Поскольку Р.Д. Андерсон отводит метафоре роль фактора, оказывающего большое влияние на общественные процессы, его теория вполне согласуется с взглядами на прагматический потенциал концептуальной метафоры в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, хотя исследователь эксплицитно не апеллирует к процедурам обработки знаний.

В современной политической лингвистике дискурс-анализ политической метафоры представлен и многими другими направлениями. Так, П. Друлак [Drulak 2004] предпринял попытку синтезировать эвристики концептуального исследования с методами *дискурсивного анализа социальных структур* по А. Вендту. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры (в том числе и метафорические) являются отражением структур социальных.

Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза (период 2000–2003 гг.). Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ и др.), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Иначе говоря, лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Во многих публикациях методика концептуального анализа метафор в политическом нарративе дополняется методами *критического дискурса-анализа* и сочетается с гуманистическим осмыслением анализируемых событий. Так, в январе 1998 года резко увеличилось количество курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление этих событий в австрийских газетах, Е. Рефайе [Refaie 2001] выявляет, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [Refaie 2001: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan 2004], определяя методологической основой своего исследования критический дискурс-анализ, рассмотрели немецкие концептуальные метафоры родства, болезни, школы, криминального мира, войны и дома как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг.

Важное место в политической лингвистике занимает *комбинаторная теория кризисной коммуникации* (ССС-theory) К. де Ландтшер и ее единомышленников. Исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и

синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны [Beer, Landtsheer 2004]. Некогда К. де Ландтшер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [Landtsheer 1992]. В очередном исследовании К. де Ландтшер и Д. Фертессен [Vertessen, Landtsheer 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе.

Теория *дискурсивного понимания метафоры* (*the discursive notion of metaphor*) разрабатывается рядом немецких лингвистов (Й. Вальтер, Й. Хелмиг, Р. Хюльссе). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный феномен, сколько феномен социальный. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на «конструирование социальной реальности» [Hülse 2003]. Например, Р. Хюльссе, проанализировав метафоры ДВИЖЕНИЕ и КОНТЕЙНЕР в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе, пришел к выводу, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (in-between-space), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством [Hülse 2000]. Согласно названной теории, сам дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль) [Walter, Helmig 2005].

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской *теории дискурса* Э. Лаклау. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, например, лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005]. При более широком рассмотрении этот подход включается в направление *постмарксистской теории дискурса* [Howarth 2005].

По мнению В. Моттьер, адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе *герменевтического подхода* с эвристиками *дискурсивного анализа* М. Фуко, что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма [Mottier 2005].

С дискуссионным вопросом о конвенциональности прагматических смыслов определенной сферы-источника и их корреляций с политическим дискурсом связан ряд публикаций А. Мусолффа [Musolff 2000a, 2000b, 2001a, 2001b, 2003, 2004a, 2004b]. По мнению исследователя, одни и те же сферы-источники реализуются в политическом дискурсе разных стран для привнесения как пейоративных, так и мелиоративных смыслов. Конкретная сфера-источник – это точка отсчета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, для отражения оценок и интенций участников коммуникации. А. Мусолфф не отрицает частичную детерминацию осмысления событий структурой сферы-источника, но показывает, что значительное влияние на функционирование политической метафоры оказывают не только языковые или когнитивные факторы, но и экстралингвистическая среда.

Характерная черта современных российских исследований – теоретическая и практическая разработка *когнитивно-дискурсивного подхода* к анализу метафоры, объединяющего описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации (А.Н. Баранов, Т.С. Вершинина, Ю.Н. Караулов, А.А. Каслова, Р.Д. Керимов, Е.В. Колотнина, Н.А. Красильникова, А.Б. Ряпосова, Н.А. Санцевич, Т.Г. Скребцова, А.В. Степаненко, А.М. Стрельников, Ю.Б. Феденева, Н.М. Чудакова, А.П. Чудинов, О.А. Шаова и др.). В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. При когнитивно-дискурсивном подходе «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520]. Метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию.

Не всегда возможно заранее инвентаризировать или указать на экстралингвистические факторы, апелляция к которым понадобится для экспликации порождения и функционирования политических метафор, чем и объясняется столь широкая на первый взгляд трактовка дискурса, принимаемая в настоящей работе. В этом отношении показательно сопоставительное исследование А. Мусолффа [Musolff 2004a], посвященное анализу метафор со сферой-источником «политическое тело» в английском и немецком политическом дискурсе 1989–2001 гг. А. Мусолфф выявил, что 45 % словоупотреблений концептуальной метафоры «ЕС – это человеческое тело» приходятся на метафору *сердце Европы* (*heart of Europe / herz Europas*). Немцы предпочитают использовать метафору *herz Europas* как ориентационную, что неудивительно, если учесть, что географически Германия находится в центре Европы. Британцы намного реже используют ориентационный потенциал

политической метафоры *heart* и акцентируют внимание на функциональном значении сердца для человеческого организма (Евросоюза), поскольку по сравнению с Германией Великобритания относится к географической периферии Европы. А. Мусолфф, прослеживая хронологические изменения («эволюцию») в актуализации метафоры *heart of Europe* в английской прессе, показывает, что по мере усиления разногласий между Великобританией и ЕС в британской (но не в немецкой) прессе начинают доминировать метафоры болезни сердца. Подобные образы отражают скептическое отношение британцев к политике ЕС, сменившее оптимистические настроения начала 90-х годов, когда акцентировалась значимость Великобритании в европейской политике.

Таким образом, указание на социально-политические и историко-культурологические факторы действительности не исчерпывает потенциального многообразия экстралингвистической каузации порождения и функционирования метафоры в политическом дискурсе. Как отмечает А.П. Чудинов, при исследовании концептуальной метафоры в политическом дискурсе необходимо учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2003б: 18].

Вместе с тем дискурсивный подход к анализу метафоры не означает, что необходимо предварять исследование метафоры социальными, политологическими, историческими, культурологическими и прочими очерками, опираясь на необходимость «учета экстралингвистических факторов». Обращение к экстралингвистической действительности целесообразно для экспликации фактов собственно лингвистических, не представляются плодотворными детализированные историко-политические экскурсы, предваряющие описание политических метафор. Поэтому вполне закономерно, что неоправданная интердисциплинарность вызывает справедливую критику (см., например [Попова, Стернин 2002]).

Как показывает анализ, российская школа дискурсивного анализа вобрала в себя некоторые эвристики дискурс-анализа по Т. ван Дейку (потеряв критичность), близка идеям социополитического дискурс-анализа Р. Водак, конститутивно интегрирует дискурс-анализ с когнитивной методологией. Вместе с тем многие европейские лингвисты все чаще в разработке принципов дискурс-анализа занимают близкие когнитивно-дискурсивной парадигме методологические установки [Yule 2000; Chilton 2005], в том числе применительно к дискурс-анализу политических метафор [Musolff 2004a, 2004b; Steen 2002; Walter, Helmig 2005; Hülse 2003; Mottier 2005; Zinken 2002, 2004b].

То общее, что объединяет различные подходы на методологическом уровне, в еще большей степени проявляется на уровне методик анализа когнитивной метафоры в политическом дискурсе, к анализу которых мы и приступаем в следующем параграфе.

1.3. Методика анализа метафорических моделей

В настоящем параграфе на основе анализа современных исследований рассматриваются основные методики исследования метафорических моделей с целью определить и обосновать подход к исследованию, интерпретации и представлению материала настоящего исследования. Изложение имеет следующую структуру: изложение общей методики описания и характеристики метафорической модели, рассмотрение основных методик исследования метафорических моделей и обоснование методики для сопоставительного анализа метафорических моделей в настоящем исследовании.

Как указывает А.П. Чудинов [2001: 44–46; 2003: 70–72], для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

– исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, откуда-сферу, сигнификативную зону, источник

метафорической экспансии, область источника), то есть понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

– новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-магнит, сферу-мишень, куда-сферу, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц;

– относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют исходную концептуальную сферу, а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита;

– составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации;

– компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы, охватываемых данной моделью единиц, то есть выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;

– дискурсивную характеристику модели (типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, взглядами и интенциями субъектов коммуникации);

– продуктивность модели, то есть способность к развертыванию на основе актуализации новых фреймов, слотов, концептов (степень продуктивности модели увеличивается по мере использования все новых и новых лексических единиц); частотность модели и при необходимости ее доминантность (если потенциал развертывания и частотность использования метафорической модели на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются).

Прежде чем приступить к обзору методик и исследований, необходимо отметить, что понятие метафорической модели в зарубежной лингвистике используется редко (в аналогичном смысле используются понятия метафорической системы (metaphoric system) или концептуальной метафоры в широком смысле), а во многих исследованиях по концептуальной метафоре вопрос о системности междоменных корреляций ограничивается ссылками на монографию Дж. Лакоффа и М.Джонсона [1980]. Вместе с тем разработанный в теории метафорического моделирования метаязык вполне позволяет описывать эти исследования в рамках названной теории.

Основываясь на анализе исследований концептуальной метафоры можно выделить четыре основные методики.

1. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.
2. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.
3. Методика исследования метафор в дискурсе адресанта.
4. Методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор.

Каждая методика представлена в двух вариантах: исследования метафорических моделей на материале одного языка и сопоставительные исследования.

1.1. Методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии (на материале одного языка)

Используя эту методику, исследователи пытаются выявить ингерентные характеристики и типичные прагматические смыслы политических метафор определенной сферы-источника.

Так, Дж. Лакофф [Lakoff 2004] выделил две модели со сферой-источником «Семья» во внутривнутриполитическом американском дискурсе. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец,

который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики, Дж. Лакофф устанавливает корреляции между политическим доминированием консерваторов и неудачами либералов с использованием этих двух моделей [Lakoff 2004: 5–34].

В монографии А.П. Чудинова [2001] выявлены и проанализированы основные сферы-источники метафорической экспансии, востребованные в российском политическом дискурсе 1991–2000 гг. С. Хайден [Hayden 2003] рассмотрел политическую эффективность метафор с исходной понятийной областью «Семья». Морбиальную метафору и ее прагматический потенциал в дискурсе европейской безопасности исследовала М. Луома-ахо [Luoma-aho 2002]. Детальная характеристика метафорической модели со сферой-источником «Неживая природа» представлена в диссертации Н.М. Чудаковой [2005]. Исследователи обращались к самым разнообразным понятийным сферам: «Семья» [Cienki 2004, 2005], «Женитьба» [Hahn 2003; Koller 2002], «Дом» [Bachem, Battke 1991; Chilton 1996], «Механизм» [Ezrahi 1995], «Человеческий организм» [Harvey 1999], «Война» [Koller 2002; 2004], «Спорт» [Howe 1988; Jansen, Sabo 1994], «Театр» [Ezrahi 1995; Lawton 1996] и др.

В некоторых исследованиях анализу подвергается группа близких по сферам-источникам (относящихся к одной субсфере по классификации А.П. Чудинова) или объединяемых схожими ингерентными характеристиками метафорических моделей. Примером первого типа служит диссертация Т.С. Вершиной [2002], в которой рассматриваются метафорические модели с исходной биологической сферой. Примером второго типа служит анализ метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом

(исходными понятийными сферами «Мир животных», «Война» и «Криминальный мир») в диссертации А.Б. Ряпосовой [2002].

При более детальном рассмотрении анализу подвергаются отдельные концепты сферы-источника (например, *гетто* в исследовании А. Чаглара [Çaglar 2001]).

1.2. Методика сопоставительного исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии

Применяя эту методику исследования метафорических моделей, авторы описывают общую для двух языков модель (по сфере-источнику) и делают выводы об общих характеристиках и особенностях исследуемых метафорических моделей в разных лингвокультурах.

На материале разных языков сопоставительные исследования с применением такой методики проведены на примере сфер-источников «Болезнь» [Телешева 2004], «Война» [Муране 2001; Шудегова 2002], «Дорога» [Musolff 2001], «Спорт» [Шехтман 2004а], «Мир животных» [Shelley 2003], «Дом» [Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995; Musolff 2000], «Океанские воды» [Chung et al. 2003с], «Театр» [Чернякова 2004; Шехтман 2004б], «Механизм» [Каслова 2004], «Строительство» [Каслова 2004], «Человек» [Chung et al. 2003а], «Транспортное средство» [Chung et al. 2003b], «Медицина» [Муране 2002; Шмелева 2001] и др.

Возможно сопоставительное исследование отдельных концептов сферы-источника. Примером такого подхода служит проведенное А. Мусолффом исследование метафор «*heart of Europe*» и «*herz Europas*» в немецком и английском политическом дискурсе [Musolff 2004а].

В другом исследовании А. Мусолфф [Musolff 2000] прослеживает «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Вслед за рядом исследователей [Bachem, Battke 1991; Chilton, Ilyin 1993; Chilton, Lakoff 1995] автор моделирует два различных концепта: российский концепт «дом» (многоквартирный дом) и западноевропейский вариант (частный дом,

обнесенный забором). При переводе метафоры М.С. Горбачева европейцы актуализировали другой прототип, что и объясняет, по мнению автора, популярность этой метафоры в европейском дискурсе. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989–1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы* и др. По мере роста противоречий в 1997–2001 гг. начинают доминировать скептические (*реконструкция, хаос на строительной площадке*) или пессимистические (*горящее здание без пожарного выхода*) метафоры. Оптимистический период характеризуется значительным сходством британских и немецких метафор. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (*немцы – оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

В других публикациях А. Мусолфф [Musolff 2001a, 2001b] сопоставляет метафоры со сферой-источником ДОРОГА/ДВИЖЕНИЕ/СКОРОСТЬ в британской и немецкой прессе, освещающей политические процессы в Европейском Союзе. Анализ материала обнаружил различия в эксплуатации прагматических смыслов метафор немцами и британцами, которые используют потенциал сферы-источника для отображения различных взглядов на перспективы развития ЕС: британцы критикуют Германию за излишнюю поспешность, немцы метафорически порицают Великобританию за медлительность.

Детальный анализ метафор из сферы-источника «Дом/Строительство» как средства концептуализации Европы в российском и немецком газетном дискурсе 2000 г. проведен Й. Цинкеном [Zinken 2002]. Прежде всего, Й. Цинкен разделил рассматриваемые метафоры по сферам-источникам на две группы: «Здание» и «Строительство». Проанализировав первую группу, автор показал, что в российском дискурсе очень продуктивен фрейм «Структура здания»: для

россиян важно определить, стоит ли Россия на *пороге* европейского дома или ее впустили в *прихожую*, *отгородились* ли европейцы от России или позволяют ей *обжиться* в европейском доме и т.п. В немецком дискурсе метафоры этого фрейма почти не используется, но продуктивны метафоры *порядка в доме*, *договора о найме помещения*, которые отсутствуют в российском дискурсе. Этот факт Й. Цинкен объясняет, например, тем, что в повседневной жизни россиян договор о найме жилья малоизвестен. Продуктивность и частотность метафор второй группы (сфера-источник «Строительство») в российском дискурсе значительно уступает аналогичным показателям в немецком дискурсе.

2.1 Методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии (на материале одного языка)

При использовании этой методики точкой отсчета для исследователя становится сфера-мишень. К этой группе относятся исследования, авторы которых анализируют, какие метафоры (сферы-источники) актуализируются для осмысления определенного фрагмента действительности.

Например, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели (исследователь называет их метафорическими системами – *metaphoric systems*) на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

Исследователи рассмотрели сферы-мишени «мировая экономика после терактов 11 сентября» [Holmgreen 2003], «расовая сегрегация» [Durrheim, Dixon 2001], «международные отношения» [Chilton, Lakoff 1995; Jewell 1999; Lakoff 2001a; Скребцова 2002],

Большая часть публикаций с применением этой методики посвящена исследованию концептуальных метафор в политическом нарративе. Под

политическим нарративом понимается совокупность политических текстов, тематически сконцентрированных вокруг определенного политического события (выборов, референдума и т.п.) [Чудинов 2003: 162].

Как было доказано в исследовании Х. де Ландтшер [Landtsheer 1991], количество метафор увеличивается в периоды политических кризисов, поэтому вполне закономерно, что политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе» вызвал повышенный интерес среди исследователей политической метафоры. Первое исследование было опубликовано Дж. Лакоффом [Lakoff 2003b] еще до начала военных действий. Анализируя метафоры, используемые администрацией и СМИ США для оправдания второй войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделяет базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании (*Государство – это индивид, Модель Рациональной Личности, Сказка о справедливой войне*).

Дж. Льюл [Lule 2004] на материале дискурса новостей NBC рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе. Метафорическому представлению второй войны в Персидском заливе посвящена публикация Дж. Андерхилла [Underhill 2003], в которой автор выявляет 13 метафорических моделей в британской прессе. Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры «Ирак – это Вьетнам Буша», «вьетнамское болото» в американских политических дебатах.

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [Paris 2001]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об

оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось, как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о невинных жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной», поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

С анализом метафор в нарративе войны тесно связаны исследования, посвященные метафорическому представлению событий 11 сентября 2001 г и их последствиям. Так, К. Халверсон [Halverson 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне*. Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социо-культурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 2001b].

Е. Рефайе рассмотрела политический нарратив «Иммиграция курдов в Италию в 1998» на материале австрийских газет и выявила, что доминантные метафоры изображают людей, ищущих убежища, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения [Refaie 2001].

Широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (*Wende-Periode*) на материале немецкой прессы представлена в публикациях Й. Цинкена [Zinken 2004a, 2004b]. Представление украинского политического кризиса 2000–2001 гг. в украинских СМИ исследовали О. Байша и К. Халлахан [Baysha, Hallahan 2004]. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

2.2. Методика сопоставительного исследования концептуальных метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии

К этой группе относятся исследования, авторы которых анализируют, какие метафоры актуализируются для осмысления определенной понятийной сферы-мишени в разных национальных дискурсах. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследует метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показывает, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы. Сопоставление английских и российских концептуальных метафор для сферы-мишени «Экономика» провела Е.В. Колотнина [2001]. В исследовании Т. Эннис эта же сфера мишень рассмотрена на материале английского и испанского языков [Ennis 1998].

Используя эту методику, С.Л. Мишланова [2002] показала, что английские, немецкие и русские метафоры, актуализированные для осмысления сферы-мишени «Медицина», существенно различаются по сферам-источникам.

Финский исследователь М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показывает, что дебаты на Межправительственной конференции 1990–1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если США и европейские страны (члены НАТО) видели в Западноевропейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку*. Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

В качестве сферы-мишени может выступать политический нарратив. Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2001] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ апеллировали все к той же *Сказке о справедливой войне* (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели *Государство – это индивид*, а С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры *Христианского Рыцаря*, идущего в

крестовый поход ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича – еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне.

В исследовании А.П. Чудинова [2003] продемонстрировано, что при метафорическом представлении балканской войны в российском политическом дискурсе постоянно использовалась концептуальная метафора РУССКИЕ И СЕРБЫ – ЭТО БРАТЬЯ. В представлении россиян сербы – *Жертвы*, а *Злодеи* – албанцы, в то время как в США и в большинстве европейских стран осудили сербских *Злодеев* и согласились с необходимостью военного вмешательства для защиты *Жертвы* (косовских албанцев).

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Югославии» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Исследователь выявил, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С. Хусейна заменил «злодей» С. Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве «героя». Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что и сербы и американцы апеллировали к историческим событиям второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – это *нацисты* (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула «Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе.

В рамках этой методики возможно сопоставление метафорической репрезентации не одного нарратива в дискурсах разных стран, а однотипных политических нарративов или однотипных общественных феноменов. Хорошим примером первого типа является диссертация А.А. Касловой [2003], в которой показано, что столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор совершенно нехарактерно для США, где президент представляется не монархом, а нанятым народом менеджером. Примером второго типа является сопоставление метафор, легитимирующих социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии, по мнению исследователя, характерны метафоры музыки и танца. Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом. Так, до 90-х годов 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи [Ringmar 2005].

Таким образом, точкой отсчета для анализа метафорических моделей может служить и сфера-мишень, и сфера-источник метафорической экспансии. В монографии А.П. Чудинова [2003а] представлено описание, с одной стороны, политических метафор, объединяемых сферой-источником «Экономика», а с другой – метафор со сферой-магнитом «Экономика».

Нередко в одном и том же исследовании совмещаются обе методики. Например, А.Б. Ряпосова [2002] ограничивает исследование метафорических моделей, с одной стороны, сферой-мишенью (политический нарратив «Федеральные выборы»), с другой – сферами-источниками, агрессивный прагматический потенциал которых позволяет задействовать концептуальная метафора в политическом дискурсе. В исследовании В. Коллер [2002] область исследования тоже ограничена и сферой-источником, и сферой-мишенью. В. Коллер выбрала для своего исследования метафоры родства и войны (по сфере-

источнику), а в качестве сферы-мишени – «Поглощение и слияние экономических компаний».

3.1. Методика исследования метафор в дискурсе субъекта политической деятельности (на материале одного языка)

При использовании этой методики исследователь не выбирает какой-то определенной сферы-мишени или сферы-источника, а выявляет метафорические модели, наиболее характерные для дискурса определенного субъекта политической коммуникации .

Как заметила Ш. Линд, «сильные мира сего с равным успехом навязывают свои метафоры и в национальной политике, и в повседневном общении» [Лакофф, Джонсон 2004: 185]. Если учитывать, что метафоры несут в себе значительный прагматический потенциал, способны изменять понятийную систему человека и влиять на поведение, то вполне понятен интерес исследователей к концептуальным метафорам в речи политиков и лингвопрагматическая направленность подобных публикаций.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые рассмотрели милитарную метафору Дж. Картера и ее следствия [2004: 184–186]. Среди первых подобных исследований концептуальной метафоры можно выделить работу группы американских исследователей [Adamson et. al 1992], проанализировавших метафорические модели в идиолекте американского консерватора Р. Лимбау и выделивших доминантные концептуальные метафоры его идиолекта.

В рамках этой методики заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействует на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо [Verho 2000] задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д. Перона. Автор сопоставляет метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта

Х.Д. Перона. А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло будущему президенту огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д. Перона к власти.

Подобные исследования направлены на выявление способов убеждения адресата, основанных на использовании метафорической логики. Так, Т. Рорер [Rohrer 1995] исследовал прагматический потенциал метафор американского президента Дж. Буша и Сената в период авг. 1990 – янв. 1991. Большинство анализируемых автором контекстов рассматривается на фоне развертывания метафоры «Государство – это человек» и метонимии «Государство – это его президент». Автор выявляет в идиолекте Дж. Буша метафорическое представление Ирака как каннибала; аморального ребенка, которого нужно поставить в угол; преступника-насильника. Отмечается, что, если Дж. Буш апеллировал к сфере-источнику «Вторая мировая война» (*Гитлер, блицкриг*), то сенаторы-демократы предпочитали актуализировать сферу-источник «Вьетнамская война».

Т. Оберлехнер и В. Майер-Шенберген [Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002] исследуют метафоры в дискурсе лидерства и выявляют доминантные метафорические модели в идиолекте британского промышленного «гуру» Дж. Харви-Джонса. В исследовании И. ван дер Валка [Valk 2001], посвященном сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер Народного Фронта использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства.

Особое место среди публикаций, использующих данную методику, занимают экспериментальные исследования, направленные на выявление потенциала метафор к переконцептуализации политической картины мира в речи политиков. Так, скандинавские исследователи [Heradstveit, Bonham 2003], изучая влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание, рассмотрел интервью с 32 представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 годах. В процессе исследования было обнаружено, что метафора вызвала недоумение большинства респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил. В исследовании Е. Семино [Semino 1996] рассмотрены метафоры, характерные для идиостиля премьер-министра Италии Сильвио Берлускони.

Вместе с тем исследователям удается показать, что предлагаемые политиками метафоры лишены манипулятивной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества, что продемонстрировал П. Друлак [Drulak 2005] на примере анализа метафоры «двойного дома» чешского премьер-министра П. Питхарта.

Среди российских публикаций выделяется диссертация Т.С. Вершининой [2002], в которой рассмотрена метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков.

3.2. Методика сопоставительного исследования концептуальных метафор в дискурсе субъекта политической деятельности

В сопоставительном аспекте такая методика позволяет выявить общие закономерности метафорического моделирования действительности и стандартные сценарии, актуализируемые адресантом политической коммуникации для манипуляции общественным сознанием в разных странах.

Так, Дж. Чартерис-Блэк [Charteris-Black 2004], проанализировав риторику британских и американских политиков, показал, как метафоры регулярно

используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях.

Чешский лингвист П. Друлак [Drulak 2004] проанализировал метафоры, актуализированные в дебатах о составе и структуре Европейского Союза, в выступлениях лидеров 27 европейских стран и Турции за период 2000–2003 гг. Выделив концептуальные метафоры «самого абстрактного уровня» (КОНТЕЙНЕР, РАВНОВЕСИЕ КОНТЕЙНЕРОВ), П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Таким образом, удалось показать, что метафоры политиков отражают их видение политической ситуации: лидеры стран ЕС предпочитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

4.1. Методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор (на материале одного языка)

С помощью данной методики метафорического анализа исследователи выявляют базовые ментальные представления, лежащие в основе категоризации политического мира. В подобных исследованиях метафорические модели рассматриваются как средство выявления структур репрезентации действительности, которые не всегда выражены эксплицитно.

Примером применения такой методики может служить исследование Э. Сандикциоглу, который показал, что американские политические метафоры, актуализированные для осмысления первой войны в Персидском заливе, отражают базовую *оппозицию* Мы (Запад) – Они (Восток) через такие частные оппозиции как цивилизованность – варварство, сила – слабость, зрелость – незрелость, рациональность – эмоциональность, стабильность –

нестабильность, сотрудничество – родство, азартная игра – базар [Sandikcioglu 2003].

Р. Хюльссе [Hülse 2000], проанализировав метафоры в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе, выявил, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (*in-between-space*), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством. К этой же группе относится исследование ирландских лингвистов Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan 2004], проанализировавших концептуальные метафоры как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. в немецкой прессе. Как показали исследователи, метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации. В результате **МЫ**-немцы характеризуются как честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные. Благородным немцам противопоставлены жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные **ОНИ**-ирландцы. Одновременно хорошая старая Ирландия противопоставляется плохой новой Ирландии.

4.2. Методика сопоставительного исследования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор

Данная методика направлена на моделирование когнитивных структур самого общего уровня категоризации политического мира (образ-схемы, оппозиции, стереотипы и др.) путем сопоставления метафорических моделей в различных лингвокультурах.

В рамках этой методики выполнена докторская диссертация Й. Цинкена [Zinken 2002]. Анализ метафор позволил смоделировать дискурсивно-специфичные (*diskursspezifische*), но устойчивые и согласованные с определенной культурой **стереотипы** (*Abbildungstereotypen*). При концептуализации Европы выделено три таких стереотипа (Европа институциональная, Европа культурная, Европа географическая). Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения: для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и

стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип – «Европа – это дом и чужая собственность» (географический подход). Этим можно объяснить отражающиеся в метафорах российского дискурса попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет (географически Европа заканчивается на Урале) [Zinken 2002: 179–192].

Несколько иной подход Й. Цинкен [Zinken 2002] использовал для анализа метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три **образ-схемы** для концептуализации интеграционного процесса. Образ-схемы наполняются различными метафорами и в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как контейнер, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к контейнеру «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе и в ней доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и метафоры семьи и брака. Метафоры семьи и брака характеризуются преимущественно ироническими (поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями) или негативными (молодой и бедный кавалер – Польша – неудачно сватается к не молодой, но богатой даме (ЕС), не желающей делить имущественную общность и предпочитающей свободные связи) смыслами [Zinken 2002: 192–203].

В исследовании Т. Андерссона [Andersson 1993] показано, что в основе шведских и канадских метафор природопользования лежат разные национально-специфичные *прототипы*, определяющие не только экономическую политику, но и экологическое законодательство.

Сопоставлению *авто-* и *гетеростереотипов* России в российской и французской прессе посвящена диссертация О.А. Шаовой [2005]. В диссертации Н.А. Красильниковой [2005] на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, автор показывает национальные различия в категоризации действительности по *оппозиции* СВОИ – ЧУЖИЕ.

По способу изложения результатов сопоставительного анализа выделяются исследования последовательного и параллельного сопоставления [Чудинов 2003]. В первом случае исследователь излагает результаты анализа метафорической модели в одном языке, а затем описывает аналогичную модель на материале другого языка. При параллельном сопоставлении исследователь описывает каждый фрейм (слот) модели, используя для иллюстрации материал всех рассматриваемых языков.

Выбор способа изложения зависит от степени различий в однотипных метафорических моделях в национальных политических дискурсах или личных предпочтений ученого. Выбор методики исследования зависит от материала, целей исследования и научных традиций той или иной школы метафорического анализа.

В настоящем исследовании при обращении к британскому и российскому политическому дискурсу применяется методика параллельного сопоставительного исследования метафорических моделей, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

Вместе с тем предлагается несколько модифицированный вариант этой методики, при котором анализируются сразу три сферы-мишени метафорической экспансии: «Россия», «Грузия» и «Страны Балтии».

При отборе сфер-мишеней учитывались результаты и теоретические выводы исследований по метафорическому моделированию в политическом дискурсе. Для наших целей оказались важны идеи А.Н. Баранова, К. де Ландтшер, Д. Фертессен, А.П. Чудинова о корреляции функционирования метафорических моделей и социально-политических кризисов. После распада СССР только Грузия и страны Балтии не вошли в СНГ и в дальнейшем именно с этими республиками возникали регулярные разногласия по самым разнообразным вопросам международных отношений. Учитывая, что количество метафор в политическом дискурсе возрастает в периоды кризисов и конфронтаций, для анализа метафорического представления были отобраны именно эти республики.

Более того, как показал анализ исследований, направленных на моделирование базовых структур категоризации политического мира, метафорические модели коррелируют с этими структурами и во многом от них зависят. Гипотетически в российском сознании можно ожидать различную удаленность сфер-мишеней «Грузия» и «страны Балтии» от прототипического представления о «Своих». В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО, а в 2004 стали полноправными членами этих организаций (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке). Грузинские правительства также неоднократно выражали готовность вступить в НАТО и ЕС, но решение этого вопроса относится к далекой перспективе. Можно ожидать, что для британцев категоризация по оппозиции «Свои» – «Чужие» будет отражать обратную закономерность (Великобритания – член НАТО и ЕС).

В большинстве контекстов в российской и британской прессе метафорические выражения, посвященные осмыслению постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии, актуализировались по отношению к прибалтийскому региону в целом, что делает невозможным отдельный подсчет метафорических контекстов для каждой республики, поэтому при

анализе частотности эти республики объединены в сферу-мишень «Страны Балтии». К тому же синкретичность метафорического представления Латвии, Литвы и Эстонии отражает такое представление о прибалтийских республиках в наивно-географических картинах политического мира, что в частности подтверждается наблюдениями других исследователей [Клочко 2005].

Использование выбранной методики позволит проследить степень воздействия когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей в политическом дискурсе и степень корреляции когнитивно-дискурсивных характеристик метафорической модели и сферы-мишени метафорической экспансии в разных национальных дискурсах.

Выводы по первой главе

Проведенный анализ позволил избрать в качестве теоретической основы для когнитивно-дискурсивного исследования оценочной метафоры следующие положения.

1. Современные достижения когнитивной лингвистики позволяют рассматривать метафору как способ познания, категоризации, концептуализации и оценки мира политики. При изучении когнитивной политической метафоры важно учитывать диалектическое взаимодействие двух видов корреляции метафоры и концептуальной системы человека, выраженных в форме постулатов: «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и «метафоры определяют сознание». При исследовании корреляции первого типа выявляются согласованные с национальной культурой структуры общественного сознания. Анализ корреляции второго типа направлен на выявление манипулятивного потенциала политической метафоры.

2. В процессе сопоставительного исследования концептуальных метафор в политическом дискурсе целесообразно учитывать не только классический вариант теории концептуальной метафоры, но и идеи теории первичных и

сложных метафор (Дж. Грэди, С. Морган, С. Тауб), коннективной теории метафорической интерпретации (Д. Ричи), дескрипторной теории метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов). Важно учитывать «концептуальную эволюцию» политических метафор (А. Мусолфф) и принимать во внимание не обусловленные физическим опытом человека «исторические метафоры» (Р. Пэрис, И. Хеллстен, Й. Цинкен).

3. Дискурсивный анализ позволяет проследить степень воздействия экстралингвистических факторов на функционирование метафорических моделей. В процессе сопоставительного исследования концептуальных метафор важно учитывать идеи функционирования метафор в кризисной коммуникации (Х. де Ландтшер), когнитивного анализа дискурса (Т. ван Дейк), социо-исторического дискурс-анализа (Р. Водак), анализа соотношения концептуальной перспективы и метафорической модели (А.Н. Баранов, Й. Цинкен), исследований корреляции дискурсивных и концептуальных структур (П. Друлак, Р. Хюльссе).

4. В когнитивно-дискурсивной парадигме научного исследования метафора одновременно рассматривается и как когнитивный, и как лингвосоциальный феномен, который, с одной стороны, отражает национальную концептосферу и традиционное мировосприятие, а с другой – обладает значительным прагматическим потенциалом, являясь важным средством переконцептуализации картины политического мира в сознании адресата. Синтез когнитивного и дискурсивного подходов в теории метафорического моделирования предоставляет дополнительные эвристики при изучении политической метафорики.

5. Для описания функционирующих в политическом дискурсе метафорических моделей необходимо охарактеризовать следующие их признаки: исходную понятийную область, новую понятийную область, типовые для данной модели сценарии, относящиеся к данной модели фреймы и составляющие их типовые слоты, а также компонент, связывающий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц.

6. Представленный обзор позволил выделить четыре основные методики исследования политических метафор:

1) методика исследования метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии;

2) методика исследования метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии;

3) методика исследования метафор в дискурсе адресанта;

4) методика моделирования базовых когнитивных структур категоризации политического мира на основе анализа метафор.

Каждая из названных методик представлена в двух вариантах: исследования метафорических моделей на материале одного языка и сопоставительное исследование метафорических моделей в различных национальных дискурсах.

По способу изложения результатов сопоставительного анализа разграничивается последовательное и параллельное сопоставление: в первом случае исследователь излагает результаты анализа метафорической модели в одном языке, а затем описывает аналогичную модель на материале другого языка. При параллельном сопоставлении исследователь описывает каждый фрейм (слот) модели, используя для иллюстрации материал каждого из рассматриваемых языков и немедленно фиксируя все общие и специфические признаки.

7. С учетом задач настоящей диссертации и изучаемого материала целесообразно использовать методику параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии. Для определения степени воздействия когнитивно-дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей целесообразно проводить сопоставительный межкультурный анализ политических метафор на примере нескольких однотипных сфер-мишеней метафорической экспансии, при концептуализации которых гипотетически возможны проявления имплицитных когнитивных оппозиций в российском и британском политическом дискурсе.

Глава 2. Российско-британские параллели при метафорическом моделировании постсоветской действительности в России, Грузии и странах Балтии

В первом параграфе настоящей главы дается общая характеристика системы российских и британских метафорических моделей, используемых в российском и британском политическом дискурсе при метафорическом осмыслении действительности в России, Грузии и странах Балтии. В соответствии с избранной методикой сопоставительного анализа российские и британские метафорические модели подразделяются на модели, характеристики которых не значительно варьируются по критерию сферы-мишени метафорической экспансии, и модели, у которых обнаруживается значительная вариативность по указанному критерию. В последующих параграфах рассматриваются российские и британские метафорические модели, проявляющие при функционировании в российском и британском политическом дискурсе больше сходств, чем различий.

2.1. Система метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе

При обосновании методики сопоставительного исследования метафорических моделей в предшествующей главе указывалось, что использование избранной нами методики позволит проследить степень зависимости когнитивно-дискурсивных характеристик метафорической модели от сферы-мишени метафорической экспансии в разных национальных дискурсах.

Квантитативная характеристика системы метафорических моделей, представленная в табл. 1, показывает, что частотность метафорических моделей значительно зависит не только от национального дискурса, но и от сферы-мишени метафорической экспансии. Более того, свойства

метафорических моделей зависят от неких ингерентных, вероятно исторически обусловленных концептуальных характеристик исходной понятийной области, причем эти характеристики в разной степени «восприимчивы» к дискурсивным факторам и выбору сферы-мишени. Некоторые модели проявляют значительную вариативность в частотности в зависимости от сферы-мишени и национального дискурса, в то время как другие модели тяготеют к статичной частотности, которая незначительно варьируется при смене сферы-мишени метафорической экспансии.

Таблица 1. Система метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе

Сферы-мишени метафорической экспансии	Российский дискурс			Британский дискурс		
	Сфера-мишень «Россия» %	Сфера-мишень «Грузия» %	Сфера-мишень «Страны Балтии» %	Сфера-мишень «Россия» %	Сфера-мишень «Грузия» %	Сфера-мишень «Страны Балтии» %
Война	17.5	14.6	21.2	28.9	28.6	17.8
Человеческий организм	20.7	18.8	22.2	14.6	13.3	15.5
Мир животных	16.1	15.6	19.9	9.9	9.3	26.0
Театр	9.4	15.9	14.8	12.3	11.6	5.8
Спорт и игра	9.8	8.0	7.9	12.0	14.4	15.0
Болезнь	7.2	8.3	11.3	7.0	10.9	5.6
Монархия	11.3	10.8	0	13.4	10.6	0
Родство	8.2	8.0	2.7	1.9	1.3	14.3

Представленные результаты позволяют разделить анализируемые метафорические модели на две группы.

В первую группу входят модели, не проявляющие полярных расхождений в частотности по критерию сферы-мишени. В эту группу входят модели со сферами-источниками «Война», «Человеческий организм», «Спорт и игра», «Театр», «Мир животных», «Болезнь». Эти доминантные метафорические

модели выявляют больше сходств, чем различий и являются основой российско-британского интердискурса.

Во вторую группу входят метафорические модели, отражающие значительные различия по критерию корреляции частотности и сферы-мишени метафорической экспансии. Эти модели станут предметом рассмотрения в третьей главе.

Выделенные модели не исчерпывают всего многообразия метафорических моделей, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе. За рамками рассмотрения остались метафорические модели со сферами-источниками «Мир растений», «Экономика», «Путь», «Религия», «Криминальный мир», «Педагогика», «Артефакты», «Дом», «Искусство», «Неживая природа», «Секс», «Клуб» и другие. В большинстве своем эти модели уступают в частотности и продуктивности доминантным моделям и по критерию сферы-мишени не выявляют релевантной специфики на уровне всей метафорической модели, хотя на уровне отдельных слотов кратковременная активизация тех или иных метафор может быть показательной. Для наших целей важно выделить высокочастотные доминантные метафорические модели, являющиеся основой российско-британского интердискурса и не проявляющие полярных различий по критерию сферы-мишени или национального дискурса, и модели, отражающие значимые различия, проявляющиеся при смене сферы-мишени в качестве объекта анализа.

В первую группу входят метафорические модели со сферами-источниками «Человеческий организм», «Мир животных», «Война», «Болезнь», «Спорт и игра» и «Театр», которые и станут предметом рассмотрения в последующих параграфах второй главы.

Модели со сферами-источниками «Война», «Болезнь», «Спорт и игра» и «Театр» рассматривались на примере сопоставления американского и российского политического дискурса в работах ряда исследователей [Каслова 2003; Стрельников 2005; Шехтман 2004а, 2004б]. Поэтому мы ограничимся только краткой фреймово-слотовой инвентаризацией метафор и сосредоточим

внимание на характеристиках корреляции закономерностей функционирования этих моделей в политическом дискурсе со сферами-мишенями метафорической экспансии. Учитывая, что в сопоставительном аспекте метафорические модели со сферами-источниками «Мир животных» и «Человеческий организм» получили меньшее освещение, они будут рассмотрены более подробно.

2.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Война» в российском и британском политическом дискурсе

Первые примеры использования военной метафоры в рамках теории концептуальной метафоры были приведены ее основателями, Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980], которые приступили к демонстрации эвристик когнитивного подхода с концептуальной метафоры «ARGUMENT IS WAR» (СПОР – ЭТО ВОЙНА) и наметили перспективы исследования военных метафор в политической коммуникации, рассмотрев метафорические следствия метафор войны Дж. Картера. Впоследствии военная метафорика привлекала значительное внимание исследователей политического дискурса [Баранов, Караулов 1991; 1994; Каслова 2003; Ряпосова 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001, 2003; Cibulskiene, 2002; Jansen, Sabo 1994; Kelly-Holmes, O'Regan 2004; Koller 2002; 2004; Wei 2001; Zinken 2004b и др.]. Как показали эти и другие исследования, военные метафоры распространены в политическом дискурсе многих стран, а сфера-источник «Война» относится к наиболее частотным исходным понятийным областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики.

Исследователи находят причины активного использования потенциала исходной понятийной области «война» в агональном характере политической деятельности [Шейгал 2004], в богатом военном опыте человечества [Чудинов 2001], в традиционном доминировании в политике мужчин и соответственно

привлечении для ее концептуализации понятий из традиционных для мужчин сфер деятельности [Gidengil, Everitt 1999].

Вместе с тем милитарная модель не представляет собой статичного компонента политического дискурса и ее частотность может варьироваться в различные периоды политической истории. Например, милитаризация сознания российского [Баранов, Караулов 1991] и американского [Bates 2004] обществ стала характерной чертой именно в период холодной войны. Как показывают исследования, милитарные метафоры активизируются в период перехода от тоталитарного к демократическому обществу [Frankowska 1994], в периоды политических выборов [Каслова 2003; Cibulskiene 2002].

Важно учитывать, что милитарные метафоры не способствуют поиску консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. Как отмечает Дж. Фиске, военные метафоры «конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа» [Fiske 1987: 291], поэтому концептуализация политической действительности в понятиях войны свидетельствует о доминировании в национальном сознании «агрессивного» сценария для разрешения политических разногласий.

Исходя из результатов, полученных исследователями, и методологических оснований когнитивно-дискурсивного подхода, при описании закономерностей функционирования милитарных метафор важно учитывать два фактора: когнитивную укорененность милитарных образов в национальном сознании и политическую ситуацию, дискурсивную специфику функционирования метафорической модели. Если при сопоставлении активности милитарных метафор для концептуализации определенной сферы-мишени в разных национальных дискурсах результаты расходятся, то это свидетельствует не столько о реальной милитаризации общества или его сознания, сколько о профилировании различных проблем (сегментов сферы-мишени), об особенностях метафорического восприятия одной и той же действительности в разных национальных сообществах.

В российском и британском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура военной метафорической модели.

1. Фрейм «Война и ее разновидности»

В метафорической картине российских СМИ действительность на постсоветском пространстве регулярно представляется, как ведущаяся на нескольких *фронтах* война: *блицкриг*, *война плакатов*, *информационная война*, *идеологическая война*, *листовочная война*. К рассматриваемому фрейму относятся номинации *сражение*, *побоище*, *битва*. Очень распространены метафорические выражения, связанные с соперничеством в определенной экономической сфере: *алмазная война*, *газовая война*, *алюминиевая война*. Аналогичные метафоры типичны и для британского видения постсоветской действительности: *aluminium war* (алюминиевая война), *price war* (война цен), *cold war* (холодная война), *post-cold war* (постхолодная война), *propaganda war* (агитационная война), *all out war* (тотальная война), а также *battle* (битва), *enmity* (вражда), *feud* (междоусобица), *fight* (бой), *combat* (сражение), *epic battle* (грандиозная битва), *power battle* (битва за власть), *duel* (дуэль), иногда просто *scramble* (драка) или *fray* (стычка).

2. Фрейм «Организация военной службы»

Слот 2.1. «Иерархические отношения военнослужащих». Для обозначения взаимодействия субъектов политической деятельности используется структурированное знание о воинской иерархии: *солдат*, *генерал*, *флагман*, *полководец*. Актуализируется противопоставление «*молодые*», *новобранцы* и *армейские деды*. К этому же слоту относятся военные команды «*стройся*», «*вольно*», «*шагом марш*» и *военные приказы*. В британской политической коммуникации также встречаются метафоры иерархических отношений военнослужащих: *recruits* (рекруты), *squaddie* (рядовой), *lieutenant* (лейтенант), *war-lord* (полководец), *commander-in-chief* (главнокомандующий), *to demote* (понижать в звании).

Слот 2.2. «Воинские подразделения». Объединение субъектов различных видов деятельности, направленное на достижение общей цели описывается в

русском политическом дискурсе с помощью метафор *рать, дивизия, полк, батальон, армия, гвардия, когорта*. Похожие метафоры используются при описании объединений для совместной деятельности в британском политическом дискурсе: *army* (армия), *battalion* (батальон), *corps* (корпус).

3. Фрейм «Военные действия и вооружение»

Слот 3.1. «Военные действия». Для обозначения самых разнообразных политических действий используются многочисленные метафоры тактики ведения боевых действий: *сдача позиций, атаковать, отступить, таран, марш-бросок, штурм, наступать, бомбить, осада, поход, кавалерийская атака, рубить, взрывать, авиаудары, ожесточенное сопротивление, обстреливать, вести огонь, идти в штыковую, бросаться на амбразуру* и др. Рассматриваемый слот столь же продуктивен и в британском политическом дискурсе: *undermine* (минировать, подрывать), *hold manoeuvres* (проводить маневры), *to attack* (атаковать), *to shoot* (стрелять), *to topshoot* (палить с близкого расстояния), *to hold the line* (удерживать линию обороны), *to act on the offensive* (наступать), *to bomb* (бомбить), *to wipe out* (уничтожать противника), *to skirmish* (перестреливаться), *defend oneself* (обороняться), *to beset* (окружать), *siege* (осада).

Слот 3.2. «Виды вооружения и военных сооружений». В метафорической войне задействованы самые разнообразные виды вооружения от устаревшего (*шашка, сабля, стрелы, дротики, копье, дубина, меч, кистень, наган, маузер, фосген, штык*) до современного (*артиллерия, пушки, автомат Калашникова, крупнокалиберный пулемет, патроны, бомба* (в том числе *нейтронная, вакуумная, ядерная*), *порох, растяжки, торпеда, нож, кинжал*). Иногда в качестве метафорического оружия используется *лом* или *кувалда*. Из средств защиты наиболее востребован *щит*. Также значительное распространение в метафорической войне получили различные инфраструктурные сооружения и средства маскировки (*амбразура, дымовая завеса, полигон, запасной аэродром, мосты стратегического назначения, крепость, концлагерь, редут, форпост, окопы, бастион*).

В британском политическом дискурсе используются следующие виды метафорического оружия: *gun* (ружье), *machinegun* (автомат), *weapon* (оружие), *scatter guns* (разрозненные орудия), *long-shot guns* (дальнобойные орудия), *squad* (орудийный расчет). Иногда применяется холодное оружие: *knife* (нож), *dagger* (кинжал), *sword* (меч), *spear* (копье). В текстах встречаются наименования боеприпасов: *bullet* (пуля), *bomb* и *bombshell* (бомба), *ammunition* (боеприпасы), *napalm* (напалм). Среди средств защиты и маскировки наиболее распространены *shield* (щит), *cover-up* (дымовая завеса), *minefield* (минное поле) и наименования оборонных сооружений (*outpost* – сторожевая застава, *fortresses* – крепость, *war camp* – военный лагерь, *bastion* – бастион, *trenches* – окопы, *last-ditch* – последний окоп, *the line of defence* – линия обороны).

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги»

Слот 4.1. «Начало войны». Обострение политических и экономических противостояний описывается в метафорических выражениях *бряцать оружием, подготовка к войне, рекрутировать, мобилизация, объявить войну*. В британской политической коммуникации используются похожие номинации *to declare war* (объявить войну), *mobilization* (мобилизация), *sabre-rattling* (бряцание саблей), *clashes* (лязг оружия), *brinkmanship* (балансирование на грани войны). Привлекают внимание распространенные британские метафоры дуэли и рыцарского поединка: *to call out* (вызвать на дуэль), *give a dare* (бросить вызов), *to throw the gauntlet* (бросить латную рукавицу), *to hurl the gauntlets into the face* (бросить перчатки в лицо), особенно часто используется номинация *to challenge* (вызвать на дуэль, поединок).

Слот 4.2. «Итоги военных действий». Результаты противостояний субъектов политической деятельности (обычно политических выборов) представлены номинациями: *победа, поражение, капитуляция, перемирие, оккупация, узурпация, парад победы, триумфальный марш, пленные, колонии*. В британских СМИ данный слот представлен похожими метафорами: *casualties* (потери), *captives* (пленные), *победа* (victory), *победить* (to win), *to encroach* (узурпация), *to defeat* (нанести поражение), *to capitulate* (капитулировать).

Сопоставление российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что военные метафоры актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Ср.:

Сфера-мишень «Россия»

Политическая баталия во втором туре развивалась прелюбопытнейшим образом. Армия Сергея Веремеенко панически бежала, бросая пушки и знамена (С. Юрьев / КП, 13.12.2003). *На «калининградский фронт» бросается замминистра Сергей Разов* (М. Ростовский / МК, №42, 2002). *Все-таки большинство членов верхней палаты представляли собой «батальон опытных политических бойцов»* (МК, №53, 2000/2001). *Маршрут ему дадут в Кремле, и дело нового премьера будет солдатское – четко выполнять приказы* и в случае чего *броситься на амбразуру*, ликвидируя, например, многочисленные льготы или реформируя ЖКХ (С. Марков / КП, 4.3.2004). *Огонь* критики по «медвежьим штабам» между тем *ведется из орудий всех калибров*. До сих пор *броня была крепка: об нее разбивались атаки* и слева и справа (В. Жаров / КП, 25.11.2004). *Сенаторы и депутаты будут сражаться сообща и до последнего патрона* (МК, 22-29.06.2000).

Сфера-мишень «Страны Балтии»

Партия эта – детище и личная гвардия человека с литовской фамилией Успаских (В. Скрипов / Эксперт, № 39, 2004). *В балтийских странах осознают, что на поддержании статуса «прифронтовых государств» вряд ли можно получить у держав Запада необходимые политические дивиденды* (К. Воронов / НГ, 10.8.2004). *Так что забота о конкурентоспособности русских выпускников – дымовая завеса* (Г. Сапожникова, К. Маркарян / КП, 3.3.2004). *Те, кто видел это (а видят немногие — кого интересует литовское село?), утверждают, что впечатление, как после бомбежки* (СР, 27.5.2003). *Бывшие семеро «узников социмпери» (по выражению Буша) радостно присягнули на новую верность в более перспективной военной иерархии* (О. Шевцов / КП, 31.3.2004). *Именно на Шадурскиса был направлен основной огонь критики протестующих* (Д. Суслов / НГ, 13.02.2004).

Сфера-мишень «Грузия»

Кандидаты в президенты Рауль Хаджимба и Сергей Багапш стоят на своих позициях насмерть (Эксперт, № 44, 2004). *Ситуацию же окончательно переломил российский десант из политиков и артистов, объявившихся в Сухуми 30 сентября, в День независимости Абхазии* (Ю. Симонян / Эксперт, № 38, 2004). *Кавказская пленница НАТО* (СР, 12.8.2004). *Россия в нынешних условиях вряд ли будет заинтересована в сильной, единой Грузии, превращающейся в наконечник американского копья*,

направленного против нашей страны (В. Тетекин / СР, 13.11.2003). Режим Аслана Абашидзе в Аджарии после первого **кавалерийского наскока** устоял. Стороны готовятся к новым сражениям (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004).

Target domain "Russia"

Now that **truce** is no more. In the West, the worry is this will lead to **all out war** between the Kremlin and the oligarchs (DT, 27.10.2003). **Перемирие** подошло к концу и на Западе опасаются, что это приведет к **тотальной войне** между Кремлем и олигархами.

Yeltsin scrapped his original address, called the cameras to his Kremlin office on Friday morning and **dropped his valedictory bombshell** (I. Traynor / The Observer, 2.1.2000). Ельцин отказался от запланированного варианта новогоднего обращения, созвал телекамеры в Кремль в пятницу утром и **сбросил прощальную бомбу**.

THE pro-Moscow president of Chechnya, Akhmad Kadyrov, was buried yesterday as Russian security services hunted the audacious killers who **derailed** the Kremlin's plans to pacify the region (J. Strauss / DT, 11.5.2004). Прокремлевский президент Чечни А. Кадыров был похоронен вчера, в то время как российские спецслужбы охотились за дерзкими киллерами, которые **пустили под откос** кремлевские планы по привнесению мира в регион.

The outcome now is that in Russia, Chubais and the so-called oligarchs are the most reviled figures in Russia, making it popular for Putin **to take** politically motivated **potshots** at those of the oligarchs who incur his disfavour (I. Traynor / The Guardian, 23.1.2001). В результате сейчас в России Чубайс и так называемые олигархи самые популярные фигуры для критики, что позволяет Путину политически мотивированно **расстреливать их в упор**.

Target domain "The Baltic States"

Now Russian-speakers are **up in arms** because all high schools must teach 60% of classes in Latvian from September next year (The Economist, 7.6.2003). Русскоговорящее население **встало под ружье**, потому что 60 % предметов в средней школе должны преподаваться на латвийском языке с сентября будущего года.

Transneft is likely **to lose the Ventspils fight** (The Economist, 7.6.2003). Скорее всего, Транснефть проиграет **битву за Венстпилс**.

The present Latvian authorities have come **under fire** for failing to prosecute alleged war criminals who helped the Germans (I. Traynor / The Guardian, 19.2.2000). Латвийские власти **подверглись обстрелу** за нежелание привлечь к ответственности людей, обвиняемых в военных преступлениях и сотрудничестве с немцами.

Target domain "Georgia"

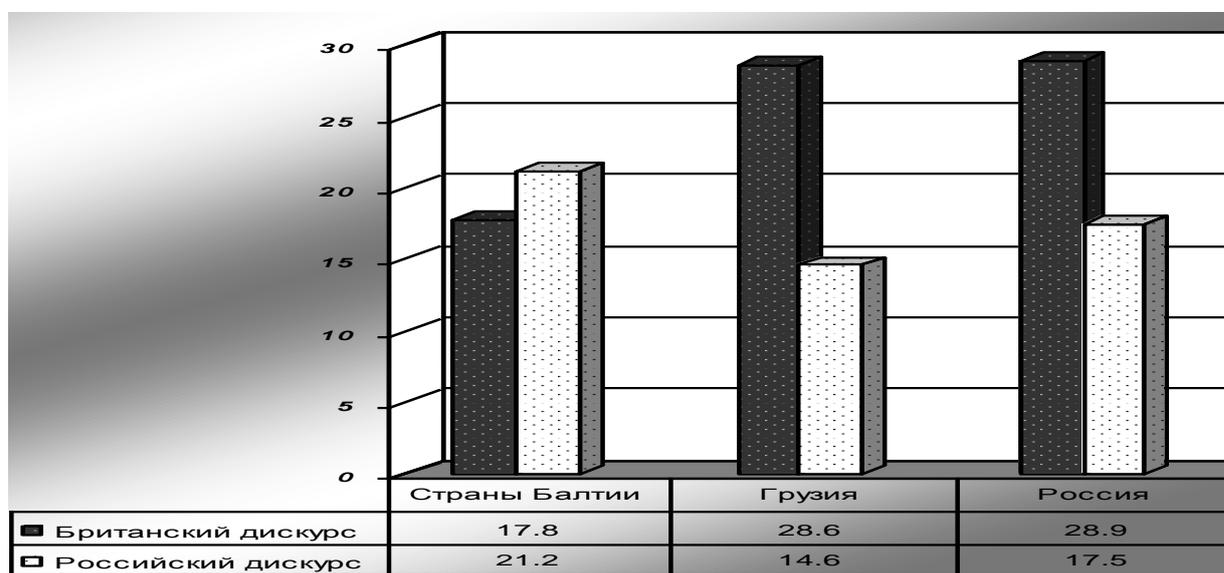
The last **line of defence** was always the army and police who would save the regime because they were part of it (J. Steele / SB, 3.01.2004). Армия и полиция всегда были **последней линией обороны**. Они спасли бы режим, потому что сами были его частью.

A blockade of oil supplies to the Black Sea port of Batumi formed **the salvo** in an increasingly stand-off between the government of Georgia and its restive province of Adzharia (A. Osborn / The Independent, 17.3.2004). *Объявление о блокаде поставок нефти через черноморский порт Батуми стало еще одним залпом в нарастающем противостоянии между правительством Грузии и упрямой Аджарией*

Saakashvili **started his march on Tbilisi** last November with **a rally** in front of the statue of Stalin in Gori (J. Laughland / The Guardian, 1.4.2004). *Саакашвили начал поход на Тбилиси с митинга перед памятником Сталину в Гори в прошлом ноябре.*

Милитарные метафоры являются значимым компонентом российско-британского интердискурса. Вместе с тем данные о частотности, представленные на диаграмме 1, показывают, что метафорическая милитаризация постсоветской действительности в разной степени характерна для представления рассматриваемых сфер-мишеней в российском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 1. Частотность метафор со сферой-источником «Война» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество милитарных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 17.5 %, соответственно для Грузии – 14.6 %, стран Балтии – 21.2 %. В британской прессе количество милитарных метафор, актуализированных для осмысления российской действительности,

составило 28.9 %, для концептуализации грузинской действительности – 28.6 %, а для стран Балтии этот показатель равен 17.8 %.

Для британских СМИ очень характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны, в то время как при осмыслении сферы-мишени «Страны Балтии» предпочтение чаще отдается метафорам из других сфер-источников. Британцев страны Балтии интересуют в первую очередь в контексте проблем Евросоюза, поэтому эти республики чаще представляются как новые члены Европейской семьи, как быстро растущие экономические тигры или участники спортивного соревнования, призом в котором является членство в международных организациях.

В российской прессе чаще профилируются другие проблемы. Внимание российской общественности направлено на вопрос о статусе русскоговорящих меньшинств в прибалтийских республиках, которые ведут метафорическую войну с прибалтийскими правительствами и участниками второй мировой войны, сотрудничавших с фашистами. Этим объясняется большая частотность российских военных метафор по отношению к сфере-мишени «Страны Балтии».

При более детальном рассмотрении различается и употребление одних и тех же номинаций и даже степень их метафоричности. К примеру, в отличие от российской прессы в британских СМИ номинация *occupants* (оккупанты) для русских, проживающих в странах Балтии, нередко остается без кавычек, что заставляет рассматривать ее как прямую номинацию. В российской прессе всегда присутствует графический маркер, свидетельствующий не столько о цитации, сколько об иронической метафоре.

Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Война» регулярно служит средством метафорической образности для концептуализации действительности различных государств, является общим компонентом британско-российского интердискурса, но ее потенциал к моделированию политической действительности в разной степени используется

в политическом дискурсе в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии.

2.3. Метафорическая модель со сферой-источником «Театр» в российском и британском политическом дискурсе

Исследователи современного политического дискурса отмечают, что концептуальная метафора «Действительность (политика) – это театр» относится к числу наиболее традиционных способов репрезентации действительности [Каслова 2003; Кузьмина 1999; Соколовская 2002; Феденева 1998; Чудинов 2001, 2003; Шейгал, 2000 и др.]. Вопрос об истоках этой метафоры решается по-разному. Так, Н.А. Кузьмина отмечает, что традиция восприятия мира как театра восходит к Шекспиру [Кузьмина 1999: 186]. Более ранние свидетельства подобного мировосприятия можно проследить в средневековом карнавале [Бахтин 1990]. А.Г. Максапетян отмечает, что метафора Мир-как-театр – доминирующая модель осмысления действительности в индуистской традиции [Максапетян 2003].

Широкое распространение театральной метафоры в современном политическом дискурсе объясняется диалектическим процессом корреляции действительности и сознания, протекающим в обоих направлениях (от действительности к метафоре и от метафоры к действительности).

С одной стороны, сама политическая действительность во многом напоминает театральную драматургию, работа актера и политика содержат в себе много общего, представители зрелищных искусств принимают активное участие в политической жизни, а политики нередко оказываются на эстраде рядом с артистами. Размывание границы между зрелищным представлением и политической деятельностью получило отражение в работах лингвистов, политологов, философов, использующих словосочетания «политика театра» [Гаджиев 1994: 389], «театральность политического дискурса» [Шейгал 2001: 70], «общество спектакля» [Мальковская 2004: 129–140] и др.

С другой стороны, одна из целей адресанта театральной метафоры состоит в том, чтобы переконцептуализировать представление адресата о политической действительности. Значительный прагматический потенциал театральной метафоры заключается в когнитивном проецировании смысловых компонентов «неискренности», «несамостоятельности» на политические реалии.

За социальными и прагматическими аспектами активного использования театральной метафоры можно проследить и более фундаментальные основания театрального мировидения и поведения на уровне глубинных, подсознательных структур. Так, К. Юнг считал, что система отношений между индивидуальностью и обществом во многом определяется присущим человеку на уровне коллективного бессознательного архетипом Персоны. Персона – «удобный вид маски, рассчитанной на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой скрывать истинную природу индивидуума» [Юнг 2001: 388]. Другими словами, театральность – врожденное бессознательное свойство человека, в основном проявляющееся при необходимости вступать в социальное, политическое взаимодействие с другими людьми.

В российском и британском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура.

1. Фрейм «Виды зрелищных представлений»

В рассматриваемом фрейме выделяются слот 1.1. «Театр и его виды» и слот 1.2. «Смежные с театром виды зрелищных представлений». В российском политическом дискурсе действительность регулярно репрезентируется посредством метафорических номинаций, связанных с различными видами театра. Слот 1.1. включает в себя такие метафоры как *балаган, брутально-коммунальный театр, кукольный театр, оперетта, политический театр, театр абсурда, шапито*. По прагматическим и эмотивным смыслам к театральной метафоре относятся образы из слота 1.2. (*мультипликация, маскарад, маски-шоу, клоунада, опера, парад, цирк, танцы, кино, шоу, концерт*). Очень похожим образом предлагается смотреть на политическую

действительность в британских СМИ. Различные аспекты и характеристики политической действительности также концептуализируются посредством образов театра и смежных с театром видов представлений: *political theatre* (политический театр), *puppet-show* (кукольный театр), *concert* (концерт), *cock-fight* (петушиные бои), *operetta* (оперетта), *parade* (парад), *show* (шоу).

2. Фрейм «Работники театра»

В этом фрейме выделяются слот 2.1 «Авторы сценария и постановщики зрелища» и слот 2.2. «Актеры и их амплуа». Фреймовое знание служит источником метафорического осмысления взаимоотношений в мире политики, представляемых в общем виде оппозицией *режиссер-актер* (*кукловод-марионетка*).

Метафоры слота 2.1. «Авторы сценария и постановщики зрелища» несут смысловые компоненты «несамостоятельности» субъектов политической деятельности, «неподлинности» происходящих событий. В написании политического *сценария* и постановке представления участвуют *закулисные авторы, постановщики, кукловоды, режиссеры, дирижеры, конференсье*. Постановщики зрелища проводят *кастинги, распределяют роли, раскручивают актеров*.

Для характеристики политиков и особенностей их деятельности актуализируются метафоры слота 2.2. «Актеры и их амплуа»: *актер, актриса, амплуа, балаганный крикун, герой, исполнитель главной роли, комик, клоун, массовка, паяц, персонаж, шут*. Политики играют самые различные роли и воплощают разнообразные сценические образы: *Арлекин, бездушный киборг, Гитлер, мессия, Мистер "X", образ мокрой курицы, спаситель, терминатор, Штирлиц* и др.

Британские метафоры также отображают оппозицию «показной – подлинный». За «самостоятельностью» политиков скрываются режиссеры (*director*) и закулисные (*behind-the-scenes*) работники театра, участвующие в постановке зрелища (*to enact, to stage*) по определенному сценарию (*scenario, continuity*), созданию образа (*to portray, to forge an image*), оркестровке

(*orchestration*), постановке трюков (*to stunt*), распределении ролей (*to reject a role*). Субъекты политической деятельности представляются посредством метафор: *performer* (актер), *starring role* (главная роль), *stooge* (партнер по роли), *buffoon* (шут), *clown* (клоун), *rock star* (рок-звезда), *play the martyr* (играть мученика), *image a man of the people* (образ человека из народа), *image of a Good Samaritan* (образ доброго самаритянина) и др.

3. Фрейм «Театральное здание и театральный реквизит».

Согласно когнитивной топологии сферы-источника политический театр имеет место проведения зрелища и необходимый реквизит. Метафоры слота 3.1. «Элементы театрального здания» противопоставляют политические действия «напоказ» и политические действия, не подлежащие демонстрации гражданам. Политическая деятельность метафорически представляется как игра на *сцене (авансцене)*, выступление на *арене* или *эстраде*. Если политик находится в *гримерной*, то зрителям еще не вполне понятно какой сценический образ он будет воплощать. Для скрытых от зрителей политических действий лучше подходит *закулисы*. Понятия из слота 3.2. «Театральный реквизит» становятся источником образности для актуализации прагматических смыслов «неискренности» (*бутафория, грим, декорации, маска*) или «несамостоятельности» (*дудка, кукла, марионетки, пластинка*) субъектов политической деятельности.

В метафорической картине британской прессы политический театр состоит из таких элементов как *scene* (сцена), *spotlight* (рампа), *stage* (эстрада), *arena* (арена), *wings* (кулисы). Сходные с российскими прагматическими смыслами актуализируют британские наименования театрального реквизита: *stooges* (марионетки), *scene* (декорации), *spotlight* (театральный прожектор), *guise* (маска).

4. Фрейм «Жанры и элементы представлений»

Современная политическая речь характеризуется регулярной актуализацией концептов этого фрейма для метафорической репрезентации политических реалий и нюансов политической деятельности.

Слот 4.1. «Жанры представлений». Для метафорического представления политических процессов (выборы, парламентские заседания и т.п.) и субъектов политической деятельности используются номинации, апеллирующие к различным жанрам зрелищных представлений (*жанр, комедия, мелодрама, мыльная опера, пьеса, боевик, сериал, фарс, драма, спектакль, трагедия, трагикомедия*). Виды и жанры представления востребованы и в британском политическом дискурсе: *display* (спектакль), *drama* (драма), *sketch* (скетч), *travesty* (травести), *extravaganza* (буффонада), *mimicry* (мимикрия), *farce* (фарс), *play* (пьеса), *soap opera* (мыльная опера), *tragedy* (трагедия), *tricks* (фокусы).

Слот 4.2. «Игра актеров». Различные жанры зрелищных представлений подразумевают определенные действия (игру актеров), которые служат источником образности для представления политических действий и взаимоотношений субъектов в процессе этой деятельности. Метафоры слота актуализируют негативные эмотивные смыслы «лицемерия», «изворотливости», «несамостоятельности», «несерьезности»: *исполнять роль, выступать дуэтом* или *трио, исполнять хиты и пассажи, брать нотки, шутить и потешать, петь хором, стоять на голове, плясать под дудку, показывать фокусы, делать пируэты, танцевать* или *оставаться за кадром*. Сходные метафоры фиксируются в британской прессе: *new role* (новая роль), *to play a role, to act* (исполнять роль), *cast in the role* (в роли). Актеры (субъекты политической деятельности) могут объединяться для решения определенных задач в творческие группы (*duet* – дуэт, *trio* – трио), демонстрировать позы (*stance*) и выполнять самые различные зрелищные действия (*to conjure* (показывать фокусы), *to juggle* (жонглировать), *dance in step* (танцевать в ногу), *strut* (медленный танец)).

Слот 4.3. «Элементы представления». В российской политической речи метафоры, апеллирующие к различным элементам театрального представления, служат средством отображения динамики политических процессов, отдельных нюансов политической деятельности: *акт, выход на арену, действие, затянувшаяся пауза, интрига, кульминация, лейтмотив, смена декораций,*

фанфары, эпизод, хеппи-энд, занавес. Для отображения динамики общественных процессов фиксируются сходные британские метафорические образы: *overture* (увертюра), *fanfare* (фанфары), *highlight* (выход на первый план), *episodes* (эпизоды), *sideshow* (интермедия), *mute* (вставка сурдины), *upshot* (развязка), *a happy end* (счастливый конец), *final act* (последний номер программы), *final curtain* (финальный занавес).

5. Фрейм «Публика и прием, оказываемый спектаклю».

Различные социально-политические группы (сторонники определенных политических взглядов, субъекты международной политики, электорат и др.) метафорически представляются как *зрители*, *публика* или *аудитория*, которая дает политическому представлению свою *оценку* или *громом аплодисментов* и *цветами* или *освистывает*. Для концептуализации результатов политической деятельности британские журналисты также склонны эксплуатировать метафорический потенциал рассматриваемого фреймового знания (*failure* – провал, *badly acted piece* – плохо сыгранная пьеса, *play to conflicting audiences* – играть сразу для нескольких аудиторий с противоположными вкусами)

Отметим, что британские авторы гораздо чаще российских коллег апеллируют к образам танцев. Например, танцевать с неуклюжим русским медведем, т.е. вести переговоры о русских меньшинствах в Прибалтике, действие не только заведомо безуспешное, но и небезопасное. Мало приятного танцевать с безногим партнером и т.п. Ср.:

Waltzing with the Russian bear (R.P. Zyla / The Guardian, 29.03.2000). **Вальс с русским медведем.**

But David Hearst's suggestions for re-engaging Russia are unwise. They sound like asking a former dance partner to waltz without recognising that not only has the music changed but that the partner has lost several key limbs (The Guardian, 4.9.2000). Но предложения Дэвида Хирста снова обворожить Россию неразумны. Они звучат как приглашение бывшего партнера по танцу на вальс без понимания того, что не только изменилась музыка, но и сам партнер лишился нескольких необходимых для танцев конечностей.

It is also the only important TV channel in the country which does not dance to the Kremlin's tune (I. Traynor / The Guardian, 5.04.2001). Это единственный значительный телеканал в стране, который не танцует под Кремлевские мелодии.

Некоторые британские метафоры теряют при переводе отнесенность к исходной понятийной сфере ввиду отсутствия аналогичного образа в русском языке. Ср.:

*Both **soft-pedalled** on criticising Russia's military repression in Chechnya (Q. Peel / FT, 26.2.2004). Оба политика сглаживали (букв. **нажимали на левую педаль фортепиано**) критику в адрес России по поводу репрессий в Чечне.*

Рассмотрение российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что театральные метафоры актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Ср.:

Сфера-мишень «Россия»

Главный герой Путин, доиграв хорошо известную пьесу до середины и получив высочайшие гарантии для себя и своей семьи, торжественно удалился под гром аплодисментов (Е. Маетная / МК, №10, 2000). Злая клоунада приносит голоса (В.Зеленков / Известия, 28.11.2003). Когда-нибудь «марионетки» соскочат со своих ниточек (Б.Немцов / Известия, 5.12.2003). Кому дирижировать политическим оркестром? (А. Угланов / АиФ, № 24, 2003). В фарс, в трагикомедию вылилось участие третьего лица в государстве – Сергея Миронова – в выборах во имя «поддержки курса Путина» (А.Ципко / КП, 18.3.2004).

Сфера-мишень «Страны Балтии»

Разве что театр абсурда: русская учительница будет вынуждена разговаривать с русскими детьми на латышском языке под присмотром инспектора из министерства образования и науки (Ю. Сергеенко / КП, 24.11.04, 2004). Так что нас, по-видимому, ожидает второй акт литовской политической драмы (А. Сафарин / СР, N 46, 2004). Официальная Рига разыграет сценку о «двух полицейских — злом и добром» (М. Демурин / СС, N 67, 2005). Пришествие НАТО в Литву неволью превратилось в фарс (О. Храбрый / Эксперт, № 19, 2004).

Сфера-мишень «Грузия»

В солнечном и спокойном Батуми я никак не мог отделаться от ощущения: аджарский конфликт – что-то вроде театральной постановки-оперетты. Два главных героя красиво ссорятся, зловеще бряцают оружием, их бросается мирить чуть ли не весь мир, они триумфально мирятся, народ ликует – хеппи-энд, аплодисменты, цветы, занавес. Конферансье благодарит зрителей за внимание (В. Ворсобин / КП, 23.3.2004). Ночевал за дирижерским пультом маэстро переворотов, посол США в Грузии, не зря посетивший Шеварднадзе до приезда министра иностранных дел РФ Игоря Иванова, который явился доигрывать фарс, чтоб вправду не

перестрелялись **главные герои**, которых еще можно **использовать в других постановках** (А. Иванишвили / Завтра, 21.1.2004).

Target domain “Russia”

Since his **debut on the political arena**, Putin has struggled to **play to conflicting audiences** – presenting himself as liberal reformer to the West, as the firm hand of law and order to his own people and as the preserver of continuity to the forces who helped him into power (A. Gentleman / The Guardian, 29.5.2000). После **дебюта на политической арене** Путин пытался **играть сразу для нескольких аудиторий с противоположными вкусами**: для Запада он играл либерального реформатора, для своего народа – верного защитника закона и порядка, а для тех, кто помог ему прийти к власти – сторонника старых порядков.

It was a **piece of political theatre, a staged display** of power, deference, and flouting of the law (I. Traynor / The Guardian, 17.11.2000). Это была **пьеса политического театра, инсценированный спектакль** о могуществе закона, о почтении к нему и в то же время о глумлении над ним.

Three of his five opponents were widely regarded as Kremlin **stooges** while voters were enticed to the polls with offers of free holidays and haircuts (DM, 15.3.2004). Трое из его пяти оппонентов рассматриваются всеми как кремлевские **марионетки**, а избирателей завлекают на выборы бесплатными прическами и выходными.

Target domain “The Baltic States”

This is not only a travesty of justice, but this is a terrible **failure** of Australia and of Latvia (E. Zuroff / The Guardian, 9.11.2001). Это не только **пародия [трагедия]** на правосудие, но и ужасный **провал** Австралии и Латвии.

Only the Baltic states, Latvia, Lithuania and Estonia, had succeeded in forming a regional alliance to lobby the west. As a result, that **trio** can be almost certain of receiving an invitation (K. Connolly / The Guardian, 3.4.2002). Только балтийские государства – Латвия, Литва и Эстония – сформировали региональный альянс для лоббирования Запада. В результате это **трио** наверняка получит приглашение.

Critics called his strike **farcical**, and newspaper cartoons depicted the minister – who is a former prime minister and foreign minister – tucking in to lavish meals (I. Traynor / The Guardian, 10.3.2000). Критики назвали его голодовку **фарсом**, а газетные карикатуры изобразили как этот министр, побывавший уже на посту премьера и министра иностранных дел, жадно поедает разнообразные кушанья.

Target domain “Georgia”

Increasingly autocratic, ruling through ex-communist nonentities, this Machiavellian **puppet-master** failed to reform the economy and education or reduce corruption (S. Montefiore / DT,

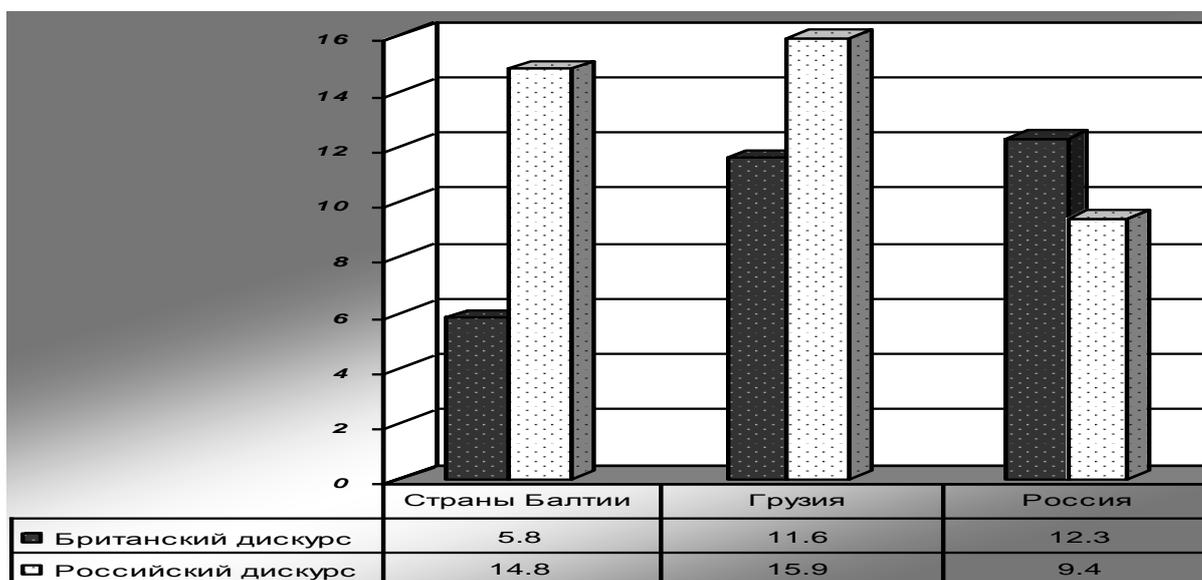
25.11.2003). *Этот бессовестный хозяин кукольного театра* [Шеварднадзе] становился все деспотичнее и правил, прибегая к старым коммунистическим фикциям, а его попытки реформировать экономику и образование и уменьшить коррупцию провалились.

Indeed, it is no exaggeration to say that Georgia is the cockpit (J. Steele / The Guardian, 3.1.2004). Действительно, не будет преувеличением сказать, что Грузия – **площадка для петушиных боев**.

They understood he was a giant on their tiny Caucasian stage (R. Parsons / The Guardian, 24.11.2003). Они понимали, что он был великаном на их крошечной кавказской **сцене**.

Театральные метафоры востребованы для осмысления действительности всех сфер-мишеней. Вместе с тем количественная характеристика, представленная на диаграмме 2, позволяет проследить некоторые различия в функционировании рассматриваемой метафорической модели в российском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 2. Частотность метафор со сферой-источником «Театр» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество театральных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 9.4 %, соответственно для Грузии – 15.9 %, стран Балтии – 14.8 %. В британской прессе количество театральных метафор, актуализированных для осмысления российской действительности,

составило 12.3 %, для концептуализации грузинской действительности – 11.6 %, а для стран Балтии этот показатель равен 5.8 %.

Представленные результаты показывают, что в российской прессе театральные метафоры в большей степени востребованы для осмысления политических событий в Грузии и странах Балтии, чем в британской прессе. Россияне более склонны видеть за событиями в Грузии закулисных режиссеров и могущественных кукловодов, разыгрывающих политические спектакли для России и мирового сообщества, а в политике стран Балтии театр абсурда и театральные постановки для Европейского союза. Британские СМИ представляют ход событий в Грузии и странах Балтии более естественным и менее театрализованным, чем россияне. Для метафорического представления России результаты в обоих дискурсах приблизительно одинаковы.

Эти результаты свидетельствуют о том, что по отношению к театральной метафорической модели «концептуальная гибкость» (термин А. Мусолффа) оказывается фактором не менее значимым, чем концептуальная укорененность театрального мировидения в национальных сознаниях. Анализ показывает, что театральные образы достаточно активно эксплуатируются и на родине Шекспира, и на родине Станиславского, но активность театральной метафорической модели значительно варьируется в зависимости от экстралингвистических факторов.

При более детальном рассмотрении британских и российских метафор обнаруживаются образы, характерные только для российского (*коммунальный театр, балаган*) или британского дискурса (*sketch* – скетч, *travesty* – травести). Российские авторы гораздо чаще обращаются к цирковым образам, в то время как британские создатели политических текстов в большей степени предпочитают образы из понятийной сферы «Танцы».

Анализ политических метафор, объединяемых сферой-источником «Театр», выявляет значительные параллели в функционировании рассмотренной метафорической модели (выборе концептов, организации фреймово-слотовой структуры, прагматическому потенциалу, эмотивным

функциям) в российском и британском политическом дискурсе. Образы зрелищных представлений востребованы для метафорического представления политической действительности всех рассматриваемых республик (России, Грузии, стран Балтии), хотя и в разной степени. Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Театр» является общим компонентом британско-российского политического интердискурса и регулярно служит источником метафорической образности для концептуализации действительности различных государств.

2.4. Метафорическая модель со сферой-источником «Спорт и игра» в российском и британском политическом дискурсе

Анализ спортивной метафоры в политическом дискурсе имеет свою традицию. Так, Н. Хоув исследовал роль метафор в американской президентской кампании 1984 года и пришел к выводу, что внутренняя политика США концептуализируется американцами преимущественно посредством спортивных метафор [Howe 1988]. Дж. Лакофф показал, как для оправдания войны в Персидском заливе в американском политическом дискурсе использовались спортивные и игровые метафоры [Lakoff 1991]. Вслед за ним К. Янсен и С. Сабо изучили систему спортивных метафор в репрезентации войны в Персидском заливе [Jansen, Sabo 1994], а Дж. Андерхилл показал, что метафора «Война – это карточная игра» активно актуализируются для представления все той же войны в британской прессе [Underhill 2003]. В диссертации А. А. Касловой показано, что метафорическая модель «ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА – это СОРЕВНОВАНИЯ (ИГРА)» относится к ведущим метафорическим моделям американского и российского политического дискурса [Каслова 2003]. Спортивные метафоры широко представлены в российском политическом дискурсе периода перестройки [Баранов, Караулов 1991, 1994], детально охарактеризована метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Спорт/Игра» в российском

политическом дискурсе 1991–2000 гг. в монографии А. П. Чудинова [2001]. Серия работ посвящена актуализации спортивных метафор в национальных дискурсах [Керимов 2005б; Шехтман 2004б]. Особое внимание исследователей направлено на изучение функционирования отдельных фрагментов спортивной метафорической модели в политической коммуникации. Например, Е. Семино рассмотрела футбольные метафоры в предвыборной кампании С. Берлускони [Semino 2002], а М.В. Сорокина – метафоры, эксплуатирующие понятия из игры в американский футбол в СМИ США [Сорокина 2004].

Как отмечает А. П. Чудинов, «игра изначально воспринимается как имитация деятельности, а не как сама деятельность» [2001: 129], что следует отнести к основным прагматическим смыслам рассматриваемой модели. Спортивное соревнование подразумевает наличие зрителей, болельщиков. Однако в спортивной метафорической модели почти не актуализируются метафоры из сферы-источника «болельщики», что вполне согласуется с топологией исходной понятийной области: метафора актуализирует смысловой компонент «пассивной роли» зрителей, наблюдающих за спортивными соревнованиями, в то время как, например, в политических выборах электорат играет куда более активную роль. К. Малоун, исследуя влияние спортивной по сфере источнику метафоры на психологию избирателя, ввел понятие ‘couch-potato electorate’ – домоседливый электорат, электорат-лежебока, предпочитающий «лежать на диване» и наблюдать за происходящим, а не принимать активное участие в политических выборах [Malone www]. Сходным потенциалом обладает еще один прагматический аспект. Спортивная метафора позволяет редуцировать до игровой деятельности более чем серьезные события. Например, исследователи метафорического представления войны в Ираке отмечают высокую активность спортивной по сфере-источнику метафоры в американском [Сорокина 2004] и британском [Underhill 2003] дискурсах.

В российском и британском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура.

1. Фрейм «Виды игры и спорта»

Слот 1.1. «Игра и ее виды». Различные варианты вербализации концепта *игра* в российском политическом дискурсе метафорически отображают концептуальный вектор имитации деятельности, актуализируют негативный прагматический смысл «неискренности политиков» и «несерьезности» деятельности (*игрушечный парламент, игры в гражданское общество, игра в плюшевых мишек* и др.). Различные политические действия представляются посредством метафор, связанных с названиями различных игр, которые традиционно не относятся к спортивным: *рулетка, чехарда, аттракцион, карусели, карты (покер, блеф, туз, козырь, колода, перетасовать карты, поставить на кон), прятки, пасьянсы, игра в поддавки*. Метафоры слота актуализируют прагматические смыслы «случайности» и «необдуманности» политических решений, «несамостоятельности» политиков.

Особенное распространение в российском политическом дискурсе получили метафоры, апеллирующие к понятиям шахматной игры. Политики, как *шахматисты, разыгрывают партии на шахматной доске*, принимают неожиданные решения (*ход конем*), ставят политических оппонентов в затруднительное положение (*вилка*). В политических шахматах есть свои *фигуры* разной силы и значимости (*пешка, ферзь*). Иногда непредсказуемость политической игры заставляет *пожертвовать ферзем*, а у пешки появляется шанс стать *королевской*. Понятия шахматной игры позволяют метафорически представлять этапы и динамику политических процессов, результаты политических конфронтаций и другие нюансы (*пат, мат, дебют, гамбит, эндшпиль, рокировка*). Ср.:

Также и в британской прессе значительное распространение получили обладающие аналогичным прагматическим потенциалом метафоры игры: *privatisation game* (игра в приватизацию), *diplomatic game* (дипломатическая игра), *Great Game* (большая игра), *dangerous game* (опасная игра) и др. Среди игр, традиционно не относящихся к спортивным, источником метафорической экспансии в политической речи становятся азартные игры (*gamble*), рулетка (*roulette*), карты (*cards*) и соответствующие игровые действия: открыть карты

(*showdown*), блеф (*bluff*), поднимать ставки (*raises the stakes*), разыгрывать карту (*to play that card*), ходить в масть (*to follow suit*), придерживать козыри (*to retain trump cards*). Частая смена премьер-министров в России активизировала использование метафоры игра в кости (*dice*), формирующей негативный прагматический смысл «бездумности в принятии политических решений». Столь же востребованным средством создания метафорической образности в британском политическом дискурсе оказалась сфера-источник «шахматы»: *pieces* (фигуры), *chessboard* (шахматная доска), *endgame* (эндшпиль), *chess player* (шахматист), *grand master* (гроссмейстер), *checkmate* (мат), *stalemate* (пат), *gambit* (гамбит).

1.2. Слот «Командные спортивные игры». В российской прессе политическая борьба нередко представляется через развертывание метафор командных игр: *футбол*, *перетягивание каната*. У политической команды существует свой *тренер* и *скамейка запасных*. Типичные сферы-мишени для метафор этого слота – политические выборы всех уровней, работа президента и правительства, международное соперничество.

Также и в британском политическом дискурсе субъекты политической деятельности, как спортсмены, объединяются для достижения цели в команды (*team*), тандемы (*tandem*), имеют своих тренеров (*trainers*), лучших игроков (*big-hitters*), объединяются в высшие лиги (*top-league*), играют в различные командные игры.

1.3. Слот «Соревнования в скорости передвижения». Для российского политического дискурса метафорическое представление экономического или политического соперничества в понятиях соревнования на скорость довольно традиционно (*гонка вооружений*, *догоним и перегоним Америку* и т.п.). Подобные метафоры по-прежнему актуализируются, но часто подвергаются переосмыслению и приобретают иронические смыслы. К инновациям постсоветского периода следует отнести актуализацию метафор рассматриваемого слота применительно к политической жизни, особенно

выборам всех уровней, что связано с демократическими преобразованиями на постсоветском пространстве.

В британской политической речи политические выборы также регулярно представляются как спортивное соревнование в скорости передвижения. Особенно часто сферой-источником метафорической экспансии становятся лошадиные скачки (*the races, running, one-horse race, shoo-in*). Распространена стертая метафора *race* (гонка) без детализации вида соревнования. В понятиях спортивной гонки представляется экономическое соперничество, стремление получить доступ в международные организации.

1.4. Слот «Другие виды спорта». В российском дискурсе в качестве источника образности доминируют понятия из различных видов спортивных единоборств (бокс, борьба, дзюдо), наиболее подходящих для метафорического представления политической борьбы. Отмечается активизация метафор, относящихся к дзюдо (В. В. Путин – обладатель черного пояса в этом виде спорта). Политическое влияние метафорически отображается посредством спортивных понятий: *весовая категория, тяжеловес, легкий вес*. Также востребованы в качестве источника метафорической проекции и другие виды спорта. Например, для обозначения деятельности, не способствующей решению проблемы, используется метафора *пинг-понг*. Попытки достичь желаемого результата номинируются посредством понятий из *прыжков в высоту* или *длину*, а вариативность, умение преодолевать трудности могут быть представлены как *слалом*.

В британском дискурсе в качестве источника образности в рассматриваемом слоте также доминируют понятия из различных видов спортивных единоборств: *boxing* (бокс), *sparring* (спарринг), *knock-down* (нокдаун). Политики, как спортсмены, имеют свои весовые категории и обладают разным уровнем подготовки: *heavyweights* (тяжеловесы), *featherweights* (борцы полулегкого веса), *bruisers* (боксеры-профессионалы). Реже встречается лексика из других видов спорта (*springboard* – трамплин, *to pass the baton* – передать эстафетную палочку). Отметим, что в британской

прессе очень часто упоминается тот факт, что российский президент обладатель черного пояса дзюдо, однако метафорические словоупотребления не фиксируются.

2. Фрейм «Квалификация спортсменов и итоги соревнований»

2.1. Слот «Фавориты, лидеры и аутсайдеры». Структура и агональные смыслы спортивной сферы-источника активно используются для построения политических прогнозов в российском политическом дискурсе. До окончания политических «соревнований» (а иногда и до их начала) определяются *фавориты* и *отстающие*, *лидеры* и *аутсайдеры*, подсчитываются *очки* и ведется *счет голов*.

Схожая картина наблюдается и в британском политическом дискурсе. Политические прогнозы отражены в метафорах *front-runner* (бегущий первым), *leader* (лидер), *outsider* (аутсайдер), *in the running* (шансы на победу в гонке), *shoo-in* (заранее известный победитель) и др.

Слот 2.2. «Победитель, призеры и неудачники». По окончании соревнований подводятся итоги: выявляется *победитель* и *неудачники*, распределяются *призовые места*. Пока одни политики *готовятся к старту*, другие уже *отдыхают на финише*. Наиболее типичная сфера-мишень для метафор этого слота – «выборы».

Для британской прессы также характерно представлять результаты политических выборов посредством метафор *pennant*, *victor* (победитель), *losers* (неудачники, проигравшие) и метафор призовых мест. Помимо политиков проигравшими или победителями могут быть демократия, электорат, органы представительства.

3. Фрейм «Правила игры»

3.1. Слот «Правила игры». Спортивные игры подчинены правилам, включающим ограничение игрового времени и пространства, разделение на своих и чужих, определение запрещенных приемов и др. В политической речи тоже есть свои правила, но там они называются иначе: конституция, законы, моральные нормы. Аналогичные метафоры используются и в британском

политическом дискурсе: *to play straight* (играть честно), *toe the line* (строго придерживаться правил).

3.2. Слот «Нарушение правил и наказание спортсменов». В российской прессе негативное отношение к нарушению правил в спортивных соревнованиях переносится на политические действия с помощью метафор *фальстарт*, *подыгрывать*, *недозволенные приемы*, *нарушение правил*, *нечестная игра*, *удар ниже пояса* и др. Осмысление политической действительности в метафорах рассматриваемого слота характерно и для британского политического дискурса, что выражается в употреблении таких метафор как *re-run* (повторный забег), *disqualification* (дисквалификация), *foul play* (нечестная игра), *to break rules* (нарушить правила). Для обозначения ситуации, в которой кто-то ведет себя нечестно с целью получить преимущество, используется метафора *to move / to shift goalposts* (двигать стойки ворот, менять правила после начала игры).

Рассмотрение российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что спортивные метафоры актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Ср.:

Сфера-мишень «Россия»

Есть еще и такая настольная игра – кремлевские шахматы. Правила простые: все фигуры на доске стремятся стать королевскими пешками (С. Репов / АиФ, № 19, 2004). *Толкание «ЕДРА»* (С. Новопрудный / Известия, 26.11.2003). *Словно искусный горнолыжник на трассе слалома, правительство должно лавировать между интересами бизнеса и общества* (М.Головнев / КП, 24.3.2004). *И поднимается вечная тема: главная цель Запада – ослабить Россию, которая оправляется от тяжкого нокаута "холодной войны"* (С. Лесков / Известия, 4.12.2004).

Сфера-мишень «Страны Балтии»

Мы же, опросив за неделю с полсотни с лишним человек, пришли к другому выводу: дело вовсе не в балтийской карте, которую кто-то снова пытается разыграть (Г. Сапожникова, К. Маркарян / КП, 3.3.2004). *В Риге знают, что «правила игры» требуют от властей России имитировать некую реакцию, поэтому не принимают все это всерьез* (СС, 19.12.2004). *Собственно, о выборах речь даже не идет: кандидатура была*

единственной, и весь **игрушечный** парламент Латвии не успел даже перессориться, подыскивая ей альтернативу (О. Иванова / СР, 17.6.2003).

Сфера-мишень «Грузия»

Следующий **раунд поединка** Саакашвили – Абашидзе не за горами (В. Ворсобян / КП, 23.3.2004). Саакашвили — и сейчас это совершенно ясно — **пешка** в руках западных **гроссмейстеров** (В. Тетекин / СР, 3.6.2004). **Фаворитом предвыборной гонки** считается лидер «Национального движения», единый кандидат от оппозиции Михаил Саакашвили (И. Образцова / АиФ, № 52, 2003). **Батумский пат** (Ю. Симонян / Эксперт, № 17, 2004).

Target domain “Russia”

For years Russia and America have been **sparring** over the strategic territory of Georgia (I. Traynor / The Guardian, 21.03.2002). Несколько лет Россия и Америка ведут **спарринг-бой** за стратегическую территорию Грузии.

The alleged plan exposes the continuing **face-off** between the west and Russia in Georgia (N. P. Walsh / The Guardian, 1.12.2003). Этот сомнительный план свидетельствует о затянувшемся **вбрасывании шайбы** между Россией и Западом в Грузии.

Endgame nears as Russia's Yukos renationalisatoin (A. Osborn / The Independent, 16.10.2004). Игра в **эндшпиле**: российский Юкос ожидает ренационализации.

From the beginning, it was clear that the election would be a **one-horse race** (J. Strauss / Daily Telegraph, 15.03.2004). С самого начала было понятно, что эти выборы – **скачки, в которых заранее известна лошадь-победитель**.

Target domain “The Baltic States”

The region's key position on the historic border between the West and the East meant that countries quickly moved into position like **pieces on a chessboard**. (D. Howden, P. Thornton / The Independent, 25.5.2005). Тот факт, что регион занимает ключевую позицию на исторической границе между Западом и Востоком, свидетельствует, что эти страны быстро заняли выгодные позиции, как **фигуры на шахматной доске**.

Hence the countries **have been stumbling over each other** to appear the best, the biggest, the most reformed, the least corrupt (K. Connolly / The Guardian, 3.04.2002). С тех пор эти страны **бегут, спотыкаясь друг о друга**, чтобы показать себя самыми лучшими, самыми значительными, самыми реформированными и менее других коррумпированными.

Target domain “Georgia”

The last time I saw Mr. Shevardnadze I asked him about corruption and disillusionment with his rule. Why not retire? 'I'm a **chess player**,' he replied. 'Await my **next move**.' Now the **grand master has been checkmated; the long game is over**" (S.S. Montefiore / DT, 25.11.2003). В последний раз, когда я встречался с господином Шеварднадзе, я спросил его о коррупции и разочарованиях, сопровождавших его правление. Почему бы ни уйти в отставку? «Я –

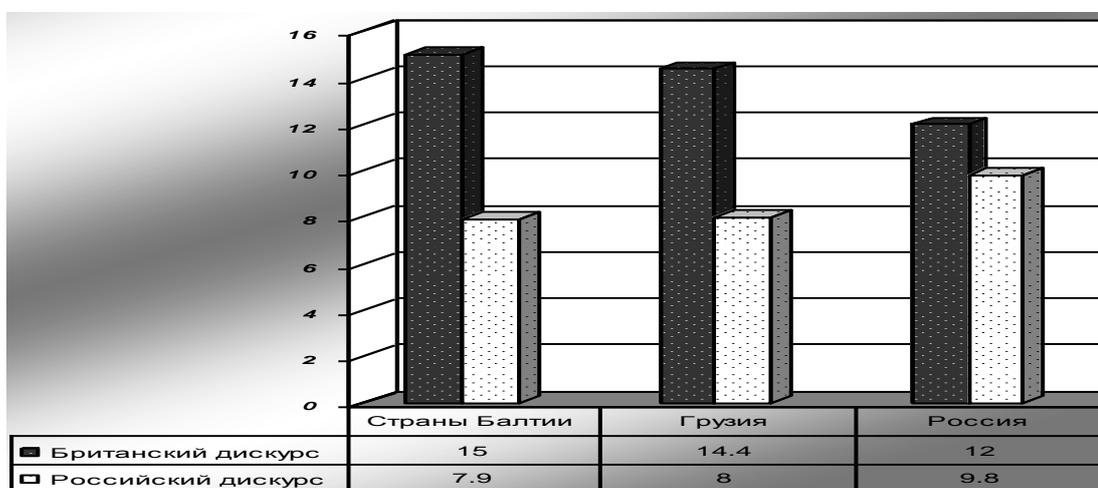
шахматист», – ответил он, – «ждите моего **следующего хода**». И вот, **гроссмейстеру поставили шах и мат, долгая игра окончена.**

*Ordinary Georgians immediately suspected **foul play*** (S. Smith / The Times, 4.2.2005).
 Грузинский народ сразу заподозрил **нечестную игру**.

*In short, Georgia has continued to be a cold war **playground**, with Russia and the US **competing** for a country that is a strategic **prize** in the **contest** to control the Caspian mineral bonanza* (I. Traynor / The Guardian, 24.11.2003). Короче говоря, Грузия остается **спортивной площадкой** холодной войны, на которой Россия и США **соревнуются** за страну, являющуюся **стратегическим призом в состязании** за «золотое дно» Каспия.

В российском и британском политическом дискурсе метафоры со сферой-источником «Спорт и игра» актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней. Вместе с тем квантитативная характеристика рассматриваемой метафорической модели, представленная на диаграмме 3, позволяет проследить некоторые различия.

Диаграмма 3. Частотность метафор со сферой-источником «Спорт и игра» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество спортивных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 9.8 %, соответственно для Грузии – 8 %, стран Балтии – 7.9 %. В британской прессе количество спортивных метафор, актуализированных для осмысления российской действительности,

составило 12 %, для концептуализации грузинской действительности – 14.4 %, а для стран Балтии этот показатель равен 15 %.

В рассматриваемой метафорической модели проявляются характерные и для других моделей британско-российские разногласия. Спортивные метафоры, отражающие прагматические смыслы борьбы и соперничества, не имеют тех агрессивных и резко негативных смыслов, характерных, например, для военных метафор. В спортивных соревнованиях есть строгие правила честного соперничества и эмотивные смыслы спортивных метафор более мелиоративны. Если британцы предпочитают переносить на действительность прибалтийских республик и Грузии смысл «соперничества» из исходной понятийной сферы «Спорт», то в российской прессе по отношению к странам Балтии и Грузии профилируются смыслы из других понятийных сфер.

Вместе с тем осмысление действительности через спортивные метафоры в большей степени характерно для британского, чем российского сознания, о чем свидетельствует регулярное преобладание британских спортивных метафор независимо от сферы-мишени метафорической экспансии.

Для экспликации полученных результатов также важно отметить, что в большинстве случаев британскую прессу интересует не внутренняя политика в прибалтийских республиках, а Латвия, Литва и Эстония как субъекты международных отношений, будущие (а потом и настоящие) члены ЕС и НАТО. Соответственно типичные сферы-мишени при метафорическом осмыслении прибалтийских республик в британской прессе – это «международная экономика», «деятельность стран претендентов по выполнению требований по вступлению в международные организации». В российской прессе основное внимание было сосредоточено на взаимоотношениях между российскими национальными меньшинствами и прибалтийскими правительствами (малохарактерная тема для британской прессы), международными отношениями стран Балтии, России и некоторых других стран. Соответственно профилировались другие смыслы, а актуализация спортивных метафор в российской прессе оказалась менее актуальной.

Также различия по сфере-мишени (действительность конкретных республик) в метафорическом представлении международных отношений прослеживаются в случае репрезентации степени политической значимости, влияния, активности субъектов международной деятельности: Россия обычно выступает в качестве активного игрока, который пытается разыграть балтийскую карту или посоревноваться с США на грузинской спортивной площадке. Также «участников соревнований» ожидают разные «призы»: Россию – политическое влияние в сопредельных государствах, страны Балтии – вступление в ЕС и НАТО.

По критерию «национальных предпочтений» можно отметить следующий факт: гораздо чаще британцы апеллируют к лошадиным скачкам, причем некоторые британские метафоры из этой и других понятийных сфер обычно переводятся на русский язык описательными оборотами (*big-hitter, shoo-in, one-horse affair, one-horse race*). Наоборот, в российской прессе актуализируются нехарактерные для британской прессы понятия: *чехарда, карусель, прятки, аттракцион*. Привлекает внимание и тот факт, что очень похожие метафорические выражения используется в национальных дискурсах для привнесения различных смыслов и относится к разным слотам. Например, метафорическое выражение *встать на стартовую черту* в российском политическом дискурсе означает “приготовиться к участию в выборах”, в то время как аналогичное английское выражение *to toe the line* используется для обозначения ситуации, когда политики «строго придерживаются правил», т.е. не заступают за стартовую черту на беговой дорожке.

Спортивная по сфере-источнику метафора – довольно традиционное средство для метафорического представления политической действительности, поэтому если и можно говорить о доминантности модели, то только на уровне концептов (например, активизация понятия дзюдо в качестве регулярного источника метафорической образности в российской прессе).

Анализ спортивных по сфере-источнику политических метафор выявляет значительные российско-британские параллели в функционировании

рассмотренной метафорической модели (выборе концептов, организации фреймово-слотовой структуры, прагматическому потенциалу). Совпадают и эмотивные смыслы метафор, занимающие промежуточное место на оценочном спектре между резко негативными смыслами (напр., криминальные метафоры) с одного края и метафорами, несущими мелиоративные оценки (метафора дома) с другого.

Несмотря на то, что Метафорическая модель с исходными понятийными сферами «Спорт» и «Игра» регулярно служит средством метафорической образности для концептуализации действительности различных государств, является общим компонентом британско-российского, а, судя по обзору исследований, американско-европейско-российского интердискурса.

2.5. Метафорическая модель со сферой-источником «Болезнь» в российском и британском политическом дискурсе

Рассматриваемая модель является одним из вариантов развития концептуальной метафоры ОБЩЕСТВО – ЭТО ОРГАНИЗМ, развертываемой в дискурсе как концептуальная метафора ОБЩЕСТВО – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ для привнесения прагматического смысла неестественности развития ситуации и актуализации императива противодействия «чужеродным телам». Дальнейшая логика метафорического сценария активизирует концепты из сферы «Медицина», фреймовое знание о которой используется в политической коммуникации для прогнозирования способов преодоления кризиса и определения задействованных в этой деятельности субъектов.

Моделирующий потенциал морбиальной метафоры и связанные с ней прагматические смыслы традиционно используется в политическом дискурсе различных государств [Каслова 2002; Муране 2003; Феденева 1998, Телешева 2004; А.П. Чудинов 2001; Шмелева 2001; Luoma-aho 2002; Perry 1983; Rash 2005 и др.]. Как показывают исследования, морбиальные метафоры обладают значимым прагматическим потенциалом и активизируются сторонниками

самых различных политических взглядов, особенно активно метафоры болезни используются в периоды политических кризисов.

Важно отметить, что по метафорам болезни можно судить не только о государственном или общественном кризисе. Очевидно, что если при сопоставлении активности морбиальных метафор для концептуализации определенной сферы-мишени в разных национальных дискурсах результаты разнятся, то это свидетельствует не столько о реальном кризисе, сколько об особенностях метафорического восприятия одной и той же действительности в разных обществах, о желании представить эту действительность именно через морбиальную модель, что особенно важно учитывать при использовании методики, применяемой в настоящем исследовании.

В российском и британском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура.

1. Фрейм «Диагноз»

Слот 1.1. «Физические болезни». В российской политической коммуникации распространены следующие наименования метафорических болезней: *рак, рахит, нарыв, похмелье, облысение, понос (медвежья болезнь), немота, ожирение*. В британском дискурсе слот представлен общими наименованиями *ailment* (заболевание), *malaise* (недомогание) и метафорами конкретных заболеваний – *atrophy* (атрофия), *drug addiction* (наркомания), *mutation* (мутация), *plague* (чума), *paralysis* (паралич).

Слот 1.2. «Психические болезни». В российской политической коммуникации наиболее распространены такие метафорические заболевания как *идиотизм, сумасшествие, идолофрения, шизофрения* и различные *фобии*. Смежным смыслом обладают метафоры *дурдом, психушка, психбольница*. В британском дискурсе слот представлен метафорами *crazy* (помешанный), *mad* (сумасшедший), *crackpoint* (чокнутый), *basket case* (полоумный), *madcap* (сумасброд). Также используются конкретные виды расстройств: *gloom* (депрессия), *folie de grandeur, delusion of grandeur* (мания величия), *amok* (амок), *paranoia* (паранойя), *amnesia* (амнезия).

Слот 1.3. «Возбудители болезней». Во многих случаях для определения *болезни*, и постановки диагноза необходимо определить причины *заражения и распространения эпидемии*. Наиболее часто причинами *заболевания* являются политические оппоненты и их идеи, которые номинируются как *паразиты, микробы, вирусы*. В британских СМИ в качестве возбудителей государственных заболеваний рассматриваются конкретные политики, проводящие истощающие организм реформы (*debilitating reforms*), ведущие к коллапсу (*collapse*), ослаблению социального здоровья (*social health*) и заражению (*infection, contagious*) вирусами (*virus*).

2. Фрейм «Пациенты и медицинский персонал»

Слот 2.1. «Медицинский персонал». Согласно метафорической логике морбиальной модели больной организм необходимо лечить. Определение целителей болезни происходит с помощью номинаций *политические врачи, хирургическая бригада, пластические хирурги, визажисты, терапевты* или *шарлатаны*. Персонал проводит *медицинский анализ* и выписывает *рецепты*. Метафоры этого слота являются средством положительной самопрезентации и одновременно дискредитации политических оппонентов. В британских СМИ в качестве врачей (*doctors*) рассматриваются международные организации (ВТО, МВФ, ЕС) и отдельные государства (преимущественно США), которые и выписывают рецепты (*prescriptions*) для Грузии и стран Балтии. Применительно к России эту функцию метафорически выполняет российский президент.

Слот 2.2. «Пациенты». И в российском, и британском политическом дискурсе в качестве *пациентов, больных* выступают страны и регионы, население, субъекты политической и экономической деятельности, демократия и другие реалии, но распределение морбиальных метафор для разных сфер-мишеней неодинаково. Это обстоятельство станет предметом особого рассмотрения после приведения количественной характеристики.

3. Фрейм «Симптомы болезни»

В реальной медицинской практике о заболевании судят по симптомам, что становится основой для аргументации морбиального видения действительности в политическом дискурсе с помощью метафор *симптомы, судороги, кровотечение, головные боли, паралич*. Схожая картина наблюдается и при рассмотрении британских метафор: *symptoms* (симптомы), *convulses* (судороги), *haemorrhage* (кровотечение), *feebleness* (слабость), *headache* (головная боль), *strain* (переутомление), *shock* (шок), *festering* (нагноение).

4. Фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства»

Слот 4.1. «Способы лечения». После определения симптомов и постановки диагноза политические врачи предлагают способы лечения заболевания. Способы лечения больного одновременно являются оценкой состояния больного. Метафоры *политическая гигиена, терапия и психотерапия, инъекции, косметическая подтяжка, медленное врачевание, санитария* в меньшей степени актуализируют концептуальный вектор тревожности, чем такие метафоры как *хирургия, операция, резекция, липосакция* и тем более *искусственное дыхание* или *ампутация*. Разнообразие оценочных смыслов в метафорах рассматриваемого слота задействовано и в британской политической коммуникации: *to foment* (класть примочки или припарки), *massage* (массаж), *therapy* (терапия), *injections* (инъекции), *bloodletting* (кровопускание), *reanimation* (реанимация).

Слот 4.2. «Медицинские инструменты и лекарства». Денотативной областью применения для метафор данного слота (*скальпель, костыли, бинты*) становится разнообразная политическая деятельность, ее оценка и прогнозирование. Метафоры слота часто используются как средство дискредитации оппонента, предлагающего использовать такие лекарства, которые не приведут к выздоровлению. Обычно используются наименования лекарств, действие которых хорошо известно адресату политической коммуникации (*снотворное, слабительное, валерианка*). В британских СМИ метафоры слота приносят очень похожие прагматические смыслы. Наиболее распространены такие наименования как *remedy* (медикаменты), *miracle cure*

(чудодейственное лекарство), *swathes* (бинты), *cathartic* (слабительное), *lotion* (примочки).

5. Фрейм «Состояние пациента»

Слот 5.1. «Тяжелое состояние пациента». Метафоры рассматриваемого слота приносят наиболее негативные прагматические смыслы (*кома, полудохлый, с запущенными болезнями, парализация*) и в наибольшей степени актуализируют необходимость противодействия причинам политических заболеваний. В британских СМИ фреймовое знание о сфере-источнике служит основанием для использования метафор с похожими смыслами, но британские прессе метафоры этого слота в большой степени являются средством оценки, чем побуждением к действию. Распространены такие метафоры как *degeneration* – (вырождение), *agony* – (агония), *the gravest crisis* – (тяжелейший кризис), *paralysis* – (паралич), *throe* – (предсмертная агония). Схожие оценки приносятся посредством метафор *survival* (выживание), *to salvage political life* (спасение политической жизни).

Слот 5.2. «Выздоровление больного». Положительные изменения в экономике, обществе, отношениях между субъектами международной и внутренней политики метафорически представляются как *избавление от недуга, выздоровление, исцеление, залечивание ран* и т.п. Аналогичные метафоры характерны и для британского политического дискурса: *to restore strength* (восстанавливать силы), *recovery, revival* (выздоровление), *to feel better* (чувствовать себя лучше). Метафоры рассматриваемого слота обладают положительным прагматическим потенциалом, нехарактерным для морбиальной метафорической модели в целом.

Рассмотрение российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что морбиальные метафоры актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Ср.:

Сфера-мишень «Россия»

*Выборы – это ведь еще и своего рода **медицинский анализ**, данные для **диагноза**. В этом году обнаружены **возвратные явления застарелой болезни**. У **больного** крайне неутешительные перспективы (Ю.Побединский / Известия, 10.12.2003). На прошлой неделе близкое к **состоянию комы** российское демдвижение начало подавать признаки жизни (А.Колесниченко / АиФ, № 16, 2004). От сияния кремлевских звезд может ведь и **медвежья болезнь** приключиться (О. Шаповалов / КП, 26.3.2004). Высокие цены на нефть действуют на правительство как **снотворное**, а лучше бы как **слабительное** (Б. Немцов / АиФ, № 14, 2003). Дело, конечно же, не в том, будут ли проигравшим даны в качестве «**валерианки**» те или иные успокоительные посты (В. Костин / АиФ, № 51, 2003).*

Сфера-мишень «Страны Балтии»

*Скандал практически **парализовал** президентскую ветвь власти: с ноября Паксас ни разу не выезжал за границу, резко сократилось и число гостей извне (В. Скрипов / Эксперт, № 10, 2004). Бывшие советские прибалтийские республики явно страдают **хронической болезнью**. **Симптомы** ее одинаковы у всех трех государств – периодически Эстония, Латвия и Литва призывают Россию каяться, просить прощения «за 50 лет оккупации»... В периоды **обострения заболевания** они на полном серьезе требуют от нас возместить ущерб, выплатив компенсации (А. Тулеев / НГ, 31.08.2004). В Европу **на костылях** (О. Иванова / СР, 2.8.2003). Период финансового «**искусственного дыхания**» для экономики Эстонии (после ее выхода из СССР) уже закончился (АиФ, 15.4.2003). Вследствие **рахитичного** развития организм Латвии всегда требовал подпитки на стороне (СР, 17.6.2003).*

Сфера-мишень «Грузия»

*«Грузинский вариант» может оказаться **заразным** (А. Угланов / АиФ, № 49, 2003). Не так давно он заявил, что в «Грузии завелась такая **болезнь** — «**жванофобия**», и она всегда плохо заканчивалась для **заразившихся**» (Е. Польгуева / СР, 5.2.2005). Подобно тому, как **измученный, тяжелораненный организм сопротивляется влившемуся в него злему осколку** и в итоге **выдавливает его из себя, побеждая лихорадку и болезнь**, — точно так же и **страдающий народ, не приемля нынешнего режима, в конце концов выдавит его из своего тела, излечится и воспрянет к жизни** (И. Гиоргадзе / Завтра, 18.1.2000). Политический барометр в самопровозглашенной республике Абхазия после президентских выборов сошел с ума. Общество расколото. Власть **парализована** (Ю. Симонян / Эксперт, № 44, 2004).*

Target domain “Russia”

*However, it is at the exposed and vulnerable extremities of the vast Russian territories that the **atrophy** of the population has been most acute (J. O'Mahony / The Guardian, 3.02.2001).*

Однако это самые незащищенные и уязвимые конечности обширной России, которые остро страдают от демографической **атрофии**.

America's secretary of state, Colin Powell, challenged Russia over **the health** of its democracy yesterday in Washington's most outspoken criticism of Moscow since the September 11 attacks (D. McLaughlin / DT, 27.01.2004). Вчера госсекретарь США Колин Пауэлл поставил под сомнение **здоровье** российской демократии, выступив с самой прямой критикой Москвы со времен атак 11 сентября.

Over the past 10 years, Russia has been **haemorrhaging** humanity at a rate unprecedented for a modern, industrialised nation, except during times of famine or war (J. O'Mahony / The Guardian, 3.02.2001). Последние десять лет Россия **истекает кровью**, теряя беспрецедентное для современной индустриальной страны количество своих граждан, сопоставимое только с потерями времен войны или голода.

Initially conceived as a **cathartic** to allow people who had shared a common tragedy to console one another, the group has unexpectedly metamorphosed into a potent political vehicle (A. Osborn / The Independent, 31.01.2005). Это объединение, изначально задуманное как **слабительное средство**, которое поможет людям пережить общее несчастье, неожиданно превратилось в мощную политическую силу.

Target domain "The Baltic States"

'An intense dose of the Baltics' might sound like a **contagious east European virus** (I. Belcher / The Guardian, 3.04.2004). Выражение «большая доза Балтики» звучит почти как **заразный восточноевропейский вирус**.

As in the EU, tensions are rising between net **donors** and **recipients** (The FT, 24.5.2002). Что касается отношений с ЕС, то наблюдается нарастание конфликта между **донорами и реципиентами**.

Baltic states **agonise** over Putin's invitation (T. Parfitt, L. Harding / Guardian, 7.3.2005). Страны Балтии в **агонии** после приглашения Путина.

Target domain "Georgia"

Today, Georgia is a **basket case**, which has received \$1bn of US aid in the past 10 years (R. Parsons / The Guardian, 24.11.2003). Современная Грузия – это **полоумный**, который за последние 10 лет получил в качестве помощи от США 1 миллиард долларов.

Dozens of al-Qaida militants or Taliban fighters have fled Afghanistan and moved into the **fragile** post-Soviet state of Georgia (I. Traynor / The Guardian, 15.02.2002). Масса бойцов Аль-Каиды и талибов сбежали из Афганистана в **болезненную** постсоветскую Грузию.

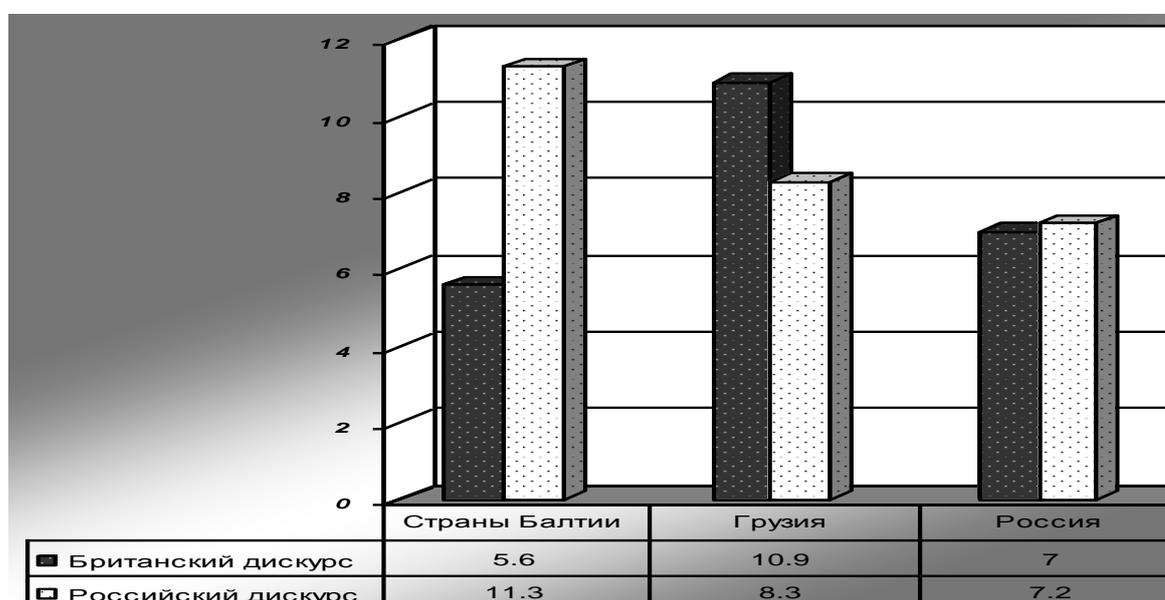
Georgia groans under a foreign debt of \$1.75bn and has repeatedly failed to meet IMF and World Bank **prescriptions for relief** (The Guardian, 6.01.2004). Грузия стонет от иностранного долга в 1,75 млрд. долларов, но не следует **рецептам** МВФ и Мирового банка, чтобы почувствовать **облегчение**.

Georgia, a country whose dilapidated capital is regularly paralysed by power cuts, is on a drip feed of support from Washington (N. P. Walsh / The Guardian, 7.10.2002). Грузия, страна, чью обветшалую столицу регулярно охватывает энергетический паралич, находится на капельной подаче помощи из Вашингтона.

*It is clear that the Pentagon is planning to stay longer and that Georgia sees the US troops as a **miracle cure to the various ailments** afflicting the enfeebled state (I. Traynor / The Guardian, 20.03.2002). Очевидно, что Пентагон планирует задержаться, и что Грузия рассматривает войска США в качестве **чудодейственного лекарства от разнообразных недугований**, мучающих ослабшее государство.*

Морбиальная метафора как средство осмысления действительности характерна и для российской, и для британской картины политического мира. Вместе с тем количественная характеристика морбиальных метафор, представленная на диаграмме 4, позволяет проследить некоторые различия в функционировании рассматриваемой метафорической модели в российском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 4. Частотность метафор со сферой-источником «Болезнь» в российском и британском политическом дискурсе.



В российской прессе количество морбиальных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 7.2 %, соответственно для Грузии – 8.3 %, стран Балтии – 11.3 %. В британской прессе количество морбиальных

метафор, актуализированных для осмысления российской действительности, составило 7.0 %, для концептуализации грузинской действительности 10.9 %, а для стран Балтии этот показатель равен 5.6 %.

Как показано на диаграмме, актуализация морбиальных метафор относительно той или иной сферы-мишени варьируется. Для представления России морбиальная метафора востребована примерно в равной степени в российском и британском политическом дискурсе. Британцы в большей степени склонны видеть в странах Балтии естественную перспективу развития ситуации, чем россияне, а в случае со сферой-мишенью «Грузия» наблюдается обратная закономерность.

Важно учитывать, что количественная характеристика не отражает в полной мере оценочные характеристики актуализированных метафор. Так, при концептуализации российской действительности оказались очень востребованными российские и британские метафоры слота «Выздоровление», развертывающие концептуальную метафору «Экономика – это здоровье». С улучшением экономического состояния России продуктивность и частотность слота «Физические болезни» в обоих дискурсах уступила слоту «Психические болезни».

Применительно к сфере-мишени «Грузия» метафоры слота «Выздоровление» не встречаются, в то время как российские и британские наименования тяжелых и смертельно опасных заболеваний очень распространены. Корпус морбиальных метафор для этой сферы-мишени наполнили метафоры с «неутешительными диагнозами» по сфере-источнику.

В британской картине мира Латвия, Литва и Эстония страдают время от времени от легких недомоганий, но в целом состояние здоровья балтийских стран не вызывает серьезных опасений. В российском дискурсе морбиальные метафоры для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии» оказались востребованными в большей степени. Это связано с тем фактом, что проблема прав русских меньшинств в этих республиках по понятным причинам больше интересует россиян, чем британцев.

Вместе с тем британское и российское видение ситуации в целом совпадает. В метафорической картине российских и британских СМИ Грузия – тяжело больной организм, который к тому же не следует рецептам и предписаниям международных организаций, а надеется на панацею; Россия выздоравливает, чувствует себя лучше, идет на поправку, хотя ее и мучают психические расстройства; прибалтийские республики подвержены недомоганиям, но в срочном лечении не нуждаются.

Как показывает анализ, морбиальная метафора как средство осмысления действительности характерна и для российской, и для британской картины политического мира и, несмотря на то, что ее актуализация относительно той или иной сферы-мишени варьируется, в целом рассматриваемая метафорическая модель проявляет больше сходств, чем различий.

2.6 Метафорическая модель со сферой-источником «Человеческий организм» в российском и британском политическом дискурсе

Концептуальная метафора «Государство – это организм» довольно традиционна для британского и российского национального сознания. Даже поверхностное обращение к ранним периодам письменно засвидетельствованной истории человеческой культуры показывает, что эта метафора укоренилась в человеческом сознании задолго до формирования российской и британской наций и в различных вариантах актуализировалась политиками, писателями, философами на протяжении всей истории человечества.

Как показывает А. Харви [Harvey 1999], метафора человеческого организма доминировала при осмыслении государства и в Древнем мире, и в Средние века, а метафоры механизма потеснили антропоморфную метафору только в эру индустриальной революции (18 в.).

Антропоморфная метафора постоянно привлекает внимание ученых [Апресян 1995; Колотнина 2001; Никитина 1999; Yu 2000; 2003; 2004 и др.], в

том числе и исследователей политической коммуникации [Феденева 1997; Чудинов 2001; 2003; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1992; 2001a; 2003b; 2004; Lakoff, Johnson 1987; Rohrer 1995 и др.].

Как показали специальные исследования, концептуальная метафора «Государство – это организм» не только является базисной для осмысления действительности того или иного государства, но и лежит в основе концептуализации международных отношений [Скребцова 2002; Chilton, Lakoff 1995; Lakoff 1992, 2001a, 2003b, 2004; Lakoff, Johnson 1987; Rohrer 1995]. Государства, как и люди, вступают в социальные отношения с другими государствами, которые типично представляются как друзья, враги, соседи, изгои. Исследователи указывают на значительный прагматический потенциал антропоморфной метафоры в современном политическом дискурсе. Государства «могут обладать особенностями характера, быть честными или лживыми, агрессивными или миролюбивыми, решительными или параноидными, предприимчивыми или нет. <...> Таким образом, если Россия, например, представляется агрессивной, лживой, параноидной и непримиримой, то относиться мы к ней будем совсем не так как к стране честной, миролюбивой и готовой к сотрудничеству» [Chilton, Lakoff 1995: 40].

Рассмотрим фреймовую структуру модели на основе анализа исходной понятийной сферы.

1. Фрейм «Тело (организм) человека»

В основе актуализации метафор этого фрейма лежит концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ТЕЛО/ОРГАНИЗМ. При обозначении политических реалий метафора используется для актуализации смыслов «целостности», «общности целей» или «неперспективности деятельности», если организм нежизнеспособен. Ср.:

*Сегодня, когда блока «Родина» уже не существует, становится очевидно, что никакого другого исхода быть не могло: это был заведомо **нежизнеспособный организм** (Н. Архангельская / Эксперт, № 6, 2004). Без этой поддержки — своими деньгами, делами или даже одобрением — режим обессилит, соххнет и отпадет от **тела** нашей Грузии, как старая короста (И. Гиоргадзе / Завтра, 18.1.2000).*

Также и в британской прессе метафора *body* (тело) используется для актуализации смыслов «целостность», «общность целей». Подобно тому, как тело включает руки, ноги, голову, туловище, внутренние органы, которые совместно функционируют для обеспечения жизнедеятельности организма, так и различные организации объединяют сотрудников и ресурсы для достижения определенных целей. Ср.:

*The **body** would gather dirt on opposition figures, and would whip the press into submission* (A. Gentleman / The Guardian, 29.05.2000). *Эта организация |тело| собирала бы сплетни о представителях оппозиции и приучала бы прессу к послушанию.*

Метафора *body* (тело) выполняет сходную функцию при обозначении достаточного для определенных целей количества информации. Ср.:

*Instead, a growing **body** of proof has surfaced that links the bombings, and the Ryazan incident in particular, to the FSB - the revamped KGB* (J. Strauss / DT, 13.03.2004). *Вместо этого, растущее количество |тело| доказательств обнаружило, особенно в отношении рязанского инцидента, связь между взрывами и ФСБ, реконструированным КГБ.*

2. Фрейм «Части тела и органы»

Слот 2.1. «Голова, мозг»

Основные прототипические функции – мышление и общее руководство организмом. Метафоры слота характеризуют роль субъектов политической и экономической деятельности и взаимоотношения внутри политических, экономических и других структур. Ср.:

*Генштаб — **мозг** нашей армии* (Ю. Шмель / СР, 14.5.2005). *Так, по слухам, в самое ближайшее время может закончиться звездная карьера «говорящей головы» Бориса Березовского – Сергея Доренко* (МК, № 17, 2000). *А если кто-нибудь сюда [в Абхазию] сунется, мы им **голову** откусим* (Д. Рогозин / АиФ, № 24, 2004). *Впрочем, судьбоносной для Касьянова, судя по всему, оказалась другая встреча – с финансовым **мозгом** империи Абрамовича Александром Мамутом* (М.Ростовский / МК, 22-29.06.2000). *Если **мозги** утекают, значит, они есть* (В. Путин / КП, 23.4.2004.).

Подобные метафоры актуализируются и в британском политическом дискурсе. Метафоры *head* (глава), *to head* (возглавлять) потеряли свою образность. Успешность политических действий во многом зависит от того, смогут ли политики довести дело до ума (букв. до головы – *to bring matters to a head*), умеют ли проявляют хладнокровие (букв. быть холодноголовыми – *cool-*

headed). Иногда политики и политические реалии могут вообще остаться без метафорической головы, т.е. лишиться власти, политического влияния. Ср.:

*Insiders have predicted for months that Mr Kasyanov's **head was on the block** after he fell out with the president over a series of economic measures* (J. Strauss / Daily Telegraph, 25.02.2004). [*Хорошо осведомленные люди еще несколько месяцев назад предсказывали, что **голова господина Касьянова лежит на плахе** после того, как он не согласился с президентом по вопросу о ряде экономических мер.*]

*Mr Zhvania was considered the **brains** of the Rose Revolution...*(S. Smith / The Times, 4.2.2005). [*Господина Жвания считали **мозгом** революции роз...*]

*The attack **decapitated** a regime that Russia hoped would pacify a province shattered by two wars in a decade* (J. Strauss / Daily Telegraph, 11.05.2004). [*Этот теракт **обезглавил** режим, на который Россия возлагала надежды по привнесению мира в регион, разрушенный в результате двух войн последнего десятилетия.*]

Слот 2.2. «Органы перцепции»

Субъекты деятельности, подобно живому организму, имеют метафорические глаза, уши и нос. Основные прототипические функции – сбор и оценка информации. Ср.:

*Станут ли «государевы **очи**» «государевыми зубами»* (И. Ринаева / МК, №21, 2000). *Симметрично произволу полиции растет и наглость криминала, который **обостренным нюхом** чует богатую поживу в обществе, где все покупается и продается* (О. Иванова / СР, 24.6.2003). *Для выполнения поручений хозяина Кремля теперь берут особ, лично приближенных «к **уху** и телу»* (Ю. Котофеев / СР, 28.4.2005).

Также слот представлен метафорическими выражениями, содержащими компоненты со значением отклонения от нормы в восприятии действительности субъектами деятельности. Прагматический потенциал таких метафорических выражений направлен на то, чтобы поставить под сомнение компетентность или добросовестность субъектов деятельности. Ср.:

*Это теперь у нас президент словно бы изготовился, наконец, **сорвать с глаз непроницаемые горнолыжные очки**, за которыми долго "не видел" страданий и мук народных, ухмылок и ликования жирующих...* (Е. Нефёдов / Завтра, № 39, 2004). *Эстонская Фемида окончательно распоясалась – **скинула повязку с глаз** и выкинула за ненадобностью весы* (А. Капитонов / НГ, 15.10.2003).

В британской прессе к основным метафорическим органам перцепции реальности относятся *eyes* (глаза), *ears* (уши) и *nose* (нос). Глаза служат

средством наблюдения и оценки объектов и явлений окружающего мира. Одни и те же политические события представляются по-разному, в зависимости от того, чьи метафорические глаза оценивают ситуацию (*in one's eyes*). Иногда субъекты политической деятельности не желают замечать некоторые реалии и поворачивают к ним «слепой глаз» (*turn a/the blind eye*). Ср.:

*The Right has accused the administration of **turning a blind eye** to abuses of power* (D. McLaughlin / DT, 27.01.2004). *Правые обвинили администрацию в том, что она **закрывает глаза** [букв. **повернулась слепым глазом**] на злоупотребления властей.*

*The recent Anglo-American raids on Iraq are highly objectionable in Russian **eyes**, another example of American military adventurism of the very kind that they so fiercely opposed in Yugoslavia in 1999* (S. Tisdall / The Guardian, 22.02.2001). *Недавние англо-американские рейды в Ираке **в глазах** России крайне нежелательны: для нее это еще один пример того самого американского военного авантюризма, которому русские так яростно сопротивлялись в Югославии в 1999 году.*

Ears (уши) служат средством для восприятия звуковой информации. Для политиков очень важно иметь доступ к нужным ушам (*to have the ear*), за который часто приходится вести политическую борьбу (*to win the ear*). Ср.:

*Most are former KGB men now working in the Kremlin and are believed to **have the ear** of the president, also a former KGB agent* (J. Strauss / DT, 6.11.2003). *Полагают, что большинство людей из бывшего КГБ, работающих в Кремле, пользуются благосклонностью [букв. **имеют ухо**] президента, тоже бывшего агента КГБ.*

*In recent months his position had become increasingly untenable as hardliners - especially those associated with the security services - won the **ear** of Mr Putin* (J. Strauss / DT, 25.02.2004). *За последние месяцы его положение стало еще более уязвимым, потому что сторонники жестких мер, особенно связанные со спецслужбами, выиграли борьбу за доступ к **уху** господина Путина.*

Nose (нос) в метафорическом значении – средство сбора информации с целью получить возможность оказывать политическое влияние. Ср.:

*Putin should keep his **nose** out of Ukraine. So should we* (A. Osborn / The Independent, 28.11.2004). *Путину не следует совать свой **нос** в Украину. И нам тоже.*

Слот 2.3. «Зубы»

Прототипическая функция – пережевывание пищи, однако в политическом дискурсе наиболее востребованными оказываются непрототипические для человеческой деятельности функции: зубы как средство агрессии. Такие

метафоры позволяет привносить в деятельность политических оппонентов негативные смыслы, ассоциировать их поведение с поведением животных. Ср.:

*И когда власть увидит, что он успешен и у него есть **зубы**, чтобы защитить себя, то бизнес утвердится как сила – и экономическая, и политическая* (Б. Макаренко / КП, 20.4.2004). *Всякий раз, когда Москва протягивает им руку, в нее неизменно **вонзаются зубы** все более утрачивающего чувство меры и реальности злобного карлика-соседа. Единственный способ вернуть его на грешную землю — это начать давать ему по **зубам**, а не предлагать Риге конфеты и пряники, слать туда эмиссаров дружбы и прочих «главноуговаривающих»* (Ю. Котофеев / СР, 28.4.2005).

В британской прессе доминируют метафорические выражения, означающие не прямую агрессию, а оценочные аспекты взаимодействия субъектов политической и экономической деятельности: *to give eye teeth* (отдать глазные зубы), *grit one's teeth* (скрежетать зубами), *through gritted teeth* (сквозь стиснутые зубы) и др. Ср.:

*Gazprom has publicly admitted its worries, although it maintains **through gritted teeth** that the purchase will be "economically logical"* (М. Moore / DT, 18.12.2004). *Газпром публично выразил беспокойство, хотя и высказал **сквозь стиснутые зубы**, что приобретение имущества «экономически целесообразно».*

*On the day after Lithuania joined Nato, Moscow expelled three Lithuanian diplomats, accusing them of spying. The expulsions were a **tit-for-tat** move after Lithuania expelled three Russian diplomats* (I. Mather / SS, 4.4.2004). *На следующий день после вступления Литвы в НАТО, Москва выслала трех литовских дипломатов, обвинив их в шпионаже. Литва действовала по принципу **зуб за зуб**, выслав из страны трех российских дипломатов.*

*It is a rating for which many a politician would give their **eye teeth**.* (А. Osborn / The Independent, 8.10.2004). *Это рейтинг, за который многие политики отдали бы свои **глазные зубы**.*

*Putin had **to grit his teeth** while the Baltic states of Latvia, Lithuania and Estonia swam into the orbit of Nato and the European Union* (Т. Royle / SH, 27.2.2005). *Путину оставалось только **скрежетать зубами**, когда балтийские государства – Латвия, Литва и Эстония – перешли на орбиту НАТО и Европейского Союза.*

Слот 2.4. «Лицо»

Основная прототипическая функция амбивалентна. Метафора лица используется и для образного представления того, как субъекты политической деятельности преподносят себя другим, и для обозначения подлинной (обычно скрываемой) сущности субъектов и явлений. Ср.:

Российскую дипломатию, на сегодняшний, видимо, не самую эффективную в силу своей **многоликости** и многорукости, можно упрекнуть в одном: по старой русской привычке она вспомнила о проблемах в последний момент (АиФ, 12.11.2002) Грузинский президент, по-видимому, уверен, что Путин «утрется» и никак не отреагирует на плевки в **лицо** России. К сожалению, у Саакашвили есть на то основания. «Утираться» стало привычным делом для российской «элиты» (А. Сафарин / СР, 10.7.2004). Недавно Шкапарс заявил, что Рига — это **лицо** Латвии, поэтому в старом городе нельзя торговать матрешками и распевать частушки (Е. Польгуева / СР, 23.4.2005).

Также лицо выполняет функцию пространственного ориентира. Ср.:

И никто не поверил бы, что родные нам Грузия и Украина повернутся к России задом, а к Западу **лицом** (А. Седов / КП, 21.12.2004).

Подобные метафоры характерны и для британского политического дискурса. Субъекты политической деятельности боятся потерять лицо (*to lose face*) и пытаются в затруднительном положении спасти лицо (свою репутацию) (*to save face*). Стоя перед лицом проблем (*to face problems*) и желая скрыть подлинное отношение к чему-либо, они «надевают храброе лицо» (*to put on a brave face*), а при открытой конфронтации «надевают военное лицо» (*to put on a war face*) или бросают в лицо перчатки (*to hurl the gauntlets into the face*). Ср.:

Putin's nuclear show blows up in his face (J. Strauss / DT, 18.02.2004). Взрывы на ядерном шоу повредили **лицо** президента (заголовок статьи, посвященной неудачным учениям на подводной лодке «Архангельск»).

But the most serious of these struts onto the international stage, about which he reportedly knew nothing until the final days of his campaign, are the gauntlets hurled last week into the faces of Russia and China (E. Vulliamy / The Observer, 25.03.2001). Важно расхаживая по мировой сцене и, очевидно, не имея о ней ни малейшего представления до последних дней кампании, он [Буш] совершил самый серьезный поступок, бросив перчатки в **лица** России и Китая.

В демократическом обществе для борьбы за электорат политик должен обладать некоторой политической индивидуальностью, которая также часто представляется посредством метафоры *face*. С одной стороны, политики «без лица» (*faceless*) обладают меньшей политической самостоятельностью и являются более привлекательными кандидатурами на государственные посты для авторитарных руководителей. С другой стороны, «много лиц» (*many faces*)

у одного политика – свидетельство неискренности, непоследовательности. В обоих случаях метафоры несут негативные смыслы. Ср.:

*Putin has appointed a 'mini-me' - a totally loyal, reasonably **faceless** 'mini-me' is the best way to ensure even greater centralisation of authority in the Kremlin* (R. Nash / DT, 2.3.2004). Путин назначил на этот пост некое «мини-я». Совершенно лояльное, **не имеющее своего лица** «мини-я» – лучшее средство обеспечить еще большую централизацию власти в Кремле

*Tsar Boris's **many faces**: the fool, the patriot, the crook* (J. Sweeney / The Guardian, 2.01.2000). **Многие лица** царя Бориса: посмешище, патриот, мошенник.

Иногда лицо все-таки позволяет судить о настроении и истинных намерениях его владельца, что метафорически представляется в различных реализациях концептуальной метафоры «Государства – это люди». Нередко, как лицо народа, представляется глава государства. Ср.:

*Tomorrow, 10 more members join the European Union. **Friendly new faces?** Hardly.* (A. Osborn / The Independent, 30.4.2004). **Завтра 10 новых государств вступят в Европейский Союз. Новые дружелюбные лица? Едва ли.**

*Ms Vike-Freiberga (66) is the eloquent, international **face** of her nation* (The Times, 11.3.2004). Госпожа Вике-Фрейберга – это выразительное **лицо** своего народа на международной арене.

В британском политическом дискурсе участие в политических выборах может представляться посредством метафоры *to face* (посмотреть в лицо, встать лицом к), что отражает смысл агональности политической борьбы. Ср.:

*The parliamentary speaker, Arturas Paulauskas, will now become acting president, and is expected **to face** Mr Adamkus – and perhaps Mr Paksas – in elections within 60 days.* (N. Walsh / The Guardian, 7.4.2004). Спикер парламента Артурас Паулаускас может стать действующим президентом через 60 дней. Ожидается, что он будет соперничать **/встанет лицом к/** с господином Адамкусом и, возможно, господином Паксасом.

Человек обычно обращается лицом к тому, кто/что его интересует, что позволяет осмыслять международные отношения «людей-государств» посредством ориентационной метафоры *face*. Ср.:

*In short: we want to **face** west, but live next to, and so depend on, Russia* (N. Walsh / The Guardian, 2.12.2003). В двух словах: мы хотим **повернуться лицом** к Западу, но живем рядом с Россией и зависим от нее (интерпретация политической позиции Грузии).

Слот 2.5. «Мускулы, кулак»

Субъектам политической деятельности нередко приходится прибегать к помощи «политических мускулов и кулаков», чтобы оказать политическое влияние или продемонстрировать силу. Также кулак метафорически представляет единство в достижении определенных целей, соответственно разобщенность представляется как *разжатый кулак, растопыренные пальцы*. Ср.:

*Сейчас, когда уже стало окончательно ясно, что все разговоры о сопротивлении России продвижению НАТО на Восток никак не действуют на Запад, осталась последняя возможность с ним поторговаться, потрясая **кулаком** с зажатым в нем заявлением о наступательной позиции (МК, № 17, 2000). Через несколько часов грузинские военные ушли. Возникла надежда, что это не более чем глупая демонстрация **мускулов** (В. Тетекин / СР, 3.6.2004). Но не исключено, что была избрана тактика прохождения в Думу **«растопыренными пальцами»**, чтобы потом сжаться в **единый кулак** (Е.Примаков / АиФ, № 43, 2003).*

Аналогичные функции (демонстрация силы и воздействие на оппонентов) в британской прессе несут метафоры *fist* и *muscles*. Ср.:

*Akhmad Kadyrov, the mufti turned president who was killed by a huge bomb in a stadium in Grozny yesterday, ruled Chechnya for four years with an **iron fist** (J. Strauss / DT, 10.05.2004). Ахмад Кадыров, муфтий, который стал президентом и который вчера погиб от взрыва мощной бомбы на стадионе в Грозном, управлял Чечней с помощью **железного кулака**.*

*Russia is flexing its **political muscles** against the oil cartel (T. Macalister, L. Elliott / The Guardian, 20.11.2001). Россия разминает свои **политические мускулы** для борьбы с нефтяной картелью.*

*After 9/11 Bush was minded to give the Russians a free hand in suppressing Chechen opposition as part of the wider war on terror. But now he wants to see the **mailed fist** being replaced by negotiation to prevent further bloodshed in the secessionist province (T. Royle / SH, 27.2.2005). После 11 сентября Буш склонялся к тому, чтобы дать русским свободу действий для подавления чеченской оппозиции, что рассматривалось как расширенный вариант войны с террором. Теперь же он хочет, чтобы **бронированный кулак** заменили переговорами во избежание дальнейшего кровопролития в этой сепаратистской провинции.*

Слот 2.6. «Руки»

Прототипическая функция – разнообразная деятельность. Сотрудничество (*протянуть руку*); угроза и агрессия (*чешутся руки, карающая рука, погрозишь пальцем*); получение, сохранение и удержание чего-либо (*прибрать к рукам*,

удерживать в руках, получить в руки и др.), а также отсутствие деятельности (*и пальцем не пошевелить*) или отказ от деятельности (*показать кукиш*). По метафорическим рукам можно определить исполнителя (*схватить за руку*) или вдохновителя (*сделать чужими руками*) корыстной деятельности, указать на безнаказанность (*сойти с рук*) и т.п. Метафорические руки бывают *сильные/железные, крепкие и слабые, длинные и короткие, чистые и грязные*, а также *мохнатые, корявые* и др. Ср.:

Сколько «**правых рук**» у премьера? (АиФ, № 10, 2004). **Руки у России все крепче и крепче**. Их не выкрутить даже таким крепким партнерам, как Евросоюз (В.Путин / КП, 23.4.2004). У олигархов слишком **длинные руки**. У депутатов слишком **мохнатые** (В. Ворсобин / КП, 16.12.2004). Я думаю скорее, что государство держит в **руках** дубинку, которой бьет всего один раз. Но по голове (В. Путин / КП, 23.4.2004). Нового президента Грузии Михаила Саакашвили эта ситуация не устраивала. Все его эффектные, в некотором роде даже нарочитые показательные действия направлены на то, чтобы продемонстрировать, кто в доме хозяин и что у хозяина **крепкая рука** (Ю. Симонян / Эксперт, № 11, 2004).

В британской картине мира возможно разграничение получивших отдельную категориально-языковую объективацию концептов «arm» (рука) и «hand» (кисть руки). Однако такой подход не исключает возможность рассматривать эти слова как вербализованные признаки одного концепта, к тому же, несмотря на различные средства языковой объективации, на уровне когнитивных структур рука может быть представлена в виде гештальта. Подавляющее большинство британских метафор связано с употреблением различных выражений, имеющих в своем составе именно метафору hand. Вероятно, кисть руки в большей степени отображает многообразные нюансы манипулятивной деятельности человека, большие функциональные возможности для сложной деятельности. В британской прессе метафора *hand* – средство помощи (*extend/give/lend a hand* – протянуть руку), влияния (*to have hand in* – иметь руку в), выбора кандидатуры на государственный пост (*to handpick* – сортировать руками), передачи контроля или полномочий (*handover*), обогащения (*hands in the till* – руки в кассе) и другой деятельности. Руки – символ власти (*in hands*), для осуществления которой иногда достаточно

одного большого пальца (*thumb*). Также руки – знак, указывающий на характер, особенности деятельности хозяина: руки в крови (*blood on hands*), властные руки (*high-handed* – букв. верховнорукий), деспотические руки (*heavy-handed* – букв. тяжелорукий), надежные руки (*a safe pair of hands*), свободные руки (*free hand*), «старая рука», т.е. опытный политик (*old hand*) и др. Ср.:

Baltic hands link across a troubled sea (G. Sander / The FT, April 8, 2000). **Балтийские руки** встретились над штормовым морем.

*The trial of Mikhail Khodorkovsky this week is expected to reveal the implacable resolve of President Vladimir Putin to rid himself of the defiant robber baron, who was given astounding state assets at rock-bottom prices in the meltdown of the Soviet Union, only to bite the **hand** that fed him* (ST, 13.6.2004). Ожидается, что на этой неделе суд над Михаилом Ходорковским продемонстрирует безжалостное решение президента Владимира Путина избавиться от мятежного барона-разбойника, который получил советское госимущество по минимальным ценам только для того, чтобы укусить **руку**, кормившую его.

*The Russian television stations are now all cringingly under his **thumb*** (A. Marr / DT, 10.03.2004). Теперь все российские телеканалы раболепно съежились под его **большим пальцем** (о Путине).

*Observers see ulterior motives to the US deployments – a strong signal to the Russians to keep their **hands** off post-Soviet Georgia...* (I. Traynor / The Guardian, 20.03.2002). *Обозреватели видят скрытые мотивы в военном развертывании США в Грузии, а именно серьезный знак русским убрать **руки** от постсоветской Грузии.*

*They are believed by ordinary Russians to have appropriated public property by the **armful*** (DT, 27.10.2003). Обычные россияне считают, что олигархи незаконно набрали полные **руки** общественной собственности.

Слот 2.7. «Ноги»

Основные прототипические функции – передвижение и опора. Ср.:

*Пусть Чечня родная висит гирей на **ногах**, мы, если надо, свои войска хоть на Тапти пошлем* (В. Сокирко / МК, №6, 2000). *Тем временем избиратели в литовской глубинке все больше отказывают в доверии нынешнему сейму. Земля уходит из-под **ног** столичной политической «элиты»* (В. Строгий / СР, 11.3.2004). *Грузия становится на **ноги** как полноценное государство. Первый шаг молодого президента был и эффектен, и эффективен* (Ю. Симонян / Эксперт, № 11, 2004).

Метафорические ноги выполняют функцию пространственных ориентиров, отображающие различные аспекты властных отношений. Ср.:

Между тем, по мнению специалистов, если конфликт между Шеварднадзе и оппозицией продолжится, то власть в стране, скорее всего «упадет к **ногам**» лидера Аджарии А. Абашидзе (А. Угланов / АиФ, № 51, 2003).

Подобные метафоры зафиксированы и в британской прессе. В метафорическом значении ноги служат для отображения динамики политических процессов и обозначения сфер политического влияния. Ср.:

*Fundamentally, the new states will be **finding their feet** for several years* (В. Lee / WM, 20.4.2004). По существу этим странам понадобится еще, по меньшей мере, несколько лет, чтобы **научиться ходить** (О странах Балтии).

*Russia has **dragged its feet** over talks on the disputed border with Estonia and Latvia – soon to be the outer frontier of the EU itself – raising the risk of friction* (DT, 23.02.2004). Увеличивая риск возникновения разногласий, Россия неохотно приступила [букв. «**приволочила**» **ноги**] к переговорам о спорной границе с Латвией и Эстонией, которая скоро станет внешней границей самого ЕС.

*Georgia accuses Russia of aiding the Adzharian revolt to keep a **foothold** in the region and weaken the new, pro-western government in Tbilisi* (The Independent, 5.05.2004). Грузия обвинила Россию в том, что она помогает аджарскому мятежу, для того чтобы иметь точку опоры [букв. **опору для ноги**] в этом регионе и ослаблять новое прозападное правительство в Тбилиси.

Также метафора feet выполняют функцию пространственного ориентира. Традиционно власть ассоциируется с верхом, соответственно низ – место для подчиненных. Ср.:

*Russia falls at the **feet** of Tsar Vladimir* (J. Strauss / The DT, 8.5.2004). Россия падает к **стопам** Царя Владимира.

Слот 2.8. «Сердце»

Сердце занимает центральное место в теле человека и обеспечивает кровотоки по всему телу, его прототипические функции – обеспечение жизнедеятельности. В наивной картине мира сердцеместилище чувств и эмоций, что находит отражение в различных политических метафорах. Ср.:

*Запад не просто на нас давит или тянет с кредитами, не просто нас унижает или высокомерно обучает. Нам отрубают голову, у нас вырывают **сердце*** (А. Дугин / Завтра, 4.1.2000). На помпезной церемонии его подписания депутаты веселились от всего **сердца** (А. Иашвили / Известия, 14.10.04).

Подобные метафоры актуализируются и в британском политическом дискурсе. Метафора *heart* используется как ориентационная метафора (центральное положение), а также указывает на важность, значимость репрезентируемых явлений сферы-мишени. Соответственно нарушения в работе сердца грозят неприятными последствиями для всего организма. Ср.:

*Although these topics were awkward they paled when the subject closest to Putin's **heart** was introduced – the countries on Russia's borders which used to be part of the Soviet Union* (T. Royle / SH, 27.2.2005)

*The Baltic state of Latvia is in the throes of a child abuse scandal that allegedly reaches to the very **heart** of the cabinet, threatening to bring down the government and end the careers of several of the country's top politicians* (I. Traynor / The Guardian, 10.03.2000). *Латвия, балтийское государство, мучается от скандала о совращении малолетних, который, как утверждают, достиг **сердца** кабинета, угрожая свалить правительство и закончить карьеры некоторых ведущих политиков страны.*

*Secret **at the heart** of Putin's rise to power* (J. Strauss / DT, 13.03.2004). *Тайна, которая лежит в основе [букв. **в сердце**] прихода Путина к власти.*

*August is habitually Russia's cruellest month and this year illustrates the rule – a bomb in the **heart** of Moscow, the sinking of the Kursk, the towering* (I. Traynor / The Guardian, 29.08.2000). *[Август обычно самый несчастный месяц в России и этот год не стал исключением: бомба в **сердце** Москвы, гибель «Курска», пожар в Останкино.]*

Смена политических взглядов (особенно на прямо противоположные) метафорически представляется как *change of heart* («смена сердца»), рационально-эмоциональный синкретизм воздействия на массовое сознание отображается с помощью метафоры *hearts-and-minds* (букв. сердца-и-умы), для репрезентации полного политического согласия актуализируется метафора *wholehearted* (всем сердцем) и др. В основе подобных метафор также лежат «наивные» представления об анатомии, согласно которым сердце является вместилищем чувств и убеждений. Ср.:

*Their two-and-a-half hour meeting had initiated a dramatic **change of heart** in the Adjarian leader, who had vowed beforehand never to resign* (N. P. Walsh / The Guardian, 7.05.2004). *В результате их встречи, продолжавшейся два с половиной часа, аджарский лидер поразительным образом поменял свои взгляды [букв. **поменял сердце**], хотя прежде клялся, что никогда не уйдет с поста.*

Слот 2.9. «Кровь и кровеносная система»

Слот представлен метафорическими выражениями с общим значением «кровь и кровеносная система». Основная функция – обеспечение жизнедеятельности организма, соответственно нарушения в кровеносной системе угрожают всему организму (государству, организации и т.п.). Ср.:

Не полагает ли Путин, что, набив Думу чиновниками из "Единой России", он закупорил все живые сосуды государства, без которых немисливо творчество и развитие? (А. Проханов / Завтра, 1.1.2004). Перед ним будут стоять все те же проблемы, что и перед Шеварднадзе и Гамсахурдией. Как потреблять больше, чем производить? Где найти себе такого друга-донора, который согласился бы давать кровь (Б. Львов / СР, 15.1.2004). В турецкой трубе — грузинская кровь (И. Адамия / Завтра, 18.1.2000).

Часто метафора используется для актуализации прагматических смыслов «беспринципности», «жестокости», «агрессивности» субъектов политической деятельности (*кровавый, вымокнуть в крови, обескровить, кровопийцы, кровососы* и т.п.). Ср.:

Нас втокнули в XXI век преданными, нищими, разутыми и обескровленными (Г. Зюганов / Завтра, 11.1.2000).

В британской прессе доминируют метафоры, несущие негативные эмотивные смыслы «преступности и жестокости власти». Ср.:

Well-educated, they bring fresh blood and dynamism to an ageing Europe (A. Evans-Pritchard / DT, 4.2.2004). Хорошо образованные прибалты привнесут «свежую кровь» в стареющую Европу.

Take care Tony, that man has blood on his hands (J. Sweeney / The Observer, 12.03.2000). Берегись, Тони, у этого человека руки в крови (О Путине).

The new Russian strongman's five months as Prime Minister are bathed in Chechen blood. (I. Traynor / The Observer, 2.1.2000). Пять месяцев, в течение которых Путин находится на посту премьер-министра, омыты чеченской кровью.

Слот 2.10. «Органы пищеварения»

Помимо основной функции (переваривание пищи), органы пищеварения, по ранним представлениям «наивной анатомии», являются вместилищами определенных качеств. Так, *guts* (кишки) – вместилище мужества, храбрости, силы воли (ср. в русском с обратным значением «кишка тонка»). Ср.:

There is no doubting Yeltsin's guts, or that he has always been a proper Russian (J. Sweeney / The Guardian, 2.01.2000). Нет сомнения в том, что Ельцин смелый человек

[букв. **имеет кишки**], или в том, что он всегда демонстрировал типичный русский характер.

Также *belly* (живот, желудок) в определенном контексте может служить ориентационной метафорой и обладать значением «уязвимое место». Ср.:

*Russians fear that the growing threat of militant Islam in the Caucasus and central Asia will strike at their soft and ill-protected **underbelly*** (J. Strauss / DT, 13.02.2004). Русские боятся, что растущая угроза воинственного ислама на Кавказе и в Средней Азии ударит их по мягкому и слабо защищенному месту [букв. в **нижнюю часть живота, подбрюшье**].

Слот 2.11. «Цвет кожи»

Метафоры слота несут негативные эмотивные смыслы, связанные с историческими знаниями о периоде колониализма в истории человечества. В российском политическом дискурсе заметное распространение получила метафора *негры* как номинация для русского населения в прибалтийских республиках. Метафора привносит смыслы бесправия русских, соответственно политика прибалтийских правительств представляется расизмом. Иногда цвет кожи в метафорическом употреблении может ассоциироваться с определенными политическими убеждениями. Ср.:

*Латвийские негры ... Негр – это аббревиатура, которую изобрели русские жители Латвии и Эстонии после того, как им не дали гражданство. Негражданин – **НеГр*** (Г.Сапожникова, К.Маркарян / КП, 4.3.2004). *Техасские парни забивают новые колья на Востоке Европы, захватывая сытные пастбища и ограждаясь от резервации все еще опасных «**краснокожих**» из СНГ* (О.Шевцов / КП, 31.3.2004).

Примечательно, что эту русскую метафору (*негр*) цитировали и британские журналисты, освещающие ситуацию в прибалтийских республиках. Хотя в переводе на английский язык метафора деэтимологизируется, она сохраняет эмотивный смысл «бесправия» русских меньшинств. Вместе с тем метафоры «цвета кожи» в британском политическом дискурсе не используются.

3. Фрейм «Жизненный цикл организма»

Политические, экономические и другие реалии, подобно живому организму, проходят различные стадии становления и развития: рождаются, растут и умирают.

Слот 3.1. «Рождение»

Денотативная область применения распространяется на самые разнообразные реалии политической и экономической деятельности. К типичным элементам сферы-мишени относятся политическая карьера, общественные и политические институты, экономические организации, демократия или авторитаризм и другие реалии. Метафоры этого слота актуализируются для обозначения возникновения новых явлений или новых свойств уже существующих феноменов, указывают на причинно-следственные связи. Потенциал сферы-источника позволяет приносить различные оценочные смыслы в концептуализацию деятельности субъектов, если рождение не состоялось или затягивается. Ср.:

*Премьера России **нашли в брюссельской капусте** (КП, 2.3.2004). **Нынешняя российская империя беременна** новой идеей, но никак не **родит**. А если **плод переносить, он погибнет** (А. Баранов / Завтра, № 37, 2004). Но несмотря на все кремлевские усилия придать «Медведю» более современный вид, **новорожденный Топтыгин** все равно до боли напоминает эпоху Леонида Ильича (М. Ростовский / МК, № 17, 2000).*

Для осмысления постсоветской действительности в британских текстах нередко актуализируются похожие метафоры. Ср.:

***Birth of a nation** (O. Figs / The Guardian, 14.09.2002). **Рождение нации** (О Латвии).*

*Putin's first steps – his structural political reforms, his government's handling of the press, his attitude towards democratic freedoms – all seem to indicate a step away from Russia's **nascent** democracy in a more repressive direction (A. Gentleman / The Guardian, 29.05.2000). **Первые шаги Путина** – его структурные политические реформы, обращение его правительства с прессой, отношение к демократическим свободам – все, кажется, свидетельствует о шаге в сторону от **рождающейся** российской демократии в репрессивном направлении.*

*Ten years after the Soviet collapse, the small Baltic states of Lithuania, Latvia, and Estonia have been commemorating over the past few weeks the bloody events of early 1991 that were the **midwives of their rebirth** as independent nations (I. Traynor / The Guardian, 1.2.2001). **Спустя десять лет** после распада СССР маленькие балтийские государства, Латвия, Литва и Эстония, вспоминают о нескольких неделях кровавых событий начала 1991 года, которые стали **повивальными бабками второго рождения** независимости этих народов.*

Слот 3.2. «Рост»

Слот представлен стертыми метафорами, отражающими динамику развития различных феноменов политической и экономической жизни: *рост экономики, промышленный рост, рост инфляции, рост политического влияния* и т.д. Возможен и «статический» вариант этой метафоры. Государства обладают разным метафорическим ростом (по оппозиции низкий, маленький – высокий, большой) в зависимости от географических размеров, политического влияния и экономического развития. В основе такой концептуализации внешнеполитических отношений лежат метафоры ГОСУДАРСТВА – ЭТО ЛЮДИ и ХОРОШО – ЭТО ВЕРХ. При концептуализации внутренней политики типичными фреймами-мишенями для рассматриваемого слота являются субъекты экономической и политической деятельности (*гиганты* и *карлики*)
Ср.:

*У России же при всех ее нынешних проблемах по-прежнему достаточно сил, чтобы поставить на место злых **прибалтийских карликов*** (Я. Круминьш / СР, 12.3.2005). *Человек в погонах у нас обычно крышует и грабит бизнесы от придорожного ларька до **нефтегиганта*** (С. Доренко / Завтра, № 38, 2004). *Для них всегда было лучше, чтобы политический рынок в Литве был монополизирован. В ЕС любой такой монополист превращается в **слабого карлика*** (В. Успаских / Эксперт, № 19, 2004).

В британской прессе различные стадии роста, развития человека также служат источником для метафорического представления динамики развития политических и экономических реалий. Ср.:

*Estonia is **growing rapidly*** (С. Mortished / The Times, 23.2.2005). *Эстония **быстро растет***.

*Three years after Mr Putin came to power promising to create a "dictatorship of the law", the Kremlin is increasingly populated with power-hungry men who **cut their teeth** with the president in the security services* (D. McLaughlin / DT, 29.10.2003). [*С тех пор как три года назад господин Путин пришел к власти, пообещав создать «диктатуру закона», Кремль значительно пополнился жаждающими власти людьми, которые делали первые шаги [букв. у которых **прорезывались зубы**] с президентом в спецслужбах.*]

Также в британской прессе при описании постсоветской действительности нередко обнаруживаются метафоры роста и размера. Ср.:

*The **gnome-makers** are among about 5m small enterprises in the ex-communist accession states* (S. Wagstyl / FT, 27.4.2004). ***Гномы-производители** входят в число 5 миллионов мелких предприятий в экс-коммунистических странах, вступающих в ЕС.*

*The decision is also a reflection of concerns over the country's relationship with its **giant eastern neighbour** Russia (N. George / FT, 15.11.2003). Это решение является отражением взаимоотношений этой страны со своим **гигантским восточным соседом**.*

*Witness the Kremlin's destruction of the once-mighty Russian oil **giant** (T. Webb, C. Hirst / IS, 6.2.2005). Станьте свидетелями того, как Кремль разорит некогда могущественного российского нефтяного **гиганта**.*

Слот 3.3. «Возраст»

Подобно человеку, субъекты политической деятельности проходят этапы младенчества, детства, подросткового периода, зрелости, старости. Метафоры слота отражают представление о компетенции субъектов политической деятельности, а также служат значимым средством дискредитации политических оппонентов, привносят негативные смыслы «неопытности» или «глупости» в представление о деятельности субъектов политики. Ср.:

*Не исключено, что один из «**младенцев**» даже преодолеет 5-процентный барьер и окажется в Думе (С. Бабаева, Г. Бовт / Известия, 10.12.2003). Но когда я пришел в политику, понял, что все сотрудники специальных органов – **дети** по сравнению с политиками (В.Путин / АиФ, № 8, 2003). Латвия, похоже, не осознает своей жалкой участи в грядущей битве за новый передел мира. Занятая политической трескотней своих новых покровителей, она похожа на **глупую девчонку**, принарядившуюся на бал к людоеду (О. Иванова / СР, 2.8.2003). Это **мальчишка-выскочка**, и мне очень жаль своих земляков, которые пошли у него на поводу (М.Соколов / Известия, 11.12.2003) (О М. Саакашвили). Это – в случае, если сегодняшняя латвийская политическая элита, как **капризный ребенок**, не пойдет на уступки, зажав в липких пальчиках свой **леденец** (Г. Сапожникова, К. Маркарян / КП, 3.3.2004).*

Подобные образы встречаются и у британских авторов, которые пытаются метафорически осмыслить постсоветскую действительность и взаимодействие субъектов деятельности, как взаимоотношения людей разного возраста. Нередко в метафорах присутствует оппозиция старая Европа / молодые государства ЕС. Ср.:

*Region has reached new level of **economic maturity** (N. Dudley / FN, 27.4.2003). Регион достиг **экономической зрелости** (О Прибалтике).*

*Scandinavian banking consolidation... means a **coming of age for the young** Estonian bank (R. Behr / FT, 18.4.2001). Скандинавская банковская консолидация... означает, что **юный эстонский банк достиг совершеннолетия**.*

*What happens now could determine whether Russia is ready to join the club of **serious, grown-up** countries, or will descend once again into the lawlessness for which it is infamous* (DT / 27.10.2003). *То что происходит сейчас, могло бы внести ясность в вопрос о том, готова ли Россия вступить в клуб **серьезных, взрослых** стран или снова скатится в беззаконие, которым она печально известна.*

Слот 3.4. «Смерть»

Подобно живому организму, прекращение активности или исчезновение субъектов политической деятельности представляется через метафоры, апеллирующие к смерти и смежным образам (*могила, хоронить* и т.п.). Ср.:

*Саакашвили **роет могилу** Грузии* (Ш. Мамаев / Эксперт, № 28-29, 2004). *Означает ли это, что **похоронена** идея правительства парламентского большинства?* (В. Костиков / АиФ, № 9, 2004). *Руководителям СПС не следует **посыпать голову пеплом** и искать ошибки* (Т. Савельева / Известия, 16.12.2003). *А вы не боитесь своим неучастием **«закопать»** и себя как политика, и партию?* (Известия, 25.12.2003). *«СБС-Агро» тянет руки из финансовой **могилы*** (М. Кактурская / АиФ, № 6, 2003).

В британском политическом дискурсе слот также представлен метафорами, используемыми для репрезентации прекращения или снижения активности функционирования тех или иных общественных реалий. Ср.:

Already one of the most thinly populated territories on the planet, Siberia is in the grip of a process of death, decay, and migration that is reversing 350 years of Russian imperial endeavour. (I. Traynor / The Guardian 12.06.2002). *Сибирь, уже один из самых слабо населенных районов планеты, находится в тисках **смерти** и разложения, а миграция сводит на нет 350 лет имперских усилий.*

*His favour was considered the **kiss of death** for any politician* (The Times, 2.1.2000). *Его покровительство приравнивалось к **поцелую смерти** для любого политика.*

Сюда же относятся метафорические обозначения, связанные с действиями и состояниями, ведущими к смерти. Такие метафоры апеллируют к концепту «death» без его вербализации, через фреймовое знание, иногда с указанием на причину смерти. Ср.:

*Russia's pipeline monopoly is making its **last bid for survival*** (The Economist, 7.6.2003). *Монополия России на нефтепровод заявляет **последнюю претензию на выживание.***

Self-strangulation (The Economist, 7.6.2003). ***Самоудушение*** (заголовок статьи о политике России по отношению к Латвии).

*In the same poll Russia's liberal parties, which stood behind the reforms of the 1990s, **sank without trace**, failing to reach the threshold necessary to win representation in parliament.* (J.

Strauss / DT, 13.02.2004). *На этих выборах стоящие за реформами 90-х годов российские либеральные партии **бесследно утонули**, не преодолев необходимый барьер для представительства в парламенте.*

4. Фрейм «Физиологические процессы»

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому фрейму, характеризуют процессы общественной жизни посредством апелляции к понятиям физиологических процессов.

Слот 4.1. «Сон и его фазы»

Метафорические выражения, относящиеся к рассматриваемому слоту, характеризуют активность политических и иных общественных процессов и явлений. Если организм (экономика, государство, политические организации, народ и т.п.) находится в состоянии сна, то физиологические процессы в нем замедлены, а сам человек не способен оценивать окружающую действительность, что позволяет проецировать негативные смыслы сферы-источника на понятия сферы-мишени. Соответственно пробуждение несет в себе мелиоративные прагматические смыслы: исчезновение иллюзорности в восприятии подлинной сущности политических явлений, возникновение способности правильно (по мнению адресанта) оценивать ситуацию. Ср.:

*Это не значит, что мы будем **спать** под теплым одеялом нефтедолларов* (В. Путин / КП, 23.4.2004). *Мы **проснулись** тогда, когда на Украине уже была критическая ситуация. И начали **спросонья** хоть что-то делать* (М. Леонтьев / КП, 25.11.2004).

Похожие метафоры актуализируются для осмысления постсоветской действительности и в британских текстах. Совпадают прагматические и эмотивные смыслы. Ср.:

*All its neighbours, bar Turkey, could do with a dose of Georgia's recent popular **awakening*** (N. Walsh / The Guardian, 2.12.2003). *Все ее соседи, кроме Турции, нуждаются в **пробуждении** народа, которое недавно произошло в Грузии.*

*My hope for 2004 is that Russia will at last **wake up** to what is happening under Putin* (D. Johnson / DT, 1.1.2004). *Надеюсь, что в 2004 году Россия, наконец, **проснется** благодаря событиям, происходящим при Путине.*

*He promised to do all he could to **keep** the government **awake*** (N. Walsh / The Observer, 15.03.2004). *Он пообещал сделать все возможное, чтобы не позволить правительству **заснуть**.*

Слот 4.2. «Питание»

Подобно тому, как организм постоянно нуждается в пище, субъекты экономической и политической деятельности нуждаются в богатстве, деньгах и власти. Традиционна метафора поглощения одного субъекта экономической деятельности другим. Ср.:

Чьи деньги «съедают» партии? (Л.Пивоварова / АиФ, № 12, 2003). *В общем, олигархи (то ли вчерашние, то ли сегодняшние) ведут себя как обычно. Барственно и царственно. Разевая огромные рты для заглатывания новой легкой добычи* (С. Белковский / Завтра, № 31, 2004). *И Рыбкина съест, и капитал приобрести* (А. Колесниченко / АиФ, № 7, 2004).

В британской Объединение компаний, предприятий и других субъектов экономической деятельности регулярно представляется как поглощение (swallow up). Динамика инвестиций, изменение общественного мнения метафорически представляются как изменение аппетита (appetite). Новые политические явления, как и не знакомую пищу, общество пробуют на вкус (taste), а предлагаемая политиками для употребления пища (программы, выборы) может оказаться пресной или горькой (*unsavoury, bitter*) и т.п. Ср.:

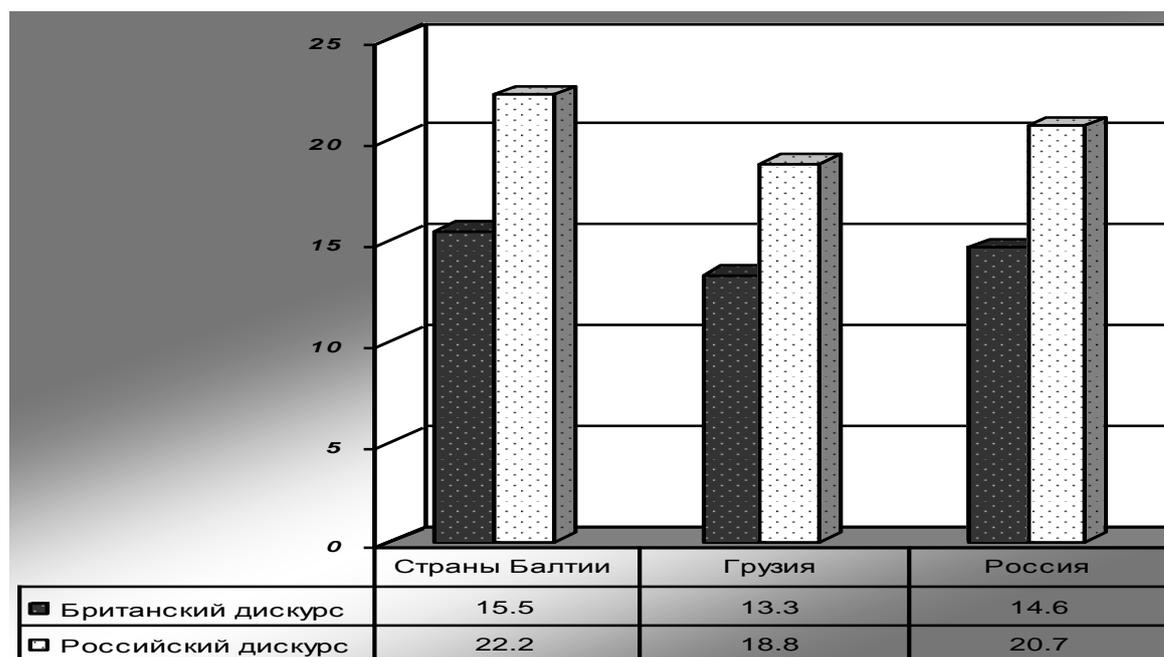
If the public has less of an appetite for the hardships of reform, then a desperate Tbilisi might respond to persistent Ajarian or South Ossetian sabre-rattling (N.P. Walsh / The Guardian 2.12.2003). *Если общество начнет уставать |ухудшится аппетит| от тягот реформ, отчаявшееся Тбилиси может отозваться на упорное бряцание саблей Аджарией и Южной Осетией.*

They say they are fed up with the entire political process (J. Strauss / DT, 9.12.2003). *Они заявили, что по горло сыты этим политическим процессом.*

Georgia tastes freedom (DT, 7.01.2004). *Грузия пробует свободу на вкус.*

В российском и британском политическом дискурсе метафоры со сферой-источником «Человеческий организм» актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Вместе с тем количественная характеристика антропоморфных метафор, представленная на диаграмме 5, позволяет проследить некоторые различия в функционировании рассматриваемой метафорической модели в российском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 5. Частотность метафор со сферой-источником «Человеческий организм» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество антропоморфных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 20.7 %, соответственно для Грузии – 18.8 %, стран Балтии – 22.2 %. Также и в британской прессе антропоморфные метафоры относительно в равной степени актуализируются как для осмысления российской действительности (14.6 %), так и для концептуализации действительности Грузии (13.3 %) и стран Балтии (15.5 %). Таким образом, анализ частотности антропоморфной метафорической модели не выявляет значимых корреляций между частотностью модели и сферой-источником метафорической экспансии (анализируемыми республиками).

Антропоморфная модель относится к наиболее универсальным метафорическим моделям, что и предопределяет малую дискурсивную «гибкость» метафорической модели, невысокий уровень частотной вариативности при смене сферы-мишени метафорической экспансии. Человек метафорически осмысляет окружающую действительность посредством потенциала эмпирически близких и детально структурированных понятийных сфер, а морфолого-физиологическая общность представителей homo sapiens

предопределяет высокую частотность апелляции к когнитивному потенциалу сферы-источника «Человеческий организм» в разных национальных дискурсах.

Сопоставление результатов частотности антропоморфной метафорической модели в российской и британской прессах показывает, что антропоморфные метафоры в большей степени востребованы в российском политическом дискурсе, причем эта закономерность регулярно прослеживается для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Вероятно, подобное соотношение является ингерентной, национально обусловленной характеристикой функционирования антропоморфной метафорической модели. Широкие выводы о большей характерности и укорененности органистического способа осмысления действительности в российском национальном сознании могли бы дать результаты межкультурного сопоставительного изучения динамики функционирования антропоморфной метафорической модели за более длительный срок, охватывающего несколько исторических периодов в жизни общества. Однако и представленные материалы позволяют сделать вывод о том, что более частотная апелляция к антропоморфной метафоре в российском дискурсе в большей степени коррелирует с национальными предпочтениями в выборе метафор, чем различиями или изменениями в социально-политической среде.

Также британско-российские различия в актуализации антропоморфных метафор относятся к деталям категоризации и некоторыми различиями в функциях органов, обусловленными традиционными представлениями наивной картины мира. Обращает на себя внимание и различия в привнесении эмотивных смыслов и соответственно метафорических следствий в интерпретацию событий. Наиболее рельефно британско-российские разногласия в метафорической интерпретации событий проявились в отношении прибалтийских республик. Например, в российской прессе для представления прибалтийских республик актуализировались негативные по оценке метафоры роста (образ злых и агрессивных карликов), а в британской прессе более востребованным оказались положительные по эмотивным

смыслам метафоры возраста (молодые, быстро растущие, достигшие совершеннолетия), которые в российской прессе употреблялись только как средство иронии.

Анализ британской и российской прессы свидетельствует больше о сходстве, чем о различиях в прагматическом потенциале и фреймово-слотовой организации антропоморфной метафорической модели. Для россиян и британцев свойственно осмыслять политическую и экономическую действительность в понятиях анатомии и физиологии человека, динамику общественных процессов как жизненный цикл организма, наделять феномены окружающего мира эмоционально-волевыми свойствами. Вместе с тем перспектива антропоморфного мировидения в большей степени характерна для российского, чем британского сознания, о чем свидетельствует преобладание российских органистических метафор независимо от сферы-мишени метафорической экспансии.

2.7. Метафорическая модель со сферой-источником «Мир животных» в российском и британском политическом дискурсе

Зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки. Свидетельства обращения к миру животных для осмысления действительности обнаруживаются еще в первобытном тотемизме и мифологии, а после изобретения письма моделирование человеческого мира по образу мира животных регулярно встречается в работах мыслителей от Геродота до Ф. Ницше и О. Шпенглера.

В современном политическом дискурсе разных стран зооморфная метафора занимает значимое место. Так, типичные для российского политического дискурса фреймы и слоты зооморфной метафоры, а также особенности функционирования рассматриваемой модели в политической речи рассмотрены в монографии А.П. Чудинова [2001]. В диссертации А.Б. Ряпосовой [2002], посвященной исследованию метафорических моделей с

агрессивным прагматическим потенциалом, выявлено, что в политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999–2000 гг.», наиболее частотной и детально структурированной является метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Мир животных». Исследование органистической концептуальной метафоры в российском политическом дискурсе (1995–2001) проведено Т.С. Вершиной [2002].

Как показывают исследования, моделирующий потенциал сферы-источника «Мир животных» активно используется в политическом дискурсе для формирования у адресата негативного образа политического оппонента. Вместе с тем и сама действительность дает основание для метафорического представления политики посредством негативных зооморфных образов. Как отмечал В. Виндельбанд, в отношении политики и морали существует «печальная... истина, что беспощадность и зверство, поскольку дело касается ближайших и внешних успехов, дают иногда лучшие результаты, чем честное и верное исполнение долга» [Виндельбанд 2000: 94].

Образ зверчеловека – распространенная метафора для политического оппонента, поэтому зооморфные метафоры в большинстве своем обладают пейоративными оценочными смыслами. Как указывает Г.Н. Складарская, зооморфные метафоры «направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Складарская 1993: 91]. К таким же выводам приходит А.П. Чудинов, отмечая, что «немногие зооморфные метафоры имеют позитивную эмоциональную окраску» [Чудинов 2001: 135]. По подсчетам Ч. Шелли [Shelly 2002], проанализировавшей многотысячный корпус зооморфных образов в устойчивых выражениях китайского и немецкого языка, только 13 % китайских и 18 % немецких образов обладают позитивной оценкой, 21% китайских и 18% немецких зооморфизмов рассматриваются как оценочно нейтральные, в то время как негативную оценку приносят 66 % и 64 % образов соответственно.

Вместе с тем эти статические данные об оценочных характеристиках в том или ином лингвокультурном сообществе могут значительно варьироваться в

политическом дискурсе в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии в разных национальных дискурсах.

В российском и британском политическом дискурсе выделяется следующая фреймово-слотовая структура.

1. Фрейм «Состав мира животных»

1.1. Слот «Собственно животные (млекопитающие)»

Рассматриваемый слот характеризуется значительным разнообразием актуализируемых концептов. В российской прессе регулярно актуализируются метафоры базового уровня *зверь (зверек, зверушка), животное, скот, хищники*, а также конкретные образы животных: *кот (кошка), конь (лошадь, скакун, мерин), лиса (лис), свинья (поросенок), козел (коза), овца, кролик, зубр, собака (моська, волкодав), медведь (Топтыгин)*. Реже источником метафоризации становятся в основном нехарактерные для фауны постсоветского пространства животные (*лев, слон, баран, бык, страус, бегемот, барс, бизон, верблюды, ишак, крокодил*), а также вымершие (*бронтозавр, динозавр*) или фантастические животные (*колобок, трехглавый змей*). Ср.:

Если Ельцина психологи сравнивали со львом, генерала Лебеда – с медведем, то В.Путин – «зверек», живущий сам по себе, в меру «кусачий», в меру сильный и независимый (В.Костиков / АиФ, № 11, 2004). Споры нет, надо укреплять государство. Ведь даже падающий забор укрепляют, чтобы козы не пробрались в огород. В огороде российского государства пасется столько коз, козлов, баранов, быков, верблюдов, крокодилов, страусов, бегемотов, что Фрадков все больше напоминает директора зоопарка (А. Проханов / Завтра, № 36, 2004). Знаете, что такое «верблюд»? Это арабский скакун, прошедший все ведомственные согласования (Г. Греф / АиФ, № 25, 2003). Говорят коней на переправе не меняют. Мы на этой переправе уже 12 лет. Кони уж такие, что не доберешься до другого берега (Г.Явлинский / АиФ, № 26, 2003).

Использование зооморфных метафор преимущественно направлено на проецирование мифологических представлений о свойствах животных на элементы сферы-мишени, поэтому большинство зооморфных метафор востребованы для осмысления действительности всех анализируемых республик. Этот слой зооморфных метафор наиболее устойчив. Вместе с тем привлекают внимание дискурсивно обусловленные, устойчиво

актуализируемые для конкретных элементов действительности зооморфизмы. Такие метафоры связаны с конкретными событиями, политиками, социальными феноменами и их частотность может резко идти на убыль с изменениями социально-политической действительности. Например, в годы президентства Э. Шеварднадзе был очень востребован образ *белого (седого, хитрого) лиса*, но вскоре после «революции роз» во главе грузинского государства встал М. Саакашвили (которого чаще называли орлом) и частотность метафоры резко снизилась. *Аджарским львом* называли А. Абашидзе, но после его отставки метафоры исчезли. По-прежнему очень распространен образ *медведя* в осмыслении российских субъектов политической деятельности, что в немалой степени связано с политической деятельностью межрегионального движения «Единство». Только после парадов ветеранов СС в Латвии и Эстонии и протестов русскоязычного населения для прибалтийских государственных структур стал востребованным образ *немецких овчарок*. Ср.:

Другая часть – чтобы поддержать усилия центра, который решил на волне революционной эйфории одним махом избавиться от «аджарского льва» (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). *«Белый лис» в западне* (В. Тетекин / СР, N 127, 2003). *Рижские полицейские пустили в ход дубинки. Видимо, у них, как у немецких овчарок, сработал рефлекс при виде людей в полосатом* (Л. Велехов / СС, №4, 2005).

В британском политическом дискурсе рассматриваемый слот также характеризуется наибольшей корреляцией между актуализируемыми метафорическими образами и сферой-мишенью метафорической экспансии в данной модели. Так, для метафорического представления России традиционно используется образ *bear* (медведь). Исследователи неоднократно указывали на положительные эмоциональные оттенки образа медведя в русской картине мира [Гудков 2003: 200; Чудинов 2001: 135].

Для британской картины мира образ медведя не имеет таких положительных ассоциативных признаков: известны рисунки, на которых изображен поверженный олимпийский медведь. Также нехарактерен для британского концепта *bear* признак «хозяина» (в Великобритании все медведи были отстрелены и сегодня их можно увидеть только в зоопарке). Что касается

негативных характеристик рассматриваемого образа, то в британском и в русском зооморфных кодах эти характеристики схожи.

В британской картине мира образ *bear* характеризуется прототипическими признаками “rough” (грубый), “unmannerly” (бестактный), “uncouth” (неуклюжий). Британские журналисты регулярно эксплуатируют прагматический потенциал этой метафоры по отношению к России. С помощью актуализации пейоративных смыслов этой метафоры формируют негативное отношение к политике сотрудничества России и Великобритании в самых разнообразных сферах. Ср.:

Beware of the bear (M. Almond / DM, 1.5.2003). *Берегитесь медведя.*

The Russian bear will be back (N. Ascherson / The Guardian, 14.11.2000). *Русский медведь еще вернется.*

Nowhere has this newfound confidence been demonstrated more graphically than in the punch-up between the Great Bear and the great cartel, Opec (T. Macalister, L. Elliott / The Guardian, 20.11.2001). *Нигде эта вновь обретенная самонадеянность не демонстрировалась так наглядно как в драке Большого Медведя с большой картелью Опек.*

Интересен и следующий факт, отмечаемый в ходе анализа британской политической метафоры: в формируемой метафорической картине российской политики «медвежьей» (*bearlike, ursine*) внешностью или характером «обладают» или «должны обладать» российские политики. Ср.:

Kadyrov was a gruff-voiced, bearlike man with a direct manner and an atrocious command of Russian (Obituary / DT, 10.05.2004). *Кадыров был похож на медведя: хриплый голос, прямолинейность, плохое владение русским языком.*

Boris Yeltsin would delight supporters with ursine displays of machismo, bellowing at officials, but Mr Putin's delivery is controlled, even a little wooden (J. Strauss / DT, 11.03.2004). *Борису Ельцину понравились бы сторонники, демонстрирующие медвежью агрессивность и способные рычать на подчиненных, но Путин показывает сдержанные, даже немного деревянные манеры.*

Реже для представления России используется образ кровожадного и опасного волка. Ср.:

I feel now that, politically, the big bad wolf won't be able to get his claws into us (M. Ritins / The Independent, 1.5.2004). *Теперь я убежден, что в политическом смысле этот большой плохой волк не сможет вонзить в нас свои когти (О России).*

Для прибалтийских республик в британской прессе отмечается высокая частотность образа *tiger* (тигр). Прибалтийские республики, демонстрирующие высокие темпы экономического роста, получили в британской прессе наименование *new European tigers* (новые европейские тигры), *Nordic tigers* (нордические тигры), *Baltic tigers* (балтийские тигры), *tigers of the Baltic Sea* (тигры Балтийского моря) и т.п. Этот образ восходит к метафорической номинации *Asian tigers* (азиатские тигры), обозначающей активно развивающиеся экономики некоторых азиатских государств. До прибалтийских «тигров» в европейской экономике «обитал» *Celtic tiger* (кельтский тигр, т.е. Ирландия). После вступления в ЕС Ирландия превратилась из самых бедных стран ЕС в одну из самых богатых, благодаря резкому увеличению иностранных инвестиций. Таким образом, *tiger* становится типичной метафорической номинацией для стран, показывающих высокие темпы экономического роста в короткие сроки, а «азиатское» основание для метафоризации теряет актуальность. Ср.:

*Known as the **Tiger** of the Baltic Sea, Estonia is growing rapidly as the country prepares for EU membership from May this year* (С. Hitching / MS, 1.2.2004). *Эстония, известная как **Тигр** Балтийского моря, показывает очень быстрые темпы роста и готовится вступить в ЕС в мае этого года.*

*New Europe's new **tigers*** (M. Tran / The Guardian 12.8.2003). *Новые **тигры** новой Европы.*

*Estonia, Latvia and Lithuania, known as the "**Baltic tigers**", are enjoying growth of more than 6% as foreign investment floods in* (К. Cooper / ST, 5.6.2005). *После того как иностранные инвестиции хлынули в регион, Эстония, Латвия и Литва, известные как «**Балтийские тигры**», показывают рост в более чем 6 %.*

***Tiger of the Baltic roars** into a new house boom; If you want a second home where there's plenty of life, ancient Estonia loves to sing and party* (С. Hitching / MS, 1.2.2004). ***Балтийский тигр ревет** в новом жилищном буме; если вам нужен второй дом, где вы сможете ощутить полноту жизни, имейте в виду, что в Эстонии любят петь и устраивать вечеринки.*

Для репрезентации Грузии в британской прессе особое распространение получил образ *white-haired / grey fox* (седой / серый лис), связанный с президентом Э. Шеварднадзе и сопутствующими политическими событиями.

Fox – номинация для хитрого человека, который часто делает что-то тайно или обманом. Ср.:

*The 75-year-old, known as the **grey fox** for his wily political manoeuvring, was thought last night to be holed up in his Tbilisi residence as protesters celebrated his resignation* (N. Walsh / The Guardian, 24.11.2003). Полагают, что семидесятипятилетний **серый лис**, прозванный так за коварное политическое маневрирование, отсиживался прошлой ночью в своей тбилисской резиденции, в то время как протестующие праздновали его отставку.

Также слот представлен традиционными политическими метафорами *stalking horse* (заслонная лошадь) – фиктивный политический субъект, *maverick* (неклеяменный теленок) – независимый кандидат, *fat cat* (жирный кот) – спонсор политической партии, *scapegoat* (козел отпущения) и другими образами. Ср.:

*Looking like a villain out of a James Bond film, he has a sinister charm and that indefinable quality that gives some leaders a hold over people – just like a **snake with rabbits*** (M. Almond / MS, 2.1.2000). Имея внешний вид негодяя из фильма про Джеймса Бонда, он обладает каким-то зловещим очарованием, тем неопределимым качеством, которое позволяет некоторым лидерам удерживать власть над людьми, подобно тому, как **змея** держит **кроликов** во власти своего взгляда. (О Путине).

*A Brussels-style **fat cat** scandal is brewing in Russia* (A. Osborn / The Independent, 16.3.2004). В России назревает скандал с **жирным котом** в брюссельском стиле.

*Mr Yudin, the MP behind the Sibneft investigation, is widely considered to be a **stalking horse** for a coterie of hardliners, known as the siloviki or "men of power"* (J. Strauss / DT, 6.11.2003). Господин Юдин, депутат парламента, имеющий отношение к расследованию дела Сибнефти, многими рассматривается как **заслонная лошадь** для группы сторонников жестких мер, известных как «силовики».

*The only serious rivals were Sergei Glazyev, a **maverick** nationalist, and Irina Khakamada, who promised to end corruption and state abuses.* (J. Strauss / DT, 15.03.2004). Единственными серьезными соперниками были Сергей Глазьев, националист и независимый кандидат [букв. **неклеяменный теленок**], и Ирина Хакамада, обещавшая покончить с коррупцией и злоупотреблениями во власти.

Для представления отказа от продолжения определенной политики используется метафора *throw to the dogs* (выбросить за ненадобностью, букв. выбросить собакам). Ср.:

*Whether Putin will stick with the deal, or throw Yeltsin to the **dogs** when it suits him, we shall see* (J. Sweeney / The Guardian, 2.01.2000). Примирится ли Путин с существующим

положением, или, если понадобится, выбросит Ельцина за негодностью [букв. выбросит Ельцина **собакам**], мы еще увидим.

В британской прессе значительное распространение получили ориентационные метафоры *top dog* (собака, победившая в драке), *underdog* (собака, побежденная в драке). В собачьей схватке победитель оказывается сверху, что и служит основанием для метафорической концептуализации общественных явлений: буквально *top dog* означает «верхняя собака», *underdog* – «под-собака», т.е. находящаяся внизу. Ввиду отсутствия в русском языке номинаций для рассматриваемых концептов переводы с сохранением метафорической образности сферы-источника невозможны. Ср.:

*Indeed, from May 2004, the EU will gain a new minority – a million Russians in the Baltic republic. Under communism they were **top dogs**, now they are among the poorest* (R. Boyes / The Times, 2.12.2003). Действительно, с мая 2004 г., в ЕС появится новое меньшинство – миллион русских в балтийской республике. При коммунизме они были хозяевами положения [букв. **верхними собаками**], теперь же они среди беднейших слоев населения.

*There is a bias in favour of the newer **underdog*** (D. Smith / ST, 5.6.2005). Существует предубеждение, которое играет на руку неудачнику [букв. **побежденной собаке**] (О Латвии).

Для негативной оценки субъектов политической деятельности используются агрессивные ассоциации метафоры *behemoth* (бегемот, чудище), *monster* (монстр). Ср.:

*It is a land of **monsters** and poets* (R. Parsons / The Guardian 24.11.2003). Это – страна **монстров** и поэтов (О Грузии).

*Alexander Voloshin, a political **behemoth** from the Yeltsin era and chief of the presidential administration, resigned a week after the arrest* (J. Strauss / DT, 25.12.2004). Александр Волошин, политический **бегемот** ельцинской эры и глава президентской администрации, подал в отставку через неделю после этого ареста.

1.2. Слот «Птицы»

В рассматриваемом слоте регулярно используются общие наименования *птица* и *птены*, а также такие виды, как *ласточка*, *ястреб*, *утка*, *орел*, *петух*, *стриж*, *голубь*, *ворона*, *куропатка*, *сорока*, *курица*. Ср.:

*Политики – как **голуби**! Когда они внизу – они едят у вас из рук, а когда они сверху – они гадят вам на голову* (КП, 29.12.2004). Мы его намек поняли – хватка у **орла**-Аслана еще очень крепкая (В. Ворсобин / КП, 23.3.2004). Рыцарь 5-го Управления КГБ, депутат

Гудков потребует увеличить зарплату для сотрудников ФСБ, умолчав о процветании фирмы "Три кита", попросит общество уважать "чекистов", которые, как стая **стрижей**, в одночасье перепорхнули с Лубянки в банки и корпорации. (А. Проханов / Завтра, № 36, 2004). Сидят на дереве три **вороны** – эстонская, латышская и литовская. Держат в клюве сыр. Идет лиса внизу и кричит: «Эй, вороны, хотите в НАТО?» «Да-а-а-а!» – каркают в ответ **вороны**. Сыр, вестимо, падает, лиса употребляет его по назначению (О. Шевцов / КП, 31.3.04).

В рассматриваемый период среди орнитологических метафор особое распространение при концептуализации Грузии получил образ *орла*. Синий орел – символ Грузии, что и послужило основанием для развертывания орнитологических метафор. Также изображение орла присутствует и в гербе США. Параллелизм на символическом уровне и то обстоятельство, что президент М. Саакашвили получил образование в США и впоследствии активно проводил проамериканскую политику, обусловили повышение частотности этого образа в российских СМИ. Ср.:

Несколько десятков тысяч человек в центре Тбилиси – старосоветского «лиса» Шеварднадзе меняет молодой «американский орел» Саакашвили (Ю. Сергеенко / КП, 30.11.04). *В своей автономии Абашидзе – полновластный хозяин и вряд ли захочет поменять свою аджарскую «синицу» на синего орла* (Д. Осинин / АиФ, № 47, 2003).

Для характеристики сторонников определенного политического курса используются традиционные метафоры *hawks* (ястребы) и *doves* (голуби) (также их производные), которые первоначально оппозиционировали милитаристов, сторонников военных действий и сторонников мирного урегулирования международных конфликтов, затем – любых сторонников "жесткого" курса и противников радикальных мер в политике. Для номинации политиков, чья карьера, по мнению журналистов, подходит к концу, используется метафора *lame duck* (хромая, подбитая утка). В 19 в. на Лондонской фондовой бирже так называли людей, которые отказывались платить долги и покидали Сити, волоча ноги, ковыляя, как утки, а с 70-х гг. 20 в. метафора стала применяться к отраслям экономики, которые не могли выжить без финансовой поддержки государства. В настоящее время метафора используется для номинации

выборных представителей власти, чьи шансы на переизбрание невелики (члены парламента, президент). Ср.:

*How Shevardnadze went from glasnost hero to hated **lame duck** – and who will succeed him* (I. Traynor / The Guardian, 24.11.2003). *Как Шеварднадзе превратился из героя гласности в ненавистную **хромую утку** и кто станет его преемником* (подзаголовок). *Yet already the **hawks** in the Russian military and the parliament are grumbling that the new forum will be no better than the old one* (I. Traynor / The Guardian, 7.3.2002). *Однако сторонники «жестких» мер |ястребы| среди российских военных и парламентариев ворчат, что новое заседание будет не лучше предыдущего.*

1.3. Слот «Рыбы»

Слот представлен метафорами *рыба, малек, кит, пескарь, лещ, плотва, селедка, морские гады*. К этому же слоту можно отнести случаи употребления метафор, актуализируемых посредством установки ассоциаций с «рыбьими» фамилиями (И. Рыбкин). Ср.:

*Второй десяток лет бьются неграждане за свои права, как **рыба** об лед. А власти молчат, как та же **рыба**.* (Ю. Лобов / Труд -7, №103, 2005). *Несомненно, **рыбу** в аджарском пруду прикармливали уже давно. Поток долларов «из-за буэра» в Тбилиси, а далее в Аджарию шел уже несколько месяцев. Просто в нужный момент на крючки насадили особенно жирных червей, и **рыба** с удовольствием поймалась. Крупным **лещам** достались, естественно, черви потолще, **мелкой плотве** заплатили долларов по 10* (А. Сафарин / СР, 8.5.2004). *На политическом «безрыбье» он |И. Рыбкин| может оказаться «харизматическим»* (В. Костин / АиФ, № 52, 2003).

В британских СМИ рассматриваемый слот характеризуется слабой структурированностью и малой частотностью. Отмечаются общие наименования для метафорического представления политического влияния стран в международных отношениях. Такие метафоры репрезентируют оппозицию большой / маленький: маленькие рыбы (небольшие и невлиятельные государства) следуют за большими рыбами (политически влиятельными государствами), что повышает их жизнеспособность в процессе естественного отбора (в международной политике). Конкретные наименования рыб единичны. Ср.:

*Tiddlers like Malta and Latvia will have their own commissioners, after all, swimming alongside the big Franco-German **fish**.* (P. Preston / The Guardian, 1.12.2003). *Мелкая*

рыбешка, такая как Мальта и Латвия, плывущая как-никак рядом с большой франко-немецкой **рыбой**, будет иметь своих комиссаров.

Of the three Baltic state exchanges, Tallinn's is the biggest and most sophisticated, regularly accounting for more than 70 per cent of the total market turnover in the region. Even then it is a minnow (R. Behr / FT, 8.3.2001). Из трех балтийских государственных бирж таллиннская самая большая и совершенная. Эта биржа стабильно контролирует более 70 % рыночного оборота в регионе. Но и она – **мелкая рыба** [букв. **гольян**].

Слот 1.4. «Все остальное (низшие животные)»

Слот представлен общими наименованиями *гадина, насекомые*, а также таксономическими разрядами *семейство, одноклеточные, олигарховидные*. Также используются наименования конкретных видов: *лягушка, хамелеон, гидра, черви, тараканы, ящерица, мухи, кобра, моллюск, богомол, рак, креветка, пчелы, комар*. Типическое представление о свойствах низших животных становится источником для метафорической концептуализации политической действительности. Например, *хамелеон* – «непостоянство, ненадежность, изменчивость», *мухи* – «назойливость» или «слабость» (если муха попала в паутину), *гидра* – «враждебная сила», *тараканы* – «незначительность» и др. Ср.:

Новости зоологии: если «обжечь яйца» одному представителю олигарховидных, яйценоскость повышается у всего семейства, а яйцекладки постепенно перемещаются из оффшоров в Россию (С. Репов / АиФ, № 23, 2004). *Кремль в роли хамелеона* (М. Ростовский / МК, №47, 2000). *Года три назад от нас просто отмахивались, как от вредных, никому не нужных мух, да еще с определенным политическим окрасом* (С.Степашин / АиФ, № 6, 2003). *Мы не нужны власти. Мы для нее — как тараканы* (Д. Тукмаков / Завтра, № 5, 2004). *Латвийский парламент, всецело преданный главе государства, устраивает голосования, всегда предсказуемые, и даже имеет комариную оппозицию, всегда готовую перелететь во враждебную фракцию* (О. Иванова / СР, N 77, 2003). *Интересно было бы повидать выведенных в Минфине крыс, сгрызших 1,3 млрд. безналичных рублей из Стабфонда* (М. Делягин / АиФ, № 33, 2005).

Детально структурированный и частотный в российском политическом дискурсе слот «низшие животные» контрастирует с полным отсутствием британских метафорических наименований этого сегмента метафорической модели.

2. Фрейм «Объединения животных и иерархические отношения в них»

Слот 2.1. «Объединения животных»

Рассматриваемый слот представлен наименованиями *стадо*, *стая*, *свора*, *клубок (червей)*. Основные прагматические смыслы: «несамостоятельность, послушность» (*стадо*) и «агрессивность и сплоченность» (*стая*, *свора*, *прайд*).

Положительные смыслы несет только метафора *рой*. Ср.:

*Полноценным человеком при этом строе считается только молодая особь с белыми зубами и крепкими ногами. Способная догнать дикую козу и загрызть ее. Старые при таком раскладе для **прайда** только обуза* (О. Бакушинская / КП, 24.4.2004). *Все старики в голос говорят о той роли, которую сыграла в организации» антифашистской демонстрации» партия «За права человека в единой Латвии» – сокращенно «За ПЧЕЛ». Во многом благодаря этой партии русскоязычные «пчелы» и почувствовали себя в последнее время единым «роем»* (Л. Велехов / СС, №4, 2005). *Алчная свора губернаторов, ненасытная рать президентов, изглодавшая до костей страну, присягнула дракончику* (А. Проханов / Завтра, 18.1.2000).

Метафоры рассматриваемого слота актуализируются для репрезентации явлений, связанных с массовыми миграциями. Если репрезентируемые явления имеют отношение к Великобритании, актуализируется концептуальный вектор тревожности. Ср.:

*If the Baltic States are Europe's new tiger economies, then for the moment Latvia is heading the **pack*** (N. George / FT, 25.11.2003). *Если балтийские государства новые экономические тигры Европы, то в настоящий момент Латвия возглавляет **стаю**.*

*Wealthy Russians **are flocking** to London in such numbers – some 250,000 live in London, according to one estimate – that comparisons are being drawn with the influx of Russians into 19th-century Paris* (P. Foster / DT, 1.11.2003). *Богатые русские **стаями слетаются** в Лондон в таких количествах (по некоторым оценкам в Лондоне их проживает около 250 тысяч), что это сопоставимо с наплывом русских в Париж в 19 веке.*

*As a result, freed from the despotism and coercion of Soviet and tsarist Russia, people are leaving in **droves*** (I. Traynor / The Guardian, 12.06.2002). *В результате, освобожденные от деспотизма и насилия Советской и царистской России, люди **гуртами** покидают регион* (О Сибири).

Слот 2.2. «Иерархические отношения в мире животных»

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому слоту позволяют репрезентировать социальные иерархические отношения в понятиях иерархии мира животных. Ср.:

«Пчеловод» Виктор Дергунов (Л. Велехов / СС, №4, 2005). Я говорил: хотя бы выйти к Госдуме, встать у здания, продемонстрировать, что вы — граждане великой страны, а не бессловесное **стадо**, которое **погонщики вздумали знать**, куда им нужно (В. Алкснис / Завтра, № 33, 2004). Чиновничья иерархия действует так: во дворце царствует один **петух**. Он в начале **поет**, говорит «я», затем **гоняется за всеми другими петухами**, иерархию **поддерживает**, **клюет** кого-то из них. Следующий **петух** поступает точно так же и **клюет** кого послабее. Самому последнему **петуху** ничего не остается, как **клевать** только землю. (С. Добрынина / МК, №47, 2000).

В британской политической речи социальные иерархические отношения также метафорически представляются в понятиях иерархии мира животных. Ср.:

*Russians have bought up swathes of London's plusher areas and one of them **rules the roost** as Britain's richest man with his own football team* (ST, 13.06.2004). Русские скупили отличные участки Лондона, а один из них **задает тон** [букв. **уселся на насест**] как самый богатый человек Великобритании, владеющий своей собственной футбольной командой.

Если метафорическое представление стран в слоте «возрастной цикл животных» потенциально допускает возможность того, что птенцы станут взрослыми птицами, то оппозиция животное / человек в представлении роли стран в международной политике носит явно негативный характер. Если некоторые страны – «животные», то, следуя «когнитивной топологии» сферы-источника, человеку-пастуху (другим странам, субъектам политической деятельности) следует распоряжаться судьбой неразумных животных и держать их в специальных местах. Основной прагматический смысл метафор слота «несамостоятельность в принятии политических решений». Ср.:

*And for that reason they have stressed the importance of **rounding up** as many former communist countries into the Nato **fold** as quickly as possible* (K. Connolly / The Guardian, 3.4.2002). Поэтому они и подчеркнули, что важно как можно быстрее **сознать** так много бывших коммунистических стран в **загон** НАТО.

*Boris Yeltsin has left his **gilded cage** in the Kremlin* (The Observer / 2.2.2000). Борис Ельцин оставил свою **позолоченную клетку** в Кремле.

3. Фрейм «Действия животных»

Слот 3.1. «Агрессивные действия»

Агрессивное поведение животных характерная сфера-источник для метафорического представления политических конфронтаций. Субъекты

политической деятельности регулярно демонстрируют угрозу или ведут агрессивную политическую борьбу, что образно представляется посредством метафор: *рвать, кусать, грызть, рычать, глодать, жалить, окутывать паутиной*. Ср.:

Но Явлинский и Чубайс буквально загрызли друг друга (А. Угланов / АиФ, № 50, 2003). *Науськанные своры газетчиков рвутся с поводка, брызгая бешеной слюной сквозь газетные листы* (О. Иванова / СР, 5.6.2003) (О странах Балтии). *В результате последовавшего из-за кремлевских стен грозного рыка документы пришлось срочно переписывать* (М. Ростовский / МК, № 18, 2000).

В британской прессе агрессивное поведение животных типичная сфера-источник для метафорического представления политической и экономической конфронтации. Субъекты политической деятельности регулярно демонстрируют угрозу или ведут агрессивную политическую борьбу, что образно представляется посредством метафор *to bellow* (рычать), *to bite* (кусать), *to bristle* (ощетиниться), *to bare teeth* (показывать зубы), *to claw* (рвать когтями), *to ruffle feathers* (взъерошивать перья), *to savage* (свирепо атаковать) (о собаках). Ср.:

In brutal post-communist Russia, he clawed his way to billionaire status by 36 (G. Levy / DM, 3.07.2003). *В зверской посткоммунистической России он до 37 лет прорывал когтями дорогу к статусу миллиардера*.

New tigers bare their teeth (M. Tran / The Guardian, 12.08.2003). *Новые тигры показывают зубы*.

The Shadow Of The Baltic Tiger (A. Crawford / SH, 11.1.2004). *Тень балтийского Тигра*.

Анализ политической метафоры показывает, что в британской прессе стало общим местом прибегать к подобным зооморфным метафорам для репрезентации России в случае расхождения ее политических позиций с позициями стран Запада, ЕС, НАТО (в том числе и по вопросу политического влияния в республиках бывшего СССР). Ср.:

The bear is on the rampage, and there is little that Blair or Bush can do to stop him (M. Almond / DM, 1.05.2003). *Медведь буйствует, и маловероятно, чтобы Блэр или Буш смогли его остановить*.

Mr Shevardnadze and now Ms Burdzhanadze have expressed a desire to join Nato - like its neighbour Turkey - but Russia has bristled at US military interest in the region (S. Jeffery / The

Guardian, 24.11.2003). *Господин Шеварднадзе, а теперь госпожа Бурджанадзе, выразили желание присоединиться к НАТО (как и Турция, их сосед), но Россия **ощетинилась** на военные интересы США в этом регионе.*

*The European Union is to threaten trade sanctions against Moscow today in a showdown over Russian **bullying** tactics in eastern Europe, violations of human rights, and misuse of the criminal justice system for political ends (DT, 23.02.2004). Сегодня Европейский Союз должен пригрозить Москве торговыми санкциями в заявлении, посвященном российской тактике запугивания [букв. **бычьей тактике**] Восточной Европы, нарушениям прав человека и злоупотреблениям в системе уголовного судопроизводства в политических целях.*

Слот 3.2. «Образ жизни животных»

Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому слоту позволяют репрезентировать социальные иерархические отношения в понятиях иерархии мира животных. Ср.:

*«Селезневское оперение» привлекает не более 1-2 % голосов (В.Костиков / АиФ, № 6, 2003). Российский «Белый дом» сегодня – как то дерево с **вороньей стаей**, по которому сильно стукнули палкой: **вороны, каркая, взлетели, покружились и пошли обратно на посадку** (Е. Анисимов / КП, 30.3.2004). Большинство губернаторов умилительно **воркуют** о том, что теперь к власти во всех регионах придут «крепкие хозяйственники» (Г.Сатаров / Новая газета, № 70, 2004). А уж сам Саакашвили просто **землю роет копытом**, чтобы бросить страну в объятия НАТО как можно быстрее (В. Тетекин / СР, N 43, 31.3.2005). Стоит показать его (доллар) «рядовому россиянину», как тот сразу **встает на задние лапки** (Е.Семенова / АиФ, № 26, 2003). Какая отрада созерцать негодование Говорухина, неуживчивого и капризного, который за последние годы, **махая хвостом и ушами**, обегал все политические коридоры и в каждом **задира** свою **ножку** (А. Проханов / Завтра, № 4, 2000).*

Также в британской прессе различные реалии нередко концептуализируются посредством метафорического переосмысления действий животных. Так, безразличие к проблемам страны представляется с помощью метафоры *hover above* (парить над), нежелание высказывать своё мнение – *to duck* (нырять, как утка, под воду), деление кампании на ряд более мелких предприятий – *to hive off* (разделить улей). Ср.:

*The privileged elite - for the most part, the same people who made up the Soviet bosses, or nomenklatura - have **hovered above** the chaos (N. Walsh / The Guardian 2.12.2003). Привилегированная элита – по большей части те же самые люди, которые были советскими боссами, номенклатурой – **воспарила** над хаосом.*

*For three and a half hours he didn't **duck** a question, though he occasionally showed flashes of anger and slapped the table to make his point (J. Steele / The Guardian, 8.09. 2004). В течение трех с половиной часов он ни разу не уклонился [букв. не **нырнул, как утка, под воду**] от вопроса (О встрече Путина с иностранными журналистами).*

4. Фрейм «Обращение с животными»

Слот 4.1. «Животные как объект охоты»

Опыт взаимодействия человека с миром диких животных позволяет осмыслять политические реалии через образы охоты (рыбалки). Субъекты политической деятельности *охотятся, травят, ловят на крючок* или *на наживку, ставят ловушки, капканы* и т.п. Ср.:

*Аслан учуял поставленный центром капкан и ослабил хватку (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). А сейчас все **вышли поохотиться**. В литовской политике слишком много аморальных людей (В. Успаских / Эксперт, № 19, 2004). Тони Блэр решил **выйти на русского медведя в одиночку? Рогатину ему в руку!** (Е.Егорова / МК, № 17, 2000). Затем (в лице арестованного владельца НТВ г-на Гусинского) сбылись слухи об открытии **сезона охоты на медиа-магнатов**. (МК, №53, 2000/2001). А профессор Е.Шестопал с философского факультета МГУ, разрабатывая психологический портрет президента, даже выявила у него качества **«охотника», защищающего лес от вредных хищников** (В.Костиков / АиФ, № 11, 2004).*

В британской прессе также используется метафорический потенциал рассматриваемого слота. Особенно характерны для британской прессы метафоры из понятийной сферы «охота»: *to dog* (травить собаками), *to hound* (охотиться с гончими), *to course* (преследовать, видя дичь), *to hunt down* (загнать, затравить), *to smoke out* (выкуривать из норы) и др. Объектами охоты регулярно выступают представители бизнеса и прессы и соответственно в роли охотника – официальная власть. Ср.:

*The people **smoke out the grey fox** (I. Traynor / The Guardian, 24.11.2003). Народ **выкуривает серого лиса**.*

***Hunting him down** is certainly scoring Mr Putin brownie points with Russia's many disgruntled have-nots (B. Maddox / The Times, 17.06.2004). Безусловно, **травля Ходорковского** – это ловкий ход господина Путина в угоду рассерженным российским беднякам.*

*Two who defied the Kremlin, Boris Berezovsky and Vladimir Gusinsky, were charged with crimes dating from the 1990s and were **hounded** into exile (ST, 13.06.2004). Два человека,*

бросивших вызов Кремлю, Борис Березовский и Владимир Гусинский, были обвинены в преступлениях 90-х годов и **загнаны гончими** в ссылку.

*Since he was elected four years ago, Mr Putin has **tightened the noose** on Russia's free media and sought to crush opposition parties* (J. Strauss / DT, 12.01.2004). С тех пор как его избрали четыре года назад, господин Путин **затянул аркан** на независимых российских СМИ и сокрушил оппозиционные партии.

В меньшей степени используются понятия из сферы-источника «рыбалка». Политическая или экономическая «рыбалка» – средство обогащения (преимущественно с негативным смыслом). Ср.:

*His oil company Sibneft is due to complete a merger with Yukos in November, **netting** more riches for both billionaires* (M. Almond / DM, 31.10.2003). В ноябре должно завершиться слияние Сибнефти, его нефтяной компании, с Юкосом, за счет чего оба миллиардера завладеют [букв. **выловят сетью**] еще большим богатством.

Слот 4.2. «Животные как объект эксплуатации»

Субъекты политической деятельности и население страны могут представляться животными, на которых постоянно *надевают намордники, ошейники* или *узду*, дают команды «к ноге» или «фас», *дят, дрессируют, запрягают, подбрасывают кости* и т.п. Ср.:

*Люди, мы можем вас спасти! Но для этого позвольте **надеть на всех вас ошейники*** (А. Кураев / Новая газета, № 70, 2004). *Кто и каким образом держал Ельцина в узде — нам неизвестно. Но вряд ли можно сомневаться, что **узды** на нем была и что с его уходом **ее надели** на Путина* (Н. Анисин / Завтра, № 7, 2000). Кремль явно перешел на тактику индивидуального **приручения** (МК, №6, 2000). Уж слишком "партия власти" напоминает **дрессированного медведя** с бумажной короной на голове. Мишка этот, **двигаясь в такт аккордам цыганской гитары**, что есть мочи пытается играть роль царя, но глаза у него всё-таки грустные-грустные: в глубине своей нечеловечьей души животное понимает, что царственный атрибут — не более чем элемент циничной **дрессуры** (С. Белковский / Завтра, № 04, 2004).

В британских СМИ типовые смыслы слота метафорически отображают оппозиции «власть – пресса», «власть – страна», «власть – оппозиция». В британской метафорической картине власти все время пытаются надеть на СМИ то узду (*to curb*), то намордник (*to muzzle*), укротить (*to rein in*) или приручить (*to tame*) оппонентов, а страну в корыстных целях пытаются запрячь (*to harness*) или подоить (*to milk*). Ср.:

Putin picks 'tame unknown' as prime minister (R. Nash / DT, 2.03.2004). Путин назначает «прирученного незнакомца» |М.Фрадкова| на пост премьер-министра.

In this anniversary year of Peter the Great's founding of St Petersburg in 1703, he is milking reborn pride (M. Almond / DM, 1.05.2003). В годовщину основания Санкт-Петербурга Петром Великим в 1703 он |Путин| доум возродившуюся гордость России.

Its disapproval of Putin's authoritarian tendencies at home, for example in his war in Chechnya and his attempts to muzzle the free media, has added to the growing gulf between the two sides (S. Tisdall / The Guardian, 22.02.2001). Его неодобрение авторитарных тенденций Путина внутри страны, например войны в Чечне и попыток надеть намордник на независимые СМИ, способствовало увеличению пропасти между сторонами.

Russia's foreign ministry warned Georgia yesterday against trying to rein in the independent-minded region of Adzharia, whose leader has close ties with Moscow (A. Osborn / The Independent, 13.3.2004). Вчера российский министр иностранных дел предостерег Грузию от попыток обуздать настроенную на независимость Аджарию, чей лидер имеет тесные связи с Москвой.

5. Фрейм «Части тела животных»

Слот 5.1. «Органы агрессии»

В российской прессе для образного представления агрессии регулярно используются метафоры жала, лапы, когти, рога, иногда жабры. Ср.:

Поднимет ли Козленок Бычкова на рога? (Л. Никишин / Завтра, № 3, 2000). Самого Ельцина оторвали от народа. Но его ядовитые жала остались в теле страны. (А. Смирнов / Завтра, № 39, 2004). «Лапы прочь от русских школ!». (Д. Суслов / НГ, 13.02.2004). А ведь у Кремля сейчас есть прекрасная возможность обломать рога зарвавшемуся грузинскому фюреру и подтвердить готовность защищать интересы российских граждан (В. Тетекин / СР, N 103, 2004).

В британской прессе к основным метафорическим органам агрессии животных относят зубы (*teeth*) и когти (*claws*). Ср.:

The Kremlin administration has neutered much of the critical television media, clawed back power from the regions and imposed an opaque political decision-making process (J. Strauss / DT, 16.3.2004). Кремлевская администрация нейтрализовала большую часть критических телеканалов, вырвала когтями власть у регионов и скрыла под покровом процесс принятия политических решений.

New tigers bare their teeth (M. Tran / The Guardian, 12.08.2003). Новые тигры показывают зубы.

Слот 5.2. «Крылья»

Прототипический смысл метафоры востребован для репрезентации «жизненно необходимых для нормального функционирования реалий политического мира». Также метафора *крылья* актуализируется для метафорического представления политической поддержки, покровительства и контроля. Ср.:

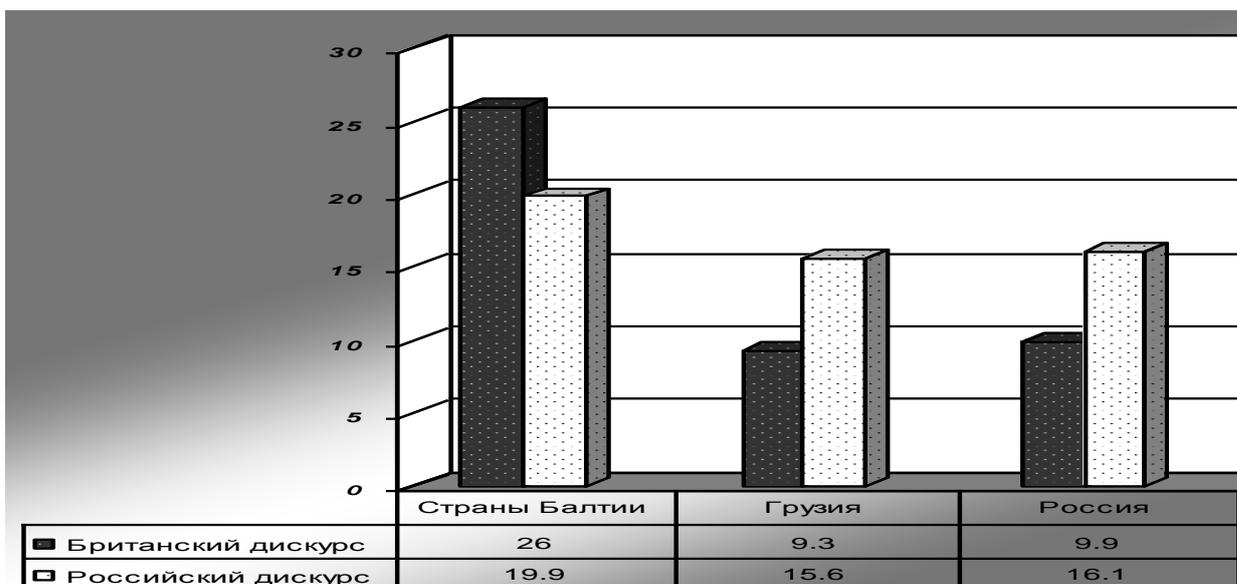
Две палаты парламента – словно два крыла российского орла. Если одно крыло будет не так интенсивно махать, то возможны какие-то крены (С.Миронов / АиФ, № 20, 2003). *По результатам выборов в Думе появилось ободранное левое крыло, а правого крыла вообще нет. Такая птица не летает* (Ю.Лужков / АиФ, № 2, 2004). *Бывшие прибалтийские республики СССР – Латвия, Литва, Эстония, попав под крыло Евросоюза, пытаются еще более активно, чем раньше, избавиться от всего, что связано с «оккупационным режимом»* (Е. Байкова, Т. Ивженко / НГ, 07.04.2004). *Крылья Родины* (Г.Александров / АиФ, № 21, 2003) (о крылатых ракетах).

В британской прессе метафора *wing* (крыло) востребована преимущественно как ориентационная метафора. Ср.:

Putin, he says, has found a successful centrist formula based on leftwing policies of moving away from "oligarchic capitalism" and rightwing plans for further privatisation and integrating Russia into the global economy (J. Steele / The Guardian, 25.02.2004). [Путин, по его мнению, нашел оптимальную центристскую формулу: он использует левую политику |левого крыла|, избавляясь от «олигархического капитализма», и строит правые планы |правого крыла| по дальнейшей приватизации и интеграции России в мировую экономику.]

В российском и британском политическом дискурсе метафоры со сферой-источником «Мир животных» актуализируются для всех обозначенных сфер-мишеней метафорической экспансии. Вместе с тем количественная характеристика зооморфных метафор, представленная на диаграмме б, позволяет проследить некоторые различия в функционировании рассматриваемой метафорической модели в российском и британском политическом дискурсе.

Диаграмма 6. Частотность метафор со сферой-источником «Мир животных» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество зооморфных метафор от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 16.1 %, соответственно для Грузии – 15.6 %, стран Балтии – 19.9 %. Также и в британской прессе зооморфные метафоры актуализируются как для осмысления российской действительности (9.9 %), так и для концептуализации Грузии (9.3 %) и стран Балтии (26 %), что свидетельствует о том, что обращение к сфере-источнику «Мир животных» характерна для обеих лингвокультур без полярных различий в частотности применительно к той или иной сфере-мишени. В целом совпадают прототипические функции большинства метафор и типовые сегменты метафорического притяжения в сферах-мишенях.

Вместе с тем представленные данные демонстрируют тот случай, когда частотность не в полной мере отражает оценочные характеристики. Высокая частотность зооморфной модели в национальном дискурсе не всегда свидетельствует об активном привнесении резко негативных оценок в осмысление сферы-мишени. В британском политическом дискурсе для стран Балтии пейоративная оценочность в целом менее характерна по сравнению с другими понятийными областями («Грузия» и «Россия»), хотя частотность

зооморфных образов для последних значительно ниже. Это связано с тем, что не все конкретные образы жестко связаны с однозначными оценками. Например, образ тигра применительно к прибалтийским республикам используется в британской прессе сторонниками расширения ЕС и НАТО (только в слоте «собственно животные» эта метафора составила около 90 % словоупотреблений). В таких контекстах тигры – благородные животные, хотя этот образ используется и теми, у кого европейские интеграционные процессы вызывают опасения (тигр – опасное животное). В целом развивающиеся прибалтийские экономики (молодые и быстро растущие тигры) оцениваются как положительный фактор для благосостояния будущей единой Европы.

При значительных российско-британских параллелях наблюдаются расхождения в выборе конкретных зооморфизмов для осмысления постсоветской действительности в зависимости от сферы-мишени (республики). Если в британском дискурсе наиболее распространенным образом для представления прибалтийских республик стал образ тигров, то в российском дискурсе эта метафора для осмысления Прибалтики оказалась совершенно не востребована. Для россиян оказались более уместными образы русских *пчел*, которые дружным *роем* противостоят *немецким овчаркам*, или образы прибалтийских *волков*, которым российское правительство доверило пасти русских *телят*.

Причины этого коренятся не только в эмотивных смыслах, востребованных ситуацией, но и в «профилировании» различных проблем. Россиян больше волнует проблема русских меньшинств в бывших советских республиках, чем сопоставление экономического роста Латвии, Литвы и Эстонии с аналогичными показателями Великобритании. Британцы же больше обеспокоены вопросами интеграции Балтии в ЕС и экономическими последствиями этого процесса, а по вопросу о русских меньшинствах мнения далеко не так однозначны, как в российских СМИ.

Различия наблюдаются на уровне слотов или частичек слотов. Если в российской прессе для привнесения смысла «малозначительности» того или

иного феномена используются образы *пескаря* или *малька*, то британцы предпочитают апеллировать к *гольяну* (*tiddler*) или *колюшке* (*minnow*), а высокопродуктивный и частотный в российской прессе слот «низшие животные» оказался не востребованным в британском политическом дискурсе.

Анализ политических метафор, объединяемых сферой-источником «Мир животных», выявляет значительные российско-британские параллели в функционировании рассмотренной метафорической модели. Зооморфные образы востребованы для метафорического представления политической действительности всех рассматриваемых республик (России, Грузии, стран Балтии), но выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов значительно варьируется в зависимости от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии.

Выводы по второй главе

На основе анализа рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы о функционировании метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе.

1. В российском и британском политическом дискурсе функционируют метафорические модели со сферами-источниками «Война», «Театр», «Спорт», «Болезнь», «Человеческий организм», «Мир животных», которые являются значимым компонентом российско-британского интердискурса.

2. Для британских СМИ очень характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны, в то время как при осмыслении сферы-мишени «Страны Балтии» предпочтение чаще отдается метафорам из других сфер-источников. Британцев страны Балтии интересуют в первую очередь в контексте проблем Евросоюза, поэтому эти республики чаще представляются как новые члены Европейской семьи, быстро растущие экономические тигры или участники спортивного соревнования, призом в котором является членство в международных организациях. В российской прессе чаще профилируются

другие проблемы. В первую очередь внимание российской общественности направлено на вопрос о статусе русскоговорящих меньшинств в прибалтийских республиках, которые ведут метафорическую войну с прибалтийскими правительствами и участниками второй мировой войны, сотрудничавших с фашистами.

3. В российской прессе театральные метафоры в большей степени востребованы для осмысления политических событий в Грузии и странах Балтии, чем в британской прессе. Россияне более склонны видеть за событиями в Грузии закулисных режиссеров и могущественных кукловодов, разыгрывающих политические спектакли для России и мирового сообщества, а в политике стран Балтии театр абсурда и театральные постановки для Европейского союза. Наоборот, британская пресса представляет ход событий в Грузии и странах Балтии более естественным и менее театрализованным, чем россияне. Для метафорического представления России результаты в двух прессах приблизительно одинаковы. При более детальном рассмотрении британских и российских метафор обнаруживаются образы, характерные только для российского (*коммунальный театр, балаган*) или британского дискурса (*sketch, travesty*). Российские авторы гораздо чаще обращаются к цирковым образам, в то время как британцы в большей степени предпочитают образы из понятийной сфер «Танцы».

4. В метафорической модели со сферой-источником «Спорт» проявляются характерные и для других моделей британско-российские разногласия. Если британцы предпочитают переносить на действительность прибалтийских республик смыслы «соперничества» из исходной понятийной сферы «Спорт», то в российской прессе по отношению к странам Балтии профилируются смыслы из других понятийных сфер. Вместе с тем осмысление действительности через спортивные метафоры в большей степени характерно для британского, чем российского сознания, о чем свидетельствует регулярное преобладание британских спортивных метафор независимо от сферы-мишени метафорической экспансии. Гораздо чаще британцы апеллируют к лошадиным

скачкам, причем некоторые британские метафоры из этой и других понятийных сфер обычно переводятся на русский язык описательными оборотами (*big-hitter, shoo-in, one-horse affair, one-horse race*). Наоборот, в российской прессе актуализируются нехарактерные для британской прессы понятия: *чехарда, карусель, прятки, аттракцион*.

5. Британское и российское видение ситуации посредством морбиальных метафор во многом совпадает. В метафорической картине российских и британских СМИ Грузия – тяжело больной организм, который к тому же не следует рецептам и предписаниям международных организаций, а надеется на панацею; Россия выздоравливает, чувствует себя лучше, идет на поправку, хотя ее и мучают психические расстройства; прибалтийские республики подвержены недомоганиям, но в целом в срочном лечении не нуждаются. Британцы в большей степени склонны видеть в странах Балтии естественную перспективу развития ситуации, чем россияне, а в случае со сферой-мишенью «Грузия» наблюдается обратная закономерность. В российском дискурсе морбиальные метафоры для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии» оказались востребованными в большей степени. Это связано с тем фактом, что проблема прав русских меньшинств в этих республиках больше интересует россиян, чем британцев.

6. Антропоморфная модель относится к наиболее универсальным метафорическим моделям, что и предопределяет ее высокую дискурсивную устойчивость, т.е. невысокий уровень частотной вариативности при смене сферы-мишени метафорической экспансии. Для россиян и британцев свойственно осмыслять политическую и экономическую действительность в понятиях анатомии и физиологии человека, динамику общественных процессов как жизненный цикл организма, наделять феномены окружающего мира эмоционально-волевыми свойствами. Вместе с тем перспектива антропоморфного мировидения в большей степени характерна для российского, чем британского сознания, о чем свидетельствует преобладание российских

органистических метафор независимо от выбора сферы-мишени метафорической экспансии в качестве объекта анализа.

7. Зооморфные образы востребованы для метафорического представления политической действительности всех рассматриваемых республик, но выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов значительно варьируется в зависимости от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии. Британско-российские различия наиболее рельефно проявились при концептуализации сферы-мишени «Прибалтийские республики». В британском дискурсе наиболее распространенным образом для представления прибалтийских республик стал образ молодых и быстро растущих тигров, в то время как в российской прессе этот образ для осмысления Прибалтики оказался совершенно не востребован. Для россиян оказались более уместными образы русских пчел, которые дружным роем противостоят немецким овчаркам, или прибалтийских волков, которым российское правительство доверило пасти русских телят.

8. Рассмотренные метафорические модели в разной степени варьируют характеристики функционирования в политическом дискурсе в зависимости от когнитивной укорененности сферы-источника в национальном сознании и политической ситуации. Степень дискурсивной устойчивости для рассматриваемых метафорических моделей различается по сфере-источнику. Характеристики антропоморфной и спортивной моделей слабо варьируются при смене сферы-мишени метафорической экспансии внутри одного национального дискурса, что свидетельствует о большей когнитивной укорененности антропоморфного мировидения политики для россиян и спортивных образов при осмыслении политики для британцев. Метафорические модели со сферами-источниками «Мир животных», «Война», «Болезнь» и «Театр» проявляют большую предрасположенность к варьированию характеристик под воздействием дискурсивных факторов и относятся к менее устойчивым моделям, но сопоставление характеристик этих

моделей не выявляет полярных расхождений при рассмотрении корреляций сферы-мишени и национального дискурса.

Глава 3. Особенности метафорического моделирования действительности России, Грузии и стран Балтии в российском и британском политическом дискурсе

В предыдущей главе нами были рассмотрены метафорические модели, при анализе которых особенности в когнитивном и дискурсивном ракурсе выявляются только на уровне отдельных сегментов метафорической модели, а варьирование свойств метафорических моделей по критерию сферы-мишени не обнаруживает полярных характеристик. Основная задача настоящей главы проанализировать особенности функционирования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе, отражающие их полярные свойства. При анализе особенностей функционирования метафорических моделей в политическом дискурсе учитывалось два ракурса рассмотрения:

- особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию сферы-мишени метафорической экспансии;
- особенности функционирования метафорической модели, выявляемые по критерию национального дискурса.

В соответствии с выделенными критериями особенности функционирования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе разделяются на два типа.

В первом случае рассматривается вариант, при котором метафорическая модель востребована в российском и в британском политическом дискурсе для концептуализации одних сфер-мишеней, но оказывается совершенно не востребованной для концептуализации другой сферы-мишени (сфера-источник «Монархия»).

Второй тип особенностей функционирования метафорической модели определяется тем, что в российском политическом дискурсе определенная сфера-мишень регулярно концептуализируется в понятиях определенной сферы-источника, в то время как в британском дискурсе метафоры исходной понятийной области для осмысления данной сферы-мишени нетипичны. При

этом анализ другой сферы-мишени свидетельствует о прямо противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника, не востребованный в российской политической речи, регулярно эксплуатируется для концептуализации данной сферы-мишени в британском политическом дискурсе (сфера-источник «Родство»).

3.1. Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Монархия» в российском и британском политическом дискурсе

Как показывают современные исследования политической метафорики, в ряде стран значимое место в осмыслении действительности занимает метафорическая модель с исходной понятийной сферой «Монархия» [Каслова 2003; Санцевич 2003; Чудинов 2003; Шаова 2005]. Особый интерес представляют сопоставительные исследования, авторы которых выявляют национальную специфику функционирования обозначенной модели в политическом дискурсе. Например, в работах А.А. Касловой [2003] и А.П. Чудинова [2003] доказано, что монархическая модель очень характерна для осмысления института президентства в России, в то время как американцы предпочитают использовать для метафорического представления главы государства совсем другие метафоры. Для американцев президент может быть исполнителем главной роли в кинофильме, боксером-профессионалом, нанятым для управления страной менеджером, но не наделенным божественной властью монархом. Как справедливо указывают исследователи, это обстоятельство связано не с особенностями национальных языков, а со спецификой национальных культур.

В настоящем параграфе предпринимается попытка выявить, существует ли значимая зависимость между активностью монархических метафор в российском и британском политическом дискурсе и сферой-мишенью метафорической экспансии. Это позволит рассмотреть насколько когнитивная «укорененность» монархической концептуальной метафоры проявляется в

определенных дискурсивных условиях и сделать выводы о закономерностях воздействия когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорической модели в политическом дискурсе.

В российском и британском политическом дискурсе метафорическая модель с исходной понятийной областью «Монархия» наиболее структурирована при концептуализации российской политической действительности и выявляет следующую фреймово-слотовую структуру.

1. Фрейм «Носитель верховной власти»

Слот 1.1. «Монарх»

В соответствии с монархической метафорической моделью российский президент концептуализируется как *царь, государь, король, самодержец, император, монарх, повелитель больших и малых народов*. Продуктивность слота связана с рядом конкретных политических событий (начиная от новогоднего обращения Б.Н. Ельцина) и политикой централизации власти, проводимой В.В. Путиным на протяжении всего срока пребывания на посту.
Ср.:

*Для российского человека по-прежнему идеал управления – сильная единоличная власть, **царь-батюшка**, как его не назови – генсек, президент... Он рубит головы непослушным боярам (олигархам, зарвавшимся мэрам и губернаторам), обороняет от супостатов (например, чеченских террористов) (В.Рыжков / АиФ, № 2, 2004). К гражданам России господин президент относится как **самодержец** к своим подданным (Э. Лимонов / Завтра, 27.01.2004). Им по-прежнему невдомек, как никому неизвестный полковник ФСБ по одному велению и одному хотению умудрился стать хозяином Кремля, **повелителем больших и малых народов**, а главное – владельцем ядерного чемоданчика (Е.Егорова / МК, № 17, 2000).*

Отдельного внимания заслуживают метафора *самозванец* и смежные по смыслу метафоры. В российском обществе традиционно противопоставляются два мировоззрения, два отношения к монархической власти, отчетливо оформившиеся еще в споре западников и славянофилов. С одной стороны, концептуализация главы государства посредством монархических метафор направлена на актуализацию негативных прагматических смыслов. В этом аксиологический аспект российской политической метафорики обнаруживает

параллели с британской метафорой (метафора *czar* эксплуатирует прагматический смысл «феодальной, недемократической власти»). С другой стороны, и в этом специфика российской метафоры, концепт *царь* содержит в себе положительные признаки: более чем тысячелетняя монархическая традиция и близкий к ней по «сакрализации» главы государства период «культы личности» неизбежно находят отражение в современной российской политической метафорике. Традиционный образ «добротого царя-батюшки», по-прежнему, занимает важное место в российской картине мира, поэтому в российской прессе возможна актуализация монархических метафор, эксплуатирующих традиционно положительные смыслы метафоры «царь». Политики представляются как *царьки*, *самозванцы*, которые не по праву занимают место «подлинного царя», эксплуатируются смыслы «отсутствия порядка», «незаконности существующей власти». Такие метафоры вписываются в оппозицию «Самозванец, ненастоящий царь – Настоящий царь». Ср.:

В России много царьков и нет царя (А. Будберг / МК, № 18, 2000). *Ельцин воплощает в себе архетип Самозванца, забравшегося в русскую историю* (А. Смирнов / Завтра, 2004, № 39).

В британских СМИ российские президенты также номинируются посредством монархических метафор (*tsar/czar, crowned ruler*), что позволяет представить выборного президента, как человека, обладающего неограниченной властью. Ср.:

Russia falls at the feet of Tsar Vladimir (J. Strauss / DT, 8.5.2004). *Россия падает к стопам Царя Владимира*.

This latter-day tsar is likely to be more successful (M. Kettle / The Guardian, 5.01. 2000). *Этот новыи царь, вероятно, будет более удачливым*.

It is in line with the Russian tradition. He's beyond criticism, like a tsar (J. Strauss / DT, 11.03.2004). *Это соответствует русской традиции. Он вне критики, как царь*.

The new Czar in the Kremlin has already made life uncomfortable for Russia's smaller neighbours (M. Almond / MS, 2.1.2000). *Новый кремлевский царь уже заставил маленьких российских соседей ощутить неудобство*.

The 47-year-old who is to be crowned ruler of the biggest country on earth in presidential elections tomorrow, becoming Russia's youngest leader since Stalin, says he ended his 16-year

career in the KGB when it became clear that the plotters had failed (I. Traynor / The Guardian, 25.03.2000). *Сорокасемилетний человек, который в завтрашних президентских выборах должен стать **коронованным правителем** самой большой страны на земле и самым молодым лидером со времен Сталина, говорит, что прекратил 16-летнюю карьеру в КГБ, когда стало ясно, что заговор провалился.*

Необходимо отметить, что при концептуализации субъектов российской политической деятельности метафора *tsar* может обладать значением «человек, в наибольшей степени обладающий определенным качеством, характерным признаком» (причем с негативным оттенком). Ср.:

***The Tsar of all the unpredictables**, Boris Nikolayevich Yeltsin, stunned the world yet again, this time with news of his sudden exit from power on New Year's Eve* (J. Sweeney / The Guardian, 2.01.2000). ***Царь всех непредсказуемых**, Борис Николаевич Ельцин, снова ошеломил мир – на этот раз новостью о своем внезапном отказе от власти накануне Нового года.*

Tsar of Paranoia (G. Wansell / DM, 24.04.2004). ***Царь паранойи*** (Об Абрамовиче).

Примечательно, что английские словари такого значения для лексемы *tsar* не фиксируют. Подобным значением в английском языке обладает лексема *king*, но с противоположными, мелиоративными коннотациями (ср.: *the king of rock'n'roll*). Такое употребление метафоры *tsar* следует отнести к особенностям британской политической речи при концептуализации российской политической действительности.

Британская монархическая метафора акцентируется посредством антропонимов, имеющих характерную для номинации монархов структуру: *Putin the First* (Путин Первый), *Peter the Greatest* (Петр Величайший). В британской прессе В. Путина часто сравнивают с реформатором Петром Великим (*Peter the Great*) и употребление превосходной степени прилагательного *the Greatest* вместо положительной степени *Great* создает иронический эффект, скептическое отношение к масштабному реформированию различных сфер российской общественной жизни. Ср.:

Russia pays fawning tribute to birthday boy 'Putin the First' (A. Osborn / The Independent 08.10.2004). *Россия раболепно платит дань в день рождения мальчика по имени «Путин Первый».*

*Nostalgia reigns as Russians vote for **Peter the Greatest*** (The Independent, 14.01.2005).
*Тоска по прошлому царит в России, потому что россияне голосуют за **Петра Величайшего**.*

Слот 1.2. «Носитель священной власти»

Слот «Носитель священной власти» демонстрирует тесную ассоциативную связь монархической и религиозной метафоры, укорененную и в российской, и в британской культурной традиции (английский монарх – глава англиканской церкви). Идея святости, богоизбранности, трансцендентности монархической власти используется для акцентирования безграничности власти президентской. В британских СМИ жизнь президента представляется как агиография, жизнь святого (*hagiography*), у которого нужно просить благословления (*blessing*) на какие-либо политические действия, поддержка политических оппонентов президента представляется грехом (*sin*). Ср.:

И чем больше времени проходит после новогоднего «крещения» преемника, тем больше этого сходства появляется (А. Хинштейн / МК, №21, 2000).

*It would also end the political dreams of a self-confessed robber baron who conjured worthless roubles into dollars but committed the **cardinal sin** of supporting Putin's opponents* (ST, 13.06.2004). *Скорее всего, на этом закончатся политические мечты сознавшего феодала-разбойника [Ходорковского], который превращал ничего не стоящие рубли в доллары, но совершил **смертный грех**, поддерживая оппонентов Путина.*

*In a **hagiography** of Putin days after he succeeded Yeltsin at the New Year, Vitaliy Tretyakov, the influential editor of Nezavisimaya Gazeta, wrote that the "enlightened Chekist" was just the kind of leader Russia needed* (I. Traynor / The Guardian, 25.03.2000). *В агиографии Путина, через несколько дней после того, как он стал преемником Ельцина на Новый год, Виталий Третьяков, влиятельный редактор «Независимой газеты», написал, что «просвещенный чекист», самый подходящий вид правителя для России.*

Особенно распространены британские метафоры, представляющие смену российских президентов через образ церковный обряда миропомазания, традиционного атрибута передачи монаршей власти в Европе. Ср.:

*Boris Yeltsin was among them. So, too, was Vladimir Putin, the hawkish young former KGB spy whom the then Kremlin leader had already **anointed as his heir*** (M. Franchetti / ST, 2.1.2000). *Среди них был молодой и воинственный Владимир Путин, бывший шпион КГБ, которого кремлевский глава уже **миропомазал как наследника**.*

*Since coming to power as Boris Yeltsin's **anointed successor**, Mr Putin has worked hard to concentrate power in his own hands* (N. Ferguson / ST, 19.6.2005). *С тех пор как господин*

Путин пришел во власть в качестве **миропомазанного наследника Бориса Ельцина**, он упорно работал над концентрацией власти в своих руках.

При характеристике российского президента в «монархическом» контексте метафорически используются традиционные для религиозной речи эпитеты: *omniscient* – всеведущий (о Боге), *infallible* – непогрешимый. Эти словоупотребления актуализируют смыслы «трансцендентного могущества» президента, «безапелляционности» решений главы государства, «недемократичности» существующей власти. Ср.:

*Sunday's vote was not about expressing faith in the **tsarist, omniscient** powers of Putin, but inspiring it* (N. Walsh / The Observer, 15.03.2004). *Воскресное голосование не выражало веру в царственную, всеведущую власть Путина, а внушало ее.*

*Vlad the **infallible*** (N. Walsh / The Observer, 15.03.2004). *Влад непогрешимый* (заголовок).

Слот 1.3. «Хозяин страны»

В российской традиции монарх является полновластным хозяином страны, который принимает политические решения, руководствуясь собственной волей. Метафорическая номинация *хозяин* (России, Кремля) элиминирует представление о президенте как о действующем в соответствии с законами главе государства, а во многих контекстах сопровождается негативными оценочными характеристиками «преданных хозяину» чиновников и не желающих выступать в качестве демократической оппозиции политиков. Ср.:

*Кремль уже вовсю готовит Россию к мартовскому триумфу своего **Хозяина*** (Е. Ростиков / Завтра, 14.01.2004). *Хозяева Кремля сменились, но востребованность в не очень разборчивых финансистах осталась* (Е.Баян / МК, №28, 2000).

Похожий прагматический смысл привносит в осмысление российского президента британская метафора *master* (хозяин). Президент метафорически представляется, как полновластный обладатель России (метонимический вариант – хозяин Кремля). Ср.:

*Kremlin's new master awaits his coronation... Sensing this, Western leaders are already preparing to assure the new **master of the Kremlin** of their personal support* (The Observer, 2.2.2000). *Новый кремлевский хозяин ожидает коронации... Почувствовав это, западные лидеры уже готовятся заверить нового хозяина Кремля в своей личной поддержке.*

2. Фрейм «Монархическая форма правления».

Слот 2.1. «Атрибуты монаршей власти»

Монархия традиционно ассоциируется с артефактными символами верховной власти. Апелляция к таким метафорам как *корона, шапка Мономаха, трон, престол* акцентирует метафору «Российский президент – это монарх» посредством активизации в сознании адресата детально структурированного фреймового знания. Ср.:

Похоже власти снова получают по шапке. В смысле, по шапке Мономаха (С. Репов / АиФ, № 33, 2005). *Можно долго спорить на тему, способен ли новый президент страны Владимир Путин хоть как-то дистанцироваться от прежней олигархии, возведшей его на престол* (Е.Баюн / МК, №28. 2000). *Березовский атакует российский трон* (А.Угланов / АиФ, № 24, 2003).

Также и в британской прессе востребованы образы атрибутов монаршей власти, символизирующих власть над страной. Ср.:

Back in August, he was expected to leave a power vacuum, with rival opponents of the Yeltsin circle fighting for the crown (The Times, 2.1.2000). *Ожидалось, что в августе он избавится от вакуума власти с помощью представителей ельцинского окружения, соперничающих друг с другом за корону.*

Слот 2.2. «Передача власти»

Право передавать власть по наследству или лично выбирать преемника на престол – типичный признак монархической формы правления. Нового монарха ожидает коронация и другие легитимирующие власть церемонии. Метафоры слота направлены на элиминирование представления о демократическом выборе российского президента. Ср.:

Ельцин впервые со времен Московского царства сам мирно передал власть (А. Прусак / МК, 2000, № 17). *По своей пышности и размаху церемония президентской присяги Путина вполне могла сравниться с коронациями российских императоров* (М. Ростовский / МК, №21, 2000).

Очень похожая интерпретация российских президентских выборов представлена в британской прессе. Смена президентов метафорически представлялась, как передача власти (*transfer of power*) и коронация (*coronation*). Метафоры данного слота обладают прагматическим смыслом «недемократичности» смены российского президента, в частности, и президентской власти в России, в целом. Ср.:

*Next March's vote is going to be a **coronation** rather than an exercise in democracy* (M. Almond / MS, 2.1.2000). *Выборы в марте будут скорее **коронацией**, чем примером демократии.*

*Yeltsin's endorsement of Putin, plus the New Year **transfer of power** and the calling of early elections, have short-circuited Russia's young and feeble democracy* (I. Traynor / The Guardian 25.03.2000). *Одобрение Путина Ельциным плюс новогодняя **передача власти** и назначение досрочных выборов погубили молодую и неокрепшую российскую демократию.*

*President Putin is sworn in at an event more **coronation** than inauguration* (J. Strauss / DT, 8.5.2004). *Президент Путин приведен к присяге на событии, больше напоминающем **коронацию**, чем инаугурацию.*

Слот 2.3. «Наследники»

Смена монархической власти часто сопровождается выбором престолонаследника. Апелляция к этому знанию с помощью метафор *наследный принц, преемник, наследник* позволяет поставить под сомнение демократичность выборов российского президента и привнести прагматический смысл незначительности мнения российских граждан в выборе главы государства при существующей власти. Ср.:

*Раскрутка Путина началась в прошлом августе, когда никому неведомого руководителя ФСБ неожиданно назначают премьером и «**наследным принцем**»* (Е. Маеная / МК, №10, 2000). *Обоз провожал **преемник**, исполняющий обязанность, Путин. Пешком, как скороход, поспевал за каретой, подавал Ельцину оброненный платок, гладил болонку Наины Иосифовны, целовал абрикосовые пальчики Татьяны Дьяченко* (А. Проханов / Завтра, 11.1.2000).

Схожее видение российской политической действительности представлено в британских метафорах рассматриваемого слота (*crown prince, anointed successor, chosen successor*). Ср.:

*Six months ago, few people in Russia – let alone the West – had heard of Putin. In the public mind he emerged from nowhere in August as Yeltsin's prime minister and **anointed successor** as president* (M. Almond / MS, 2.1.2000). *В августе он появился не понятно откуда как премьер-министр Ельцина и его **миропомазанный наследник**.*

*Yeltsin would make Putin his **crown prince**, but it was made clear that he would only have Yeltsin's chair provided he made it a priority to look after him* (M. Franchetti / ST, 2.1.2000). *Ельцин сделает Путина своим **коронованным принцем**, но, чтобы получить ельцинский трон, Путин должен позаботиться о президенте после отставки.*

*He grew up in rat-infested slums, joined the KGB at 22, and rose silently through Russia's secret corridors of power to become Yeltsin's **chosen successor in the Kremlin** (I. Traynor / The Guardian 25.03.2000). Он рос в кишачих крысами трущобах, вступил в КГБ в 22 года и потихоньку осваивался в секретных коридорах российской власти для того, чтобы Ельцин избрал его **наследником в Кремле**.*

3. Фрейм «Система монархической власти».

Слот 3.1. «Подданные монарха»

Согласно когнитивной топологии сферы-источника, монарха окружают подданные (*двор, вельможи, фавориты, знать, свита, царедворцы, думные дьяки, визири, серые кардиналы, придворные, челядь, подданные, государевы слуги, рабы, смерды, холоу*). Все они должны *платить оброк, бить челом, демонстрировать верноподданство*. При необходимости некоторых независимо от чина можно *протянуть кнутом, выпороть или помиловать*. Ср.:

*Участились разборки среди «ближних бояр» (В. Костиков / АиФ, № 33, 2005). Касьянов – настоящий герой своего времени, идеальный **царедворец** раннепутинской эпохи (М.Ростовский / МК, 22-29.06.2000). Самое сильное и заметное отличие от "старосемейного" уклада — олигархам-аборигенам не пожаловано облюбованное ими в благословенные 90-е, место **великих визирей и ростовщиков при дворе** (В. Попов / Завтра, 04.02.2004).*

В британской метафорической картине российского монарха также окружает двор (*court*), придворные (*courtiers*), сановники (*dignatories*), подданные (*subjects*) и верноподданные (*loyalists*), которые плетут дворцовые интриги (*internal palace intrigues*), доходящие в своей изощренности до византийства. Ср.:

*His doting **subjects** have already lavished him with a regal palace in St Petersburg, and a billion-dollar ski-slope in Sochi (N.P.Walsh / The Observer, 6.10.2002). Его |Путина| беззаветно преданные **подданные** уже расщедрились для него на царский дворец в Санкт-Петербурге и лыжный спуск стоимостью в миллиард долларов в Сочи.*

*He said he wanted to discuss the matter with President Putin, suggesting that, as ever in Russia, the Tsar was being misled by his **courtiers** (I. Traynor / The Guardian, 5.04.2001). Он сказал, что хочет обсудить эту проблему с президентом Путиным, полагая, что, как обычно в России, **Царя вводят в заблуждение придворные**.*

Слот 3.2. «Региональные феодалы и наместники»

Феодальная иерархия предполагает наличие местных феодалов и наместников. Помимо главы государства, как цари (*tsar*) репрезентируются состоятельные бизнесмены (здесь имплицитно представлена метафора «Деньги – это власть»), военные чины, главы субъектов РФ, государственные чиновники. Метафоры отражают представления россиян о нежелании центральной власти вникать в положение дел на местах, отсутствие контроля над региональными властями. Ср.:

Mr Drachevsky, Mr Putin's regional tsar... (I. Traynor / The Guardian, 12.06.2002). *Господин Драчевский, региональный царь господина Путина...*

The aluminium tsars will continue to exploit Siberia's mineral wealth and fill Moscow's coffers (I. Traynor / The Guardian, 12.6.2002). *Алюминиевые цари будут продолжать эксплуатировать минеральные богатства Сибири и наполнять московские сундуки*

Местные феодалы обладают своими поместьями (*estates*), империями (*empires*), ведут междоусобные войны (*internecine, feud*). Ср.:

Chechen politicians and warlords struggle to divide up Mr Kadyrov's empire (J. Strauss / DT, 10.5.2004). *Чеченские политики и военачальники сражаются за раздел империи Кадырова.*

Abramovich lives regally in a vast estate (J. Meek / The Guardian, 3.6.2003). *Абрамович по-царски живет в своем огромном поместье.*

The verbal broadside might have been more to do with naval rivalries including a feud between the senior admiral and the warship's commander (J. Strauss / DT, 24.03.2004). *Этот словесный обмен упреками можно было бы отнести к флотскому соперничеству, включая феодальную междоусобицу между старшим адмиралом и капитаном военного корабля.*

It is too early to know whether the Russian leader's policies are the beginnings of a reassertion of government, or merely another episode in internecine conflict within the oligarchy (J. Gray / The Guardian, 22.08.2000). *Еще слишком рано говорить о том, является ли политика нового русского лидера началом*

Слот «Региональные феодалы и наместники» представлен также метафорами *baron* (барон), *mogul* (могол), *tycoon* (сегун). Типичная сфера-мишень для этих метафор – представители крупного российского бизнеса. Несмотря на наличие в английском языке слов *oligarch* (олигарх) и *magnate* (магнат) их актуализация в британской прессе незначительна. Журналисты предпочитают апеллировать к концептам, соотнесенным с азиатскими историческими реалиями, что в немалой степени обусловлено памятью об эпохе Британской империи. *Mogul* и *tycoon* являются стертыми метафорами и,

теряя внутреннюю форму, переводятся на русский язык как «олигарх», «магнат». Также обусловлена культурной памятью британского народа высокочастотная метафора *robber baron* (барон-разбойник, феодал-грабитель). В английской средневековой истории *robber baron* – номинация для феодалов, разбойничавших на дорогах, грабивших проезжающих через их владения, бравших заложников и т.п. Средневековые феодальные бароны, обладавшие большой властью и не желавшие с ней расставаться, нередко поднимали восстания против английских монархов, стремящихся к централизации власти. Вероятно, российская политическая действительность начала XXI века во многом напоминает эти времена английской истории. В роли феодалов-разбойников выступают представители крупного российского бизнеса, которые недовольны порядками нового российского «монарха».

*The trial of Mikhail Khodorkovsky this week is expected to reveal the implacable resolve of President Vladimir Putin to rid himself of the **defiant robber baron** (ST, 13.06.2004). Ожидается, что на этой неделе суд над Михаилом Ходорковским продемонстрирует безжалостное решение президента Владимира Путина избавиться от мятежного феодала-разбойника.*

Схожие смыслы привносит метафора *beneficiary* (бенефициарий). Бенефициарная система феодальных отношений была характерна только для средневековых государств Западной Европы, чем и объясняется использование этой метафоры в британском, но не в российском политическом дискурсе. Ср.:

*But Mr Putin's most dramatic power-play has been his decision to break the political power of the business "oligarchs" who were the main **beneficiaries** of the Yeltsin era (N. Ferguson / ST, 19.6.2005). Но самым драматическим моментом в путинской игре во власть стало его решение лишить политической власти «олигархов», которые были главными бенефициариями ельцинской эры.*

Монархическая модель осмысления действительности оказалась востребованной и для концептуализации Грузии. Многие, но не все слоты рассмотренной модели актуализируются для осмысления грузинской политики. Грузинский монарх также является полновластным хозяином, получает царские почести, проходит обряды помазания на царствие, имеет свиту. Помимо

«тбилисского монарха» в Грузии обнаруживаются местные феодалы, князья и т.п. Ср.:

*Видно, не случайно только что **взошедший на шаткий, разваливающийся грузинский престол** Михаил Саакашвили на днях сделал заявление не по Беларуси, нет, а по Украине (Е. Ростиков / Завтра, 21.01.2004). Аслан Абашидзе стал фактическим **хозяином** Аджарской автономной республики еще при первом грузинском президенте Звиаде Гамсахурдиа (Ю. Симонян / Эксперт, № 11, 2004). Никаких сомнений в том, что Саакашвили будет **царствовать** от «имени народа» быть не должно (А.Сафарин / СР, 30.3.2004). Захватившим власть криминальным авторитетам пришлось свергнуть незадачливого президента и срочно **звать на княжение** Шеварднадзе (Б. Львов / СР, 15.1.2004). **Аджарский князь и его свита** (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). Страна отмечала пришествие **нового властителя**, с которым связывает большие надежды на возрождение, поистине **царскими почестями**: в Батуми и Поти состоялись военные парады, били в литавры и палили из пушек. **Помазание** Саакашвили проводилось в соответствии с традициями восшествия на престол грузинских царей... Присутствовавший при этом виновник торжества еще раз напомнил всем, кто в Аджарии, а заодно в Абхазии и Южной Осетии **хозяин** (И. Алексидзе, С. Гамова / Новые известия, 26.1.2004).*

Согласно метафорической картине британских СМИ этой кавказской республикой управлял не избранный народом президент, а грузинский король Э. Шеварднадзе, на смену которому пришел новый монарх – М. Саакашвили. Примечательно, что грузинские президенты представлялись монархами, не имеющие настоящей монаршей власти, что связано с неудачными попытками Э. Шеварднадзе восстановить целостность Грузии и неспособностью контролировать ситуацию в других районах республики. М. Саакашвили в свою очередь – монарх, «воспитанный и назначенный» США. Ср.:

***King-making** is not enough. Nation-building is what counts (The Guardian / 6.1.2004). Недостаточно **воспитать короля**. Нужно воспитать нацию (О М. Саакашвили и грузинском народе).*

*Today they are comparing Shevardnadze to **King Lear** – a lonely, disconsolate figure, surrounded by fawning **courtiers**. Сегодня Шеварднадзе сравнивают с **Королем Лиром**, одиноким и несчастным человеком, окруженным раболепными **придворными** (The Guardian, 24.11.2003).*

Привлекают внимание монархические метафоры, характерные для репрезентации только грузинской действительности. Иная политическая

ситуация требует других метафор. Если в России «монарх передал власть избранному преемнику», что отразилось в актуализации соответствующего фреймового знания, то для осмысления смены президентов в Грузии в результате «розовой революции» и восстановления контроля центрального правительства над Аджарией актуализировались понятия из фрейма «Свержение монарха». Ср.:

Первое появление Эдуарда Шеварднадзе после «отречения от престола» (НТВ.ru, 24.11.2003) (заголовок). Постепенно выявляется подоплека **свержения** президента Грузии Э.Шеварднадзе. При всех внешних признаках народной революции это был **дворцовый переворот**. Одна (более молодая) проамериканская группировка **выгнала из дворца** другую, старую группировку (В. Тетекин / СР, 27.11.2003). И особенно должно быть обидно Эдуарду Амвросиевичу, что, по иронии судьбы, **сверг его с трона** молодой однофамилец «товарища Саахова» — Михаил Саакашвили. И **сверг**, разумеется, под тем же самым лозунгом борьбы с коррупцией (А. Фролов / СР, 25.11.2003). Зачем **князя «раскулачили»?** (И.Образцова / АиФ, № 22, 2004).

В британских СМИ эти события тоже интерпретировались посредством монархической модели осмысления политической действительности: грузинских монархов и феодалов свергали (*ousting, overthrow*) или заставляли отречься от престола (*demise*). Ср.:

*The 37-year-old lawyer, who led the **overthrow** of Eduard Shevardnadze symbolically splashed his face with the waters of the Black Sea* (J. Strauss / DT, 7.5.2004). *Этот тридцатисемилетний юрист, возглавивший **свержение** Эдуарда Шеварднадзе, символически омыл свое лицо в водах Черного моря.*

*Georgian president claims victory as **feudal ruler flees*** (N. Antelava, N.P.Walsh / The Guardian, 6.03.2004). *Грузинский президент трубит победу, так как **феодальный правитель спасается бегством*** (Об Абашидзе).

*He now sits in his house on the hill, giving interviews blaming everyone from the US Ambassador to George Soros to Elvis Presley for his **demise*** (N. Walsh / The Guardian, 2.12.2003). *Теперь он сидит в своем доме на холме, раздавая интервью, в которых он осуждает всех (от американского посла до Джорджа Сороса и Элвиса Пресли) за его собственное **отречение от престола*** (О Шеварднадзе).

Обычно свержение монарха приводит или к смене династии, или к смене формы правления. В любом случае свергнутый монарх лишен возможности передать власть наследнику, поэтому в британской и российской политической

речи отсутствуют прототипические метафоры слотов «Наследник» или «Передача власти».

В российских СМИ для метафорического представления взаимоотношений Абхазии, Южной Осетии, Аджарии и других субъектов политической деятельности, с одной стороны, и центрального правительства в Тбилиси, с другой, оказалась востребована характерная для средневековья ситуация феодальной раздробленности, когда каждый правитель (*князь, магнат, наместник, феодал*) является полновластным правителем своего *удела* или *вотчины*, постоянно вступает в *междоусобицы* с соседями. Ср.:

*Там у власти был обыкновенный **средневековый диктатор** – с тысячами собак, которых он содержал лучше, чем людей* (Известия, 11.10.04). *Республика все больше раскалывается на **феодальные княжества*** (Завтра, 18.1.2000). *В таком виде его режим благополучно существовал вплоть до бархатной грузинской революции – и тут, в новую информационную эпоху, стал очевидным анахронизмом, **средневековой деспотией*** (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). *Даже пророссийски настроенные независимые правители и олигархи, почувствовав вкус власти, пытались и пытаются внести каждый свою лепту в создание и упрочение собственного «**удельного княжества**», которым проще управлять в замкнутом языковом пространстве* (Е. Байкова, Т. Ивженко / НГ, 11.3.2004). *За годы правления Эдуарда Шеварднадзе Аджария превратилась в некую **феодальную вотчину** ее главы, наделившего себя абсолютными полномочиями* (Ю. Симонян / Эксперт, № 2, 2004).

С помощью монархических метафор британская пресса выражает беспокойство централизацией власти (в России), но монархические метафоры обнаруживают значимый аргументативный потенциал и для негативной оценки центробежных тенденций (в Грузии). Неопределенный статус Абхазии, Южной Осетии и, особенно, Аджарии (на фоне конфликта между М. Саакашвили и А. Абашидзе) инициировал метафорическое представление глав республик и автономий с помощью образов феодальных правителей (*feudal ruler, feudal leader, feudalist*), владельцев своих ленов и феодалов (*feud, fiefdom*), не желающих подчиняться единому грузинскому монарху, который зачастую не способен контролировать мятежные провинции и покончить с феодальной раздробленностью. Ср.:

*In short, Shevardnadze presides haplessly over a shrunken **realm*** (The Guardian, 21.03.2002). *Короче говоря, Шеварднадзе злополучно правит **съезжившимся королевством**.*

*Armed groups roamed Adzharia – the **fiefdom** carved out by Mr Abashidze* (The Guardian, 4.5.2004). *Вооруженные отряды бродили по Аджарии, **феоду**, который урвал господин Абашидзе.*

*The autonomous republic of Adjara, on Georgia's western coast, is ruled by **the feudal regime** of Aslan Abashidze* (The Guardian, 15.03.2004). *В автономной республике Аджария, расположенной на западном берегу Грузии, царит **феодальной строй** Аслана Абашидзе.*

*Mr Abashidze runs it as a **fiefdom**, presiding over armed forces and declining to pay taxes* (The Guardian, 3.05.2004). *Господин Абашидзе управляет Аджарией как своим **феодальным владением**: руководит вооруженными силами и отказывается платить налоги.*

Много внимания в российской прессе уделяется взаимоотношениям Грузии и США, для концептуализации которых актуализируется модель феодальной иерархии. Ср.:

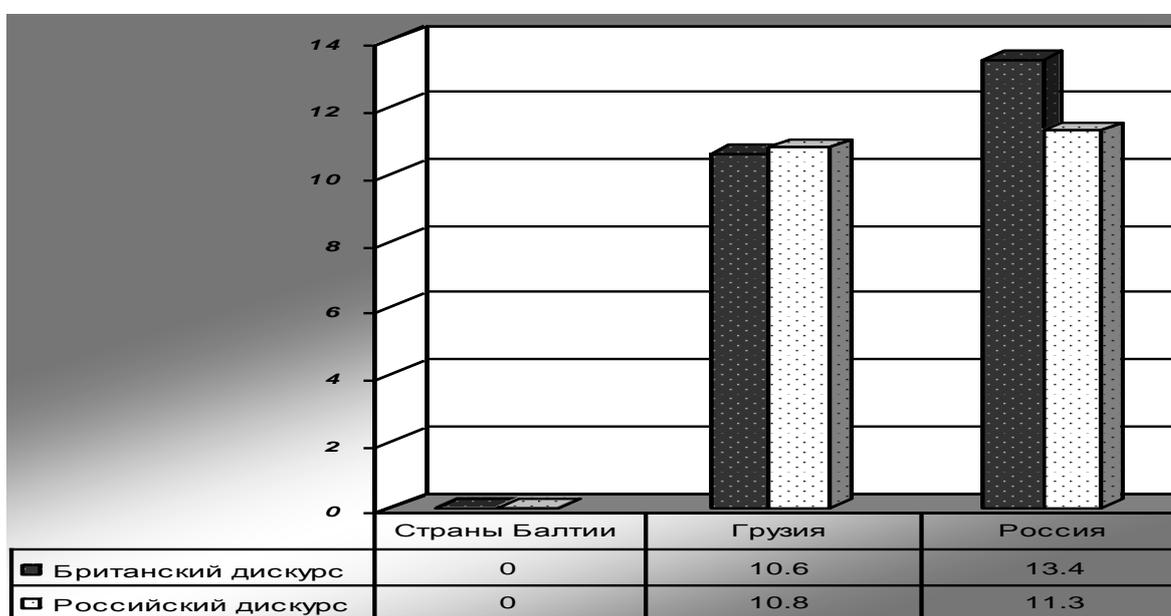
*О том, что министрам, их замам и прочей **правительственной челяди** будут платить повышенную зарплату, причем из Нью-Йорка, президент, видимо, забыл* (И. Алексидзе, С. Гамова / Новые известия, 26.1.2004) *Вот Буш и отправится в Тбилиси, чтобы **поддержать боевой дух его новых, грузинских вассалов*** (В. Тетекин / СР, 31.3.2005).

Примечательно, что политическая грузинская действительность схожим образом описывается и в российских, и в британских СМИ. Метафоры, актуализированные для представления Грузии, тяготеют не к образам просвещенного абсолютизма или сильной монархической власти, а к эпохе «мрачного средневековья», феодальной раздробленности и тотальных междоусобиц князьков и феодалов. В российской и в британской прессе при концептуализации Грузии не задействованы активно используемые для осмысления России слоты «Передача власти» и «Наследник», но продуктивен слот «Свержение монарха», который нехарактерен для описания российской действительности. Эти наблюдения демонстрируют значительную зависимость между высвечиванием отдельных фреймов и слотов монархической модели и политической действительностью.

Еще более показательны результаты анализа сферы-мишени «Прибалтийские республики», где зависимость вербализации когнитивных структур и политической ситуации проявляется на уровне всей модели: в контекстах, посвященных метафорическому представлению прибалтийских республик, не выявлено ни одной монархической метафоры.

Квантитативная характеристика российских и британских монархических метафор представлена на диаграмме 7.

Диаграмма 7. Частотность метафор со сферой-источником «Монархия» в российском и британском политическом дискурсе



Отсутствие монархических метафор для концептуализации действительности в прибалтийских республиках связано с несколькими факторами.

Во-первых, прибалтийские республики не имеют присущей России и Грузии многовековой монархической традиции, а среди адресатов британской и российской политической коммуникации разве только специалисты по истории вспомнят о средневековых латгальских княжествах или недолговечном Курляндском герцогстве.

Во-вторых, хронологические рамки выборки (2000–2005 гг.) – это период активной деятельности Латвии, Литвы и Эстонии по вступлению в ЕЭС. Тот факт, что прибалтийские республики, доказывавшие свою демократичность в течение 10 лет, были приняты в сообщество европейских государств, свидетельствует о признании европейцами демократического устройства прибалтийских республик, что и коррелирует с отсутствием феодальных по сфере-источнику метафор, несущих прагматический смысл «недемократичности», при концептуализации Латвии, Литвы и Эстонии.

Концептуальная метафора одной своей стороной обращена к национальному сознанию, когнитивным структурам, обусловлена национальной концептосферой, другой – к экстралингвистической реальности, которая привносит значительную вариативность в функционирование метафорической модели, с третьей – выполняет в политическом дискурсе определенные прагматические функции. Соответственно следствия из полученных результатов удобно рассматривать в ракурсе трех аспектов функционирования монархической метафоры: когнитивного, дискурсивного и прагматического (функционального).

Как показывает анализ, культурная память оказывает значительное влияние на выбор концептов сферы-источника. Там где россияне видят *княжества, уделы и воеводства*, британцы – *лены, феодалы и бенефициарии*. В российской прессе актуализируются метафоры, апеллирующие к реалиям российской истории (бояре, дьяки, смерды, челядь и др.), а в британской – к понятиям, тесно связанным с историей Англии и Британской империи (феодалы-разбойники, моголы и сугуны). Вместе с тем часть монархических метафор относится к общему фонду российско-британского знания о монархическом домене, при этом влияние на выбор монархических метафор оказывают фоновые знания об истории концептуализируемой страны. По отношению к Грузии британская метафора *tsar* оказалась невостребованной (в отличие от российских материалов, свидетельствующих о большей осведомленности россиян о наименовании грузинских монархов).

Полученные результаты требуют ответить на вопрос, почему монархическая метафора, обладающая пейоративным прагматическим потенциалом, актуализируется в стране с почитаемой монархической традицией. Монархия как форма правления является неоднородным феноменом и традиционное различие ее конституционной и абсолютной разновидностей имеет эксплицирующее значение для наших целей. В сознании британцев конституционная монархия гармонично сочетается с демократическими институтами, а, как показывает анализ материала, сферой-источником метафорической экспансии, является именно НЕОГРАНИЧЕННАЯ МОНАРХИЯ, ФЕОДАЛИЗМ. Очевидно, что прагматический смысл феодальных метафор в том, что государства с феодальным строем, в которых правят цари, придворные, феодалы-разбойники, и в которых народ падает к стопам царя, демократические только формально. Великобритания была одной из первых стран, где возник институт конституционной монархии и феодальные метафоры (например, *robber baron, fiefdom, feudal*) несут в себе пейоративные коннотации и концептуально не связаны с современной британской монархией. В британской картине мира концепты *конституционная монархия* и *демократия* можно определить как смежные, в то время как *феодализм* и *неограниченная монархия* скорее оппозиционны концепту *демократия*.

В дискурсивном аспекте характеристики рассматриваемой метафорической модели (структурированность, актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность и др.) значительно зависят от того, какая республика из «мозаики суверенитетов» на постсоветском пространстве и в какой момент политической конъюнктуры выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии. При этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, варьируют характеристики монархической модели в гораздо большей степени, нежели особенности национальных языков и концептосфер (учитывая, конечно, что дискурсивные и когнитивные аспекты метафоры неразрывно взаимосвязаны и используемое

здесь редуцирующее разграничение необходимо для акцентирования особенностей и корреляций).

В функциональном аспекте монархическая метафора в политическом дискурсе обнаруживает значительный аргументативный потенциал для переконцептуализации политической картины мира в сознании адресата и служит своеобразным индикатором, фиксирующим представление о «степени демократичности» концептуализируемых государств.

3.2. Метафорическая модель со сферой-источником «Родство» в российском и британском политическом дискурсе

Одним из первых к анализу концептуальной метафоры родства в политическом дискурсе обратился Дж. Лакофф [1991], показав, что во время кризиса в Персидском заливе на арабов большее влияние оказывали метафоры родства, репрезентирующие кризис как внутрисемейные отношения старшего (Ирак) и младшего (Кувейт) братьев, в которые вмешивается посторонний (США), чем метафоры администрации США, апеллирующие к другим исходным понятийным областям. Впоследствии Дж. Лакофф обратился к исследованию американского внутривнутриполитического дискурса, выделив две модели семьи, лежащие в основе политического дискурса консерваторов (Модель Строгого Отца) и либералов (Модель Воспитывающего Родителя) [Lakoff 1996, 2005], а А. Ченки [Cienki 2004, 2005] подтвердил это экспериментально на примере анализа метафор Дж. Буша и А. Гора в дискурсе предвыборных дебатов.

К исследованию метафор родства обращался С. Хайден [Hayden 2003], рассмотревший политическую эффективность метафор с исходной понятийной областью «Семья». Метафоры брака в американском политическом дискурсе рассмотрены Д.Ф. Ханом [Hahn 2003], а в публикации В. Коллер [Koller 2002] в рамках критического дискурс-анализа представлен анализ корреляции метафор бракосочетания с метафорами войны в экономическом дискурсе.

Ряд исследований концептуальной метафоры «Европа/Евросоюз – это семья» было проведено европейскими лингвистами. Так, Й. Цинкен [Zinken 2002] показал, как при осмыслении вступления Польши в Евросоюз метафоры родства использовались в польском политическом дискурсе для привнесения иронических или негативных смыслов. Например, Польша метафорически представлялась молодым и бедным кавалером, неудачно сватающимся к не молодой, но богатой даме-Европе, которая не желала делить имущественную общность и предпочитала свободные связи; поляки представлялись бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями и т.п. В исследовании Х. Келли-Холмс и В. О’Реган [Kelly-Holmes, O’Regan 2004] показано, как в период двух ирландских референдумов (результаты первого препятствовали оформлению расширения Евросоюза), в немецкой прессе метафоры любовных отношений между Германией и Ирландией резко изменились на негативные образы. Ирландцы обвинялись в желании закрыть дверь перед двоюродными братьями и оставить их на пороге, Германия и Евросоюз представлялись в образе терпеливого родителя, а Ирландия метафорически концептуализировалась как непредсказуемый подросток или испорченный ребенок.

Метафоры родства представлены в словарях русской политической метафоры периода перестройки [Баранов, Караулов 1991, 1994]. Когнитивно-дискурсивный анализ метафорической модели с исходной понятийной сферой «Родство» в российском политическом дискурсе эпохи Б.Н. Ельцина проведен А.П. Чудиновым [2001]. В другой работе А.П. Чудинова [2003] показано, что при характеристике положения дел во время войны в Югославии в российских СМИ постоянно использовалась нехарактерная для западных СМИ концептуальная метафора РУССКИЕ И СЕРБЫ – БРАТЬЯ. К рассмотрению различных аспектов функционирования концептуальных метафор со сферой-источником «Семья» в политическом дискурсе обращались Н.В. Багичева [2000], Э. Сандикиоглу [Sandikcioglu 2000], И. ван дер Валк [Valk 2001], О.А. Шаова [2005].

Как отмечает А.П. Чудинов, метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи, была унаследована советским и российском политическим дискурсом [Чудинов 2001, 2003а]. Не вдаваясь в историко-культурологический анализ, следует отметить, что исторические причины этого феномена следует искать в многовековом патриархальном укладе российского общества. Не меньшую роль, по-видимому, сыграли и религиозные традиции (в православной церкви, например, до сих пор существует правило называть присутствующих братьями и сестрами, священника батюшкой и т.д.). Христианские истоки метафоры родства в западноевропейском политическом дискурсе усматривает Й. Цинкен [Zinken 2002].

Специальных исследований концептуальной метафоры со сферой-источником «родство» в британском политическом дискурсе, по нашим данным, не проводилось. Однако есть основания полагать, что эта метафорическая модель имеет свою историю и в британской политической речи. Например, в обзорной статье лондонской Таймс о международных успехах Великобритании, достигнутых к началу 20 века, США метафорически представляются как дочерняя (daughter) нация, колонисты Канады и Австралии номинируются братьями (brothers), братской (brotherly) колонией называется Новая Зеландия и т.п. (The Times, 1.1.1901).

Как показывают исследования, метафора родства обладает мощным прагматическим потенциалом, служит средством переконцептуализации политической картины мира, категоризации мира политики по оппозиции свой/чужой. С изменением политической действительности категориальная сетка этой оппозиции смещается, что неизбежно отражается и на функционировании метафор родства в политическом дискурсе.

1. Фрейм «Кровное родство»

Слот 1.1. «Семья в целом»

В российском политическом дискурсе как члены единой семьи регулярно представляются жители России, восточнославянские народы, сторонники одного политического курса, некоторые народы бывшего СССР. Ср.:

Наши [восточнославянские] народы объединяют общие исторические корни, судьба, культура и религия. Мы — единая семья” (В. Путин / Труд-7, 04.05.2000). *К началу 90-х годов большой семье советских народов стало, мягко говоря, неуютно жить* (И.Рыбкин / АиФ, № 24, 2003). *Это как в семье – ссоры по поводу детей и имущества являются поводом для взаимного общения, даже на повышенных тонах. Если же все поделено – разговаривать не о чем* (С. Шахрай / АиФ, № 50, 2003).

Единой семьей могут номинироваться коллеги по роду деятельности, социальному статусу. Ср.:

Я не очень был взволнован тем, что ночевал на ранчо у Буша. Он должен был сам думать, что будет, если он пустил к себе бывшего сотрудника разведки. Но и сам Буш – сын бывшего главы ЦРУ. Так что мы были в семейном кругу (В. Путин / КП, 23.4.2004).

К этому же слоту примыкают пересекающиеся с криминальной сферой-источником (непрототипические) метафоры *клан* и *семья*. Как отмечает А.П. Чудинов, в политической речи конца 20 века эти метафоры «стали обозначать мафиозную группу, по существу преступную банду, связанную, помимо прочего, и родственными отношениями» [2001: 80]. Отметим, что в рассматриваемый период количество «криминальных» метафор снижается, но они по-прежнему характерны и для эпохи В.В. Путина. Востребованными оказались криминальные варианты метафор родства и для осмысления грузинской действительности. Ср.:

Президенты приходят и уходят. «Семья» – вечна. (Е.Баюн / МК, №28. 2000). *Ситуация меняется тяжело, многие кланы и сегодня имеют своих в Госдуме и Совете Федерации, но все-таки государственный интерес теперь звучит как более важный, чем интересы олигархии* (Ю. Строганов / Труд-7, №190, 07.10.2004). *Он [Путин] не оказывает предпочтение ни одному клану* (А. Будберг / МК, №6, 2000).

Иная метафорическая картина представлена в британских СМИ. Для британского политического дискурса метафора семьи достаточно характерна, но доминирующая британская концептуальная метафора – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ (ЕВРОПА) – ЭТО СЕМЬЯ. Ни Грузия, ни Россия в состав европейской семьи не входят, и метафоры семьи для осмысления российской и грузинской

действительности не актуализируются. Более того, Россия представляется не семьей народов, а их тюрьмой, наследницей Советской империи, от власти которой некоторые народы уже освободились, а некоторые до сих пор находятся в составе России в качестве «пленных народов» (*captive nations*). Исключением из вышесказанного является небольшое количество непрототипических метафор *clan* (клан) и *family* (семья), приносящих негативные (криминальные) смыслы в осмысление действительности постсоветских России и Грузии. В британском политическом дискурсе российская и грузинская политическая и экономическая элиты концептуализируются как далекие от демократических образцов Европы системы закрытых и коррумпированных кланов. Ср.:

*In the Byzantine intrigues of the Kremlin 'court', they have managed to replace the remnants of Boris Yeltsin's clan, popularly known, mafia-style, as **The Family** (A. Leslie / DM, 12.11.2003). В византийских интригах кремлевского двора они умудрились вытеснить остатки **клана** Бориса Ельцина, широко известного под мафиозным названием **Семья**.*

*Indeed, **clan-based** administrations in the Abkhazia, South Ossetia and Adzharia regions largely reject the central government's writ, whoever is in charge (The Guardian, 25.11.2003). Действительно, **клановые** администрации в Абхазии, Южной Осетии и Аджарии почти полностью игнорируют предписания центрального правительства, кто бы его не возглавлял.*

Совершенно иначе складывается метафорическая картина при осмыслении постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии. Преодолев трудности «советской оккупации» (*Soviet occupation*), свободные народы возвращаются в европейскую семью (и одновременно в общеевропейский дом) после долгих лет «вынужденного расставания». Ср.:

*But Estonia, Latvia and Lithuania consider Nato membership intrinsic to being accepted back into the **western family of nations** (G. Sander / FT, 8.4.2000). Для Эстонии, Латвии и Литвы вступление в НАТО очень важно, потому что это означает возвращение в **западную семью народов**.*

*The accession of Lithuania, Latvia and Estonia restores the once captive nations of the Soviet empire to their place as full members of **Europe's political family** after half a century of exclusion (A. Evans-Pritchard / DT, 1.5.2004). Принятие Литвы, Латвии и Эстонии в ЕС возвращает после полувекового перерыва некогда пленные нации Советской империи на свое место в качестве полноправных членов **европейской политической семьи**.*

*The faces of the new Europe 24 men in suits and just one woman; All smiles as EU **family** grows, but tensions still simmer* (J. Cusick, D. Fraser / SH, 2.5.2004). Лица новой Европы – 24 мужчины в костюмах и всего одно женщина; все улыбаются, потому что **семья ЕС** растет (заголовок).

*The leaders of the new 25-nation European Union pose for their next "**family photo**" at this weekend's summit in Dublin's Phoenix Park* (S. Castle / The Independent, 30.4.2004). Лидеры нового, состоящего из 25 наций Европейского Союза позируют для очередной «**семейной фотографии**» на проходящем на этой неделе саммите в дублинском Феникс-парке.

*For the new member states – Cyprus, the Czech Republic, Malta, Poland, Hungary, Slovakia, Slovenia, Latvia, Lithuania and Estonia – joining this **family** meant sharing important aspects of national sovereignty and undertaking real reform* (The Guardian, 17.4.2003). Для новых государств ЕС – Кипра, Чехии, Мальты, Польши, Венгрии, Словакии, Словении, Латвии, Литвы и Эстонии – присоединиться к этой **семье** означало поступиться важными аспектами своего суверенитета и предпринять реальные реформы.

Однако и противники расширения европейской семьи использовали в британской прессе метафорические аргументы рассматриваемой сферы-источника. Ср.:

*I am afraid that we may be inviting them into a **bad family**... For many the importance lies in the strong feeling of union. But **the larger the family the greater the challenge*** (K. Eturautti / BBC News, 30.4.2004). Боюсь, что мы приглашаем их в **неблагополучную семью**... Для многих главное значение расширения заключается в сильном чувстве единения. Но **чем больше семья, тем больше проблем**.

В британских СМИ родственные связи обнаруживаются между народами прибалтийских и других европейских государств. Как семья могут рассматриваться экономические структуры. Ср.:

*"I feel a **kinship** with Finns and Estonians. We know each other. And now we need each other"* (K. Wohlgemuth / FT, 8.4.2000). Я чувствую, что между финнами и эстонцами есть **родство**. Мы знаем друг друга. А теперь мы нужны другу.

*The third big Latvian bank, Unibank, is also part of the nascent SEB-Swedbank **family*** (R. Behr / FT, 18.4.2001). Третий по величине банк в Латвии Унибанк также является частью рождающейся **семьи** шведского банка СЕБ.

Слот 1.2. «Родители и дети»

В России глава государства традиционно номинируется отцом. Как отмечает А.П. Чудинов [2001: 80], если Горбачев был *отцом перестройки*, то Ельцина называли *дедом* или *дедушкой*. Метафора родства используется и по

отношению к президенту В. В. Путину, но его снова номинируют *отцом* и *батькой*. Свои метафорические *отцы* и *батьки* обнаруживаются и в субъектах Российской Федерации. Ср.:

Другое дело, в какой мере обращение Путина к народу являлось блефом и пиаром, и в какой мере — искренним воззванием “отца нации” к гражданам (А. Велисов / Завтра, № 39, 2004). Вы бы видели, что сейчас в Тбилиси происходит – там же сейчас правят бал типичные дети революции (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004). Вот только на позапрошлой неделе я писал про антисемитский дебют курского губернатора А. Михайлова, а на прошлой неделе уже выступил ветеран антисемитизма краснодарский батька Н. Кондратенко (А. Инин / Труд-7, 07.12.2000). Каждый из отцов-губернаторов (президентиков) считает, что именно его избрали правильно (Г. Сатаров / Новая газета, № 70, 2004). Аджария ничем не отличается от остальной Грузии. Одна лишь разница – те, кто делают деньги здесь, должны быть в тесной связи с «отцом» (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004).

Также метафора родства (*отец, мать, дочь, сын, дети*, а в проблемных ситуациях *мачеха, пасынок* и др.) актуализируется для отображения отношений государства и граждан, федеральной власти и субъектов федерации, взаимоотношений других субъектов политической и экономической деятельности применительно к российской и грузинской действительности. Часто метафора родства служит средством для выражения причинно-следственных отношений. Ср.:

У Федерации по определению не может быть «пасынков» и «любимчиков». Субъект большой он или маленький должен рассчитывать на защиту, отеческое отношение этого государства, в состав которого он входит (П. Волостригов / КП, 7.4.2004). Компартия стала мачехой для Шандыбина (П. Злобин / АиФ, № 48, 2003). Живописуя суровые 90-е годы, «отец приватизации» признался в интервью: «Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом» (О. Шаповалов / КП, 19.11.2004). У нас уже сейчас работают «дочки» западных банков (А. Крашанов / АиФ, № 5, 2003). А Шеварднадзе все его политические «сыновья» элементарно «кинули» (А. Фролов / СР, N 132, 25.11.2003). Побочные дети банковского бизнеса (Я. Галухина / Эксперт, № 43, 2004).

Согласно традиционным российским представлениям родство – основание для финансовой помощи, родители помогают детям, дети должны проявлять уважение к старшим. Даже в случае конфликта кровные родственники остаются «своими». Ср.:

Хакамада – сукин сын, но это наш сукин сын (К. Ремчуков / АиФ, № 4, 2004). *Я не против Санкт-Петербурга, готов сам взять мастерок и пойти помогать реставраторам, но считаю, что деньги лучше занимать у мамы с папой, а не у старухи-процентщицы* (С.Шойгу / АиФ, № 23, 2004) (т.е. у внутренних, а не у внешних инвесторов). *Мама – нефть* (Ю. Храмова / КП, 30.11.2004).

Примечательно, что потенциал метафоры родства позволяет использовать русскую концептуальную метафору «Земля – это мать» (вариант *матушка-Россия*) и противникам продажи земли, и ее сторонникам. Ср.:

Сказав однажды, что земля – достояние Бога, он своим авторитетом на долгие годы благословил в России всяких швондеров, которые и сейчас орут над ухом, что земля – это мать, а матерью не торгуют. А что, отцом-хлебом торговать, значит, можно? (Д. Аяцков / КП, 25.11.12.2004).

Также в российских СМИ востребованы метафоры *деда* (*дедушки*) и *внуков*. По-прежнему *дедом* называют Б.Н. Ельцина, свой *дед* (Э.А. Шеварднадзе) и «*бабу*» (А. Абашидзе) были в Грузии. На политическую метафорику накладывает специфику региональные культурно-этнические особенности: президента Татарстана М. Шаймиева называют *Бабаем* («дед» по-татарски). Ср.:

Если бы не «дедушка Ельцин», не было бы ни «внучека» Немцова, ни Явлинского, ни Гайдара. Элита и вела себя, как «внучек», – капризничала, требовала «титьку», устраивала семейные «оры» (В. Костиков / АиФ, № 51, 2003). *Я абсолютно уверен, что Кремль уже договорился с Бабаем* (М. Ростовский / МК, №47, 2000). *Скоро он стал председателем парламента, но благоразумно ушел в отставку. Очевидно, предчувствовал, что «дед» скоро станет «козлом отпущения»* (А.Угланов / АиФ, № 48, 2003) (Об Э.А. Шеварднадзе). *Для них он «бабу» (уважительно-ласкательное дедушка), для него они – главная опора единоличной власти* (О. Храбрый / Эксперт, № 13, 2004).

В британских СМИ слот представлен традиционными для британского дискурса метафорами *parent company* – материнская (букв. родительская) компания, *offspring* – дочерняя компания (букв. отпрыск), *father* – отец (используется как номинация для выражения причинно-следственных отношений, отцом принято называть основателя организации). Ср.:

There are threats of legal action from disgruntled minority shareholders in Yukos, the parent company (М. Moore / DT, 18.12.2004). *Существует угроза, что рассерженное*

меньшинство держателей акций Юкоса, **материнской** компании, на законных основаниях устроят акцию протеста.

*All are free-market democracies, fulfilling the dream of the founding **fathers** of the European union* (A. Evans-Pritchard / DT, 1.5.2004). Все эти государства демократии со свободными рыночными отношениями, что вполне согласуется с мечтами **отцов-основателей** Евросоюза.

Как отношения родителей и детей могут представляться отношения между государством и его гражданами. Ср.:

*A **son** of **Mother** Russia, a patriot, yes, and one, thank God, whose impetuosity stopped short of hitting the nuclear button in the middle of some wild vodka binge* (J. Sweeney / The Guardian, 2.01.2000). **Сын Матери** России, патриот, пожалуй, и человек, чья импульсивность, благодарим Бога, чуть не привела его к тому, чтобы нажать ядерную кнопку в разгар одной из буйных попок (О Ельцине).

*Famous **sons** and **daughters**: Rudolf Tobias (composer), Jaan Kaplinski (poet), Markko Martin (rally driver) and Carmen Kass (supermodel)* (T. Templeton / The Observer, 11.4.2004). Знаменитые **сыновья** и **дочери** [Эстонии]: Рудольф Тобиас (композитор), Яан Каплински (поэт), Маркко Мартин (автогонщик), Кармен Касс (супермодель).

Большое внимание британские журналисты уделяют вопросам российской армии, особенно «дедовщины», что способствовало появлению в английском языке своеобразных неологизмов *ded*, *dedushka* и необычного значения для английского слова *grandfather*. Ср.:

*Military service in Russia is obligatory and lasts two years; the first- year recruits are typically bullied by the second-year ones who are known as the **ded**s or **grandfathers*** (A. Osborn / The Independent 21.10.2004). В России военная служба принудительная и длится два года; призывников первого года обычно запугивают солдаты второго года, известные как **деды** или **дедушки**.

В британском политическом дискурсе для метафорического представления политического, культурного сотрудничества государств и инвестирования средств одного государства в экономику другого используется метафора *to adopt* (усыновить, удочерить). Внутри европейской семьи британские журналисты обнаруживают подобные родственные связи между Латвией, Литвой, Эстонией и скандинавскими странами, в то время как при концептуализации России и Грузии подобных родственных связей не обнаруживается. Ср.:

The Finnish-Estonian reconciliation has, in turn, inspired the other richer Nordic nations to "adopt", invest in, and bond with their neighbours to the east. Much as Finland has "adopted" Estonia, so Sweden has done with Latvia, and Norway and Denmark with Lithuania (G. Sander / FT, 8.4.2000). В свою очередь финско-эстонское восстановление дружественных отношений воодушевило другие богатые нации к «удочерению», инвестированию и установлению прочных связей с соседями на востоке. Подобно тому, как Финляндия удочерила Эстонию, Швеция удочерила Латвию, а Норвегия с Данией – Литву.

Слот 1.3. «Братья и сестры»

В российском политическом дискурсе метафоры слота востребованы для концептуализации отношений между гражданами государства, субъектами политической деятельности. Для нашего исследования особый интерес представляют метафорические контексты, отражающие национальные представления о *родстве* между различными народами. Наиболее часто братьями для русских оказываются восточнославянские (украинцы, белорусы) и южнославянские народы (сербы, македонцы, болгары). Отметим, что не всегда славянская общность – гарантия метафорического братства. Иногда коррективы в метафоры родства вносит историческая память народа или политическая ситуация. Так, судя по материалам настоящего исследования, в число современных русских братьев не попадают западные славяне, после вступления Болгарии в НАТО болгары также выпадают из числа метафорических братьев, а после «оранжевой революции» украинцы все чаще номинируются как *бывшие братья* и т.п. Помимо отношений с восточнославянскими *родственниками* как *братские* могут рассматриваться отношения русских и грузин. В данном случае отголосок брежневской метафоры о дружной семье советских народов перекликается с исторической памятью о многовековых дружественных взаимоотношениях России и Грузии, конфессиональной общностью (вероятно, по этому же принципу метафора применяется к армянам) и представлениями о «правильном» соотношении политического влияния России и других государств на политическую жизнь в Грузии. Обнаруживаются «родственные» связи и между отдельными российскими и грузинскими политиками. Ср:

*От кого Россия должна была стать независимой? От своих **братьев** – белорусов, украинцев, грузин? (И. Полозков / АиФ, № 24, 2003). Мы с Асланом Ибрагимовичем считаем друг друга **братьями** и большими друзьями, и, конечно, в трудную минуту мы хотим быть рядом (Ю. Лужков / АиФ, 16.3.2004).*

В российском политическом дискурсе метафоры родства достаточно распространены и для осмысления отношений между различными народами, живущими как на территории России, так и Грузии. Ср.:

*Ваш враг — не Россия и не абхазские и осетинские **братья**, а тот, кто и сегодня сталкивает вас в братоубийственной гражданской войне (И. Гиоргадзе / Завтра, № 3, 18.1.2000). Чечены и ингуши – это **братские** народы, исконно живущие вместе (А. Кадыров / АиФ, № 48, 2003).*

При этом метафора родства нехарактерна для титульных наций Латвии, Литвы и Эстонии. Все немногочисленные зафиксированные метафорические выражения включают в себя те или иные средства нейтрализации прототипических смыслов метафор родства (*бывшие/вчерашние/почти братья*, само слово *братья* берется в кавычки и т.п.) и привнесения саркастических смыслов. Разумеется, это не относится к проживающим в прибалтийских странах русским меньшинствам, которые по-прежнему остаются для россиян братьями и сестрами. Ср.:

*После принятия этого закона один из латвийских политиков публично называл сотни тысяч наших соотечественников «идиотами», оскорбив не только наших **братьев и сестер в Латвии, но и Россию** (Г. Зюганов / СР, N 18, 7.2.2004).*

В британских СМИ метафорическое представление постсоветского пространства прямо противоположное. Если в российской метафорической картине политического мира у России и Грузии немало родственников, а развертывание концептуальной метафоры **ЕВРОПА – ЭТО СЕМЬЯ** относительно прибалтийских республик для российской прессы нехарактерно, то в британской картине политического мира у России и Грузии нет ни внешнеполитических, ни внутривнутриполитических братьев или сестер, в то время как у латышей, литовцев и эстонцев обнаруживаются метафорические родственники в Европе. Ср.:

*Some call it the new Baltic renaissance, or the resurgent **Baltic Brotherhood** (G. Sander / FT, 8.4.2000). Некоторые называют это Балтийским ренессансом или возрождающимся **Балтийским Братством** (о сотрудничестве стран Балтии со скандинавскими странами).*

***Brotherly Finns** are also helping to train the Estonian military and police forces, supplying funds and expertise for the clean-up of the Soviet-abused Estonian environment – including the Baltic itself – and training Tallinn's tiny bureaucracy for its future duties as a member of the European Union (G. Sander / FT, 8.4.2000). **Братья** финны также помогают тренировать эстонские военные силы и полицию, проводят экспертную оценку доставшегося Эстонии от СССР загрязнения окружающей среды – в том числе и самого Балтийского моря – и выделяют средства на ее очистку, обучают немногочисленных таллиннских чиновников, как исполнять свои обязанности, после того как Эстония станет членом Евросоюза.*

*But there is an undoubted enthusiasm for some of the new **sister cities** (L. Freedman / FT, 1.5.2004). Тем не менее, наблюдается очевидный интерес к некоторым новым городам-сестрам (О туристическом и инвестиционном интересе к прибалтийским городам).*

*EU and European monetary union, about which the Baltic Ten also differ, have brought as much turmoil to the Baltic region as **brotherly love** (FT, 11.5.2000). ЕС и Европейский валютный союз, с которыми у Балтийской Десятки мнения также расходятся, привнесли в балтийский регион немало замешательства, но не в меньшей степени укрепили и **братскую любовь**.*

2. Фрейм «Родство по супружеству»

Слот 2.1. «Муж и жена, жених и невеста»

Для российского политического дискурса характерно представлять отношения власти и страны в понятиях предсвадебных отношений, бракосочетаний и супружеской жизни. Аналогичные метафорические сценарии востребованы и для концептуализации отношений между государствами. Ср.:

*Сейчас обе стороны вполне официально заявили о том, что в обозримом будущем вопрос о присоединении России к ЕС на повестке наших двусторонних отношений стоять не будет. И те и другие, похоже, испытали при этом явное облегчение, поскольку ранее чувствовали себя как бы впопыхах «**помолвленными**», но неготовыми к **брачному союзу** как неизбежному следствию предварительного уговора. Итак, тема «**брака**» на сегодня и даже на завтра неактуальна (К. Косачев / НГ, 10.11.2004). Новый депутат – как новый **муж** (Т. Пекарева / КП, 16.4.2004). При этом жутко **резнутом**: «Вы, русские, уж, пожалуйста, наше мясо берите, а не из Австралии. И на трубы мы вам скидку сделаем больше, чем Германия». Из Москвы в Киев летят ответные телеграммы: «Тогда и вы на туркменский газ и азербайджанскую нефть не засматривайтесь». Но раз*

ревнуем, значит, не дружба у нас получается, а самая настоящая любовь (А. Седов / КП, 19.11.2004).

Особенно распространены метафоры супружества для осмысления экономических отношений: слияния компаний, заключения экономических договоров, инвестирования и т.п. Ср.:

Может быть, Африка – это и невеста на выданье, только наш капитал к свадьбе еще не готов. Если она и должна стать основой глобализации российского бизнеса и альтернативной ресурсной базой, то не сейчас, а лишь по мере взросления «жениха» и избавления «невесты» от присущих ей пороков (Е. Рыцарева, Д. Сиваков / Эксперт, № 45, 2004).

К сожалению, предвыборные обещания политиков нередко расходятся с их деятельностью после избрания на государственные должности. Очевидно, по этой причине в российской прессе власть регулярно *обещает жениться*, но обещаний не исполняет. Подобный сценарий отношений актуализируется и для осмысления международных отношений. Ср.:

Ведь предыдущие правительства обещали жениться, но обещания заморозили (С. Репов / АиФ, № 20, 2004). **Обещать – не жениться. Вы сами верите в то, что весной будет отменена поправка Джексона-Вэника?** (С.Бабаева / Известия, 3.12.2003).

В британской прессе денотативной областью применения метафор бракосочетания являются поглощение и слияние компаний, вступление в политическую организацию, отношения между государствами. Как уже отмечалось, в британской прессе метафоры родства преимущественно актуализированы как вариант концептуальной метафоры «Европа – это семья». В рассматриваемом слоте продолжается развертывание этой концептуальной метафоры: принятие стран Балтии в Евросоюз и НАТО регулярно концептуализировалось через метафоры бракосочетания, радостного и торжественного события со свадебным пиром, оркестром и т.п. Ср.:

*A **marriage feast*** (M. Stanhope / WM, 20.4.2004). **Свадебный пир** (заголовок статьи о расширении Евросоюза).

*After years of **courtship** and **intense deliberation**, 15 **grooms** and 10 **brides** are set to **walk down the aisle towards union**. But their **vows** will not be those of **emotional and spiritual togetherness**. Rather they will be along the lines of **economic and political matrimony**, as the 15 states of the current European Union embrace ten of their closest eastern and Mediterranean neighbours. The date is set for May 1 this year, with the three Baltic countries of Estonia, Latvia*

and Lithuania, the central and eastern European countries of Poland, Hungary, the Czech Republic, Slovakia and Slovenia, and the two small Mediterranean countries, Cyprus and Malta, all taking part in one of the world's largest **marriages**. Some 75 million citizens will be **in attendance**, swelling the EU to almost 450 million inhabitants (M. Stanhope / WM, 20.4.2004).

После нескольких лет **ухаживаний и напряженного обдумывания 15 женихов и 10 невест готовы пройти по проходу между церковными рядами навстречу брачному союзу**. Однако их **клятвы** не будут свидетельствовать о **чувственном и духовном единении**. Правильнее будет назвать это **экономическим и политическим супружеством**, потому что 15 государств Евросоюза **заклучают в объятия 10 ближайших восточноевропейских и средиземноморских соседей**. Дата назначена на 1 мая этого года. Три балтийских государства (Эстония, Латвия и Литва), восточно- и центральноевропейские государства (Польша, Венгрия, Чешская Республика, Словакия и Словения) и две маленьких средиземноморских страны (Кипр и Мальта) примут участие в одном из самых грандиозных мировых **бракосочетаний**. Ожидается около 75 миллионов **гостей**, вместе с которыми население стран Евросоюза увеличится почти до 450 миллионов человек.

There is even a brave new Finnish-Estonian Symphony Orchestra to **set the new marriage to music** (G. Sander / FT, 8.4.2000). Есть даже новый превосходный финско-эстонский симфонический оркестр, чтобы **сыграть на этой новой свадьбе** (т.е. свадьбе Финляндии и Эстонии).

Нередко страны Балтии и скандинавские страны метафорически представляются как насильно разлученные на долгий срок супруги (*estranged*).

Ср.:

However, for the half century after the second world war – when formerly free Estonia became the Estonian SSR, while Finland kept its independence and its capitalistic way of life – the Finnish and Estonian peoples were **estranged** (G. Sander / FT, 8.4.2000). Однако на протяжении полувека после Второй мировой войны, когда свободная Эстония стала Эстонской ССР, а Финляндия сохранила независимость и капиталистический путь развития, эстонский и финский народы **проживали раздельно**.

Противники расширения Евросоюза находили свои метафорические аргументы. Так, вступление стран Балтии и других восточноевропейских государств в ЕС представлялось как брак без любви (*loveless marriage*), брак по расчету (*marriage of convenience*), что отражало опасения британцев по поводу понижения уровня их благосостояния (в результате притока дешевой рабочей

силы, финансовых затрат Великобритании как члена ЕС на расширение организации и т.п.). Ср.:

*This is a **marriage of convenience, not love** (N. Dudley / FN, 27.4.2003). Это брак по расчету, а не по любви*

*A **loveless marriage that could end in tears** (A. Evans-Pritchard / DT, 17.4.2003). Брак без любви, который может закончиться слезами (заголовок).*

*Despite the glowing rhetoric yesterday, the reunion of East and West Europe is less a **love match** than a **marriage of convenience**, carried out on the cheap for an extra pounds 5.5 billion a year... Never before has the union faced a **marriage on such unequal terms**, with per capita income in the Baltic states only a third of EU levels (A. Evans-Pritchard / DT, 17.4.2003). Несмотря на вчерашнюю пылкую риторику воссоединение Восточной и Западной Европы скорее **брак по расчету**, чем **брак по любви**, осуществленный по дешевке за дополнительные 5.5 миллиардов фунтов стерлингов в год... Никогда прежде Евросоюз не стоял перед лицом **брака на таких неравных условиях**: доход на душу населения в прибалтийских республиках составляет только треть от аналогичного показателя для стран Евросоюза (A. Evans-Pritchard / DT, 1.5.2004).*

Противники расширения Евросоюза находили и другие метафорические аргументы, актуализирующие соответствующие компоненты фреймового знания. Согласно принятым нормам количество невест должно равняться количеству женихов, а так как с одной стороны 15 стран-супругов, а с другой только 10, то прибалтийские республики вступают в полигамный брак (polygamous union). Ср.:

*So, the stage is set. The **brides and grooms await nervously at the altar for one of the largest, polygamous unions** of our time. For Britain's farmers and growers, the effects of the **marriage** may go unnoticed in the short term (WM, 23.4.2004). Итак, место действия готово. **Невесты и женихи нервничают у алтаря в ожидании заключения** одного из самых многочисленных по составу **полигамных союзов** нашего времени. В ближайшее время британские фермеры и садоводы могут и не почувствовать последствия такого **брака**.*

Период после вступления в Евросоюз, характеризующийся экономическими льготами для новых государств, метафорически представлялся как медовый месяц (*honeymoon*). Ср.:

*New members also benefit from a **honeymoon** period. In the early years new entrants get the maximum gains from the removal of trade barriers, together with an influx of foreign investment... The **honeymoon** period after entry more than three decades ago was pretty disastrous (D. Smith / ST, 5.6.2005). К тому же новые члены Евросоюза извлекают выгоду из*

медового месяца. В первые годы они наряду с потоками внешних инвестиций получат максимальные доходы от устранения торговых барьеров... **Медовый месяц** после вступления в Евросоюз был просто бедственным.

Слот 2.2. «Развод»

Как и в отношениях между людьми, между государствами, субъектами политической и экономической деятельности случаются разводы, иногда мирные, иногда не обходится без скандала. Ср.:

«ЮКОС» официально объявил о **разводе** с «Сибнефтью» (М.Игнатова / Известия, 18.12.2003). **Развод** и с той, и с другой партией не обошелся без скандала и претензий на лидерство (С. Фадеев / АиФ, № 9, 2004). России был выгоден **мирный развод** по чехословацкому варианту и невыгоден – насильственный раздел Украины (С. Марков / КП, 30.11.2004).

Также метафоры развода актуализировались и в британских СМИ. Согласно принятым в России и западных странах традициям новый брак возможен только после развода со старым супругом. Это знание регулярно актуализировалось в британских СМИ для осмысления вступления прибалтийских стран в ЕС и НАТО: прежде чем прибалтийские республики смогут вступить в новый брак (Евросоюз и НАТО) им необходимо развестись с бывшим супругом (Россией). Ср.:

*He hates the fact that countries with considerable Russian minorities, such as Estonia, Latvia and Lithuania, are entirely **divorced** from Russia, and knows that the puppet state of Belarus is likely to be the next to break away* (S. Heffer / DM, 25.2.2005). *Ему ненавистен тот факт, что страны, в которых живет значительное количество русских – Эстония, Латвия и Литва – окончательно **оформили развод** с Россией и то, что марионеточная Беларусь, вероятно, будет следующей.*

*If last week's ceremony in Washington to welcome seven new members to Nato had been a **marriage service** there would have been **a loud objection from the back of the church*** (I. Mather / SS, 4.4.2004). *Если бы проходившая на прошлой неделе в Вашингтоне церемония, посвященная вступлению семи новых членов в НАТО, была **венчанием**, то из глубины церкви **раздалось бы громкое возражение** [России].*

Межкультурные различия в концептуальных структурах двух наций неизменно находят отражение в метафорах: рассмотренные материалы показывают, что прототипические сценарии бракосочетания в британской и российской картинах мира заметно отличаются. Судя по детальной

структурированности сферы-источника для британцев бракосочетание связано со сценарием церковного таинства. Во время венчания жених и невеста идут к алтарю по проходу между церковными рядами (в англиканской церкви), дают клятву верности и духовного единения, а в глубине церкви может найтись человек, неожиданно выкрикивающий возражение. В российском сознании прототипический сценарий бракосочетания скорее связан с гражданскими процедурами в загсе, при этом часто в российских политических метафорах реализуется сценарий, который можно выразить фразой «обещать и не жениться».

Оценочные смыслы метафор этого слота свидетельствуют о российско-британских параллелях в отношении к традиционным семейным ценностям: в британском обществе во всех проанализированных контекстах негативно оценивается брак по расчету, брак без любви. Тем более осуждаются полигамные браки.

Метафоры родства рельефно демонстрируют воздействие политических событий на метафорическую картину политического мира. В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке), а в 2004 стали полноправными членами этих организаций. В рассматриваемый период большие разногласия между Россией и прибалтийскими республиками возникали и по отношению к вопросу о русских меньшинствах в этих странах. Если в период перестройки (по данным словаря А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова) в российской прессе Латвия, Литва и Эстония назывались *сестрами*, между прибалтийскими и другими народами СССР обнаруживались *братские* связи, хотя уже и предвиделся *бракоразводный процесс*, то в анализируемый период использование метафор родства применительно к прибалтийским республикам нехарактерно: редкие метафоры родства лишены прототипических смыслов сферы-источника, используются в иронических контекстах и всегда в кавычках. Ср.:

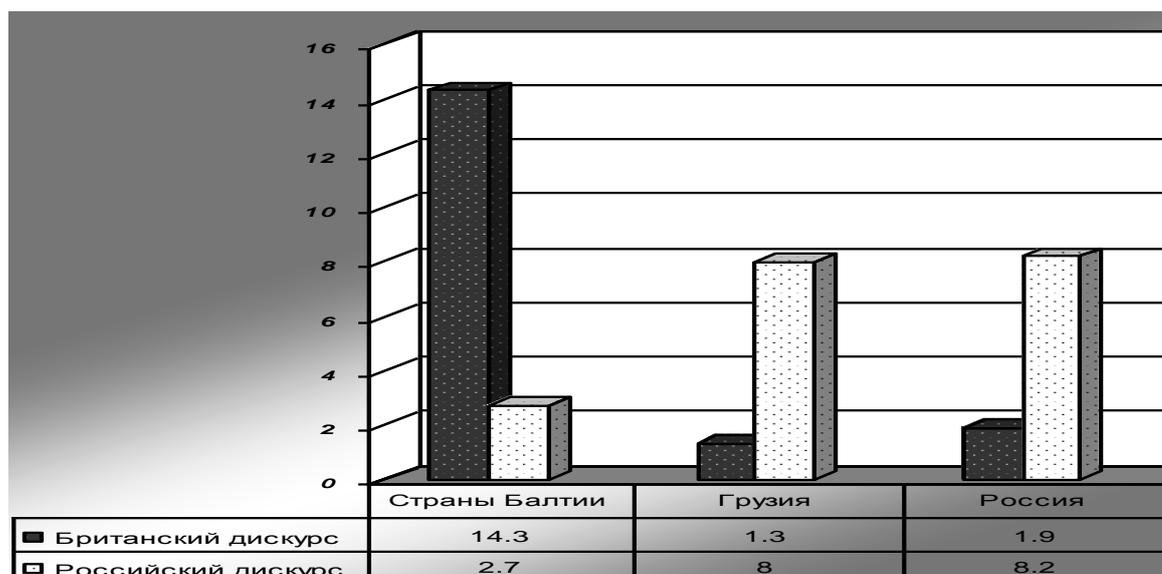
А то бы вспомнили и приструнили нового "**члена европейской семьи**", объяснили "**родственникам**", что делать из эсэсовцев "святых" кощунственно по законам Божеским и неправомерно по законам земным (А. Капитонов / НГ, 15.10.2003). *Есть у американцев и другой мотив – на посту президента Литвы их полностью устраивал «американский дядюшка» Адамкус* (В. Скрипов / Эксперт, № 10, 2004).

Однако метафоры родства по-прежнему широко востребованы в российской прессе для концептуализации российской и грузинской действительности. Грузинские правительства также неоднократно выражали готовность вступить в НАТО и ЕС, но решение этого вопроса относится больше к перспективе, а ситуация с отношениями народов Грузии и России, очевидно, представляется несколько иной по сравнению с ситуацией в прибалтийских республиках.

Наоборот, в британском политическом дискурсе прибалтийские республики регулярно представляются дочерьми, братьями, невестами (в общем, полноправными членами европейской семьи), а у России и Грузии современных метафорических родственников не обнаруживается. В представлении британцев страны Прибалтики вступили в дружественные организации и стали «своими», Грузия все еще далека от образцового демократического государства (т.е. от европейской семьи), в ней правят «коррупцированные кланы», на территории находятся российский военный контингент и др. Сама Россия не только не входит в европейскую семью, но и представляется скорее тюрьмой народов, нежели единой семьей, что в частности нередко находит отражение в регулярном непонимании между британскими и российскими политиками по этническим вопросам.

Наглядное представление о варьировании частотности российских и британских метафор родства представлено на диаграмме 8.

Диаграмма 8. Частотность метафор со сферой-источником «Родство» в российском и британском политическом дискурсе



В российской прессе количество метафор родства от общего количества метафор, актуализированных для осмысления постсоветской российской действительности, составило 4.3 %, соответственно для Грузии – 5.4 %, а для стран Балтии только 1.3 % (при этом зафиксированные метафоры относятся или к русским меньшинствам или носят иронический характер). В британской прессе метафоры родства востребованы при концептуализации прибалтийских республик (8.9 %) и почти не используются (большинство зафиксированных метафор актуализируют непрототипические смыслы) для осмысления двух других сфер-мишеней.

Как показывает анализ, доминирующим критерием при выявлении метафорического родства между народами является политическая ситуация и востребованные эмотивные смыслы, а апелляция к конфессиональным, языковым, антропологическим, культурно-историческим и другим факторам служит средством акцентирования метафоры, увеличения ее аргументативного потенциала (к примеру, по языковому и антропологическому критериям латыши и литовцы «ближе» к русским, чем грузины).

Полученные результаты свидетельствуют о взаимодополняющей эвристичности когнитивного и дискурсивного подходов к метафорическому

анализу (хотя это разделение подходов довольно условно, учитывая, что наиболее распространенный в отечественной лингвистике вариант дискурс-анализа, идущий от Т. ван Дейка, конститутивно когнитивный). В когнитивном аспекте сопоставление метафорических моделей позволяет выявить культурно обусловленные концептуальные различия (например, различия в типизированном представлении о бракосочетании в сознании россиян и британцев), но не всегда приводит к достоверным выводам на предмет выявления национальных предпочтений в апелляции к определенной исходной понятийной сфере. Например, при сопоставительном исследовании метафор родства в российской и британской прессе на примере сферы-источника «Прибалтийские республики» напрашивается вывод о том, что британцы в гораздо большей степени предпочитают осмыслять политическую действительность в понятиях родства, чем россияне, а исследователь этой же метафорической модели на примере России и Грузии получит совершенно противоположные результаты. Метафора родства, обнаруживая мощный прагматический потенциал к переконцептуализации политической действительности и категоризации мира политики по оппозиции свой – чужой, очень «чувствительна» к социально-политической ситуации и востребованная этой ситуацией эмотивным смыслом. На концептуальном уровне метафора родства достаточно характерна для обеих лингвокультур, но ее актуализация в дискурсе характеризуется значительными корреляциями с экстралингвистическими факторами.

Выводы по третьей главе

1. В российском и британском политическом дискурсе функционируют метафорические модели со сферами-источниками «Монархия» и «Родство», проявляющие полярные расхождения при сопоставлении характеристик метафорической модели и сферы-мишени метафорической экспансии.

2. Метафорическая модель со сферой-источником «Монархия» востребована и в российском, и в британском политическом дискурсе для концептуализации постсоветской российской и грузинской действительности, но оказывается совершенно невостребованной для концептуализации сферы-мишени «Страны Балтии». Сопоставление монархических метафор, актуализированных для осмысления российской и грузинской действительности, показывает, что актуализация фреймового знания об исходной понятийной сфере «Монархия» значительно варьируется в зависимости от политической ситуации и сферы-мишени метафорической экспансии. Российские и британские метафоры, актуализированные для представления Грузии, тяготеют не к образам абсолютизма или сильной монархической власти, как это представлено на примере сферы-мишени «Россия», а к эпохе «мрачного средневековья», феодальной раздробленности и тотальных междоусобиц князьков и феодалов. В российской и в британской прессе при концептуализации Грузии не задействованы активно используемые для осмысления России слоты «Передача власти» и «Наследник», но продуктивен слот «Свержение монарха», который нехарактерен для описания российской действительности, что демонстрируют значительную зависимость между высвечиванием отдельных фреймов и слотов монархической модели и политической действительностью.

3. Помимо различий в дискурсивных характеристиках анализ метафорической модели со сферой-источником «Монархия» обнаруживает национально обусловленную специфику в инвентаре метафорических образов. Значительное влияние на актуализацию метафорических образов из сферы-источника «Монархия» оказывает культурная память народа. Там где россияне видят княжества, уделы и воеводства, британцы – лены, феоды и бенефициарии. В российской прессе актуализируются метафоры, апеллирующие к реалиям российской истории (бояре, дьяки, смерды, холопы, челядь), а в британской – к понятиям, связанным с историей Англии и Британской империи (феодалы-разбойники, моголы и сегуны). Вместе с тем

часть монархических метафор относится к общему фонду российско-британского знания о монархическом домене, а влияние на выбор монархических метафор оказывают фоновые знания об истории концептуализируемой страны.

4. Моделирующий потенциал сферы-источника «Родство» регулярно используется в британском политическом дискурсе для осмысления действительности прибалтийских республик и не задействован для осмысления сфер-мишеней «Россия» и «Грузия». В британском политическом дискурсе прибалтийские республики регулярно представляются родственниками и полноправными членами европейской семьи, в то время как у России и Грузии современных метафорических родственников не обнаруживается. В представлении британцев страны Прибалтики вступили в дружественные организации и стали «своими», Грузия все еще далека от образцового демократического государства (т.е. от европейской семьи), а сама Россия не только не входит в европейскую семью, но и представляется скорее тюрьмой народов, нежели единой семьей.

Анализ российского политического дискурса свидетельствует о противоположных результатах: прагматический потенциал сферы-источника «Родство» активно реализуется в российском политическом дискурсе для концептуализации сфер-мишеней «Россия» и «Грузия», но не характерен для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии». Немногочисленные метафоры родства, актуализированные для осмысления сферы-мишени «Страны Балтии», лишены прототипических смыслов сферы-источника или относятся к русскоговорящим меньшинствам прибалтийских республик.

5. Межкультурные различия проявляются в когнитивной структуре сферы-источника «Родство»: прототипические сценарии бракосочетания в британской и российской картинах мира заметно отличаются. В метафорах британского политического дискурса объективируется детальная структурированность сценария церковного венчания. В российском сознании прототипический сценарий бракосочетания в большей степени связан с гражданскими

процедурами в загсе, при этом часто в российских политических метафорах реализуется сценарий, который можно выразить фразой «обещать и не жениться».

6. Метафорические модели со сферами-источниками «Родство» и «Монархия» можно отнести к дискурсивно неустойчивым метафорическим моделям, проявляющим значительную вариативность в проявлении своих свойств, в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии и востребованным политической ситуацией эмотивным смыслом. Характеристики дискурсивно неустойчивых метафорических моделей (структурированность, актуализация отдельных фреймов и слотов, частотность) значительно зависят от того, какая республика из «мозаики суверенитетов» на постсоветском пространстве выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии. При этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, варьируют характеристики метафорических моделей со сферами-источниками «Монархия» и «Родство» в гораздо большей степени, нежели особенности национальных языков и национальных концептосфер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концептуальная метафора одной своей стороной обращена к национальному сознанию, когнитивным структурам, обусловлена национальной концептосферой, другой – к экстралингвистической реальности, которая привносит значительную вариативность в функционирование метафорической модели в политическом дискурсе, с третьей – выполняет определенные прагматические функции.

Анализ метафор в российском и британском политическом дискурсе показывает, что одни метафорические модели практически не меняют своих характеристик при изменении сферы-мишени в рамках определенного национального дискурса (сферы-источники «Человеческий организм», «Спорт и игра»), другие модели отображают релевантные изменения своих свойств при изменении сферы-мишени на уровне отдельных фреймов и слотов (сферы-источники «Война», «Болезнь», «Театр», «Мир животных»), третьи проявляют наибольшую степень рассматриваемой корреляции, выражающейся в резком изменении своих характеристик при смене сферы-мишени (сферы-источники «Монархия», «Родство»).

Некоторые метафорические модели очень «чувствительны» к дискурсивным условиям и выбору сферы-мишени метафорической экспансии, другие же практически не проявляют релевантных изменений по этим критериям, что обусловлено различной дискурсивной устойчивостью метафорических моделей, т.е. свойством модели, отражающим ее способность к резкому изменению частотности при смене сферы-мишени в качестве объекта исследования.

При межкультурном сопоставлении метафорических моделей, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, на предмет выявления национальных предпочтений в обращении к определенной исходной понятийной сфере достоверность результатов повышается при анализе нескольких сфер-мишеней. Особенно рельефно это положение проявляется при

анализе дискурсивно неустойчивых метафорических моделей (сферы-источники «Монархия» и «Родство»).

Как показал анализ монархической модели, на примере сферы-мишени «Прибалтийские республики» исследователя ожидает вывод о полной нехарактерности монархических метафор для российского и британского сознания. Иные результаты дает анализ фреймово-слотовой структуры данной метафорической модели на примере сферы-мишени «Грузия» и тем более при анализе монархических метафор, актуализированных для концептуализации сферы-мишени «Россия». Не меньшую «путаницу» способен внести анализ метафорической модели с исходной понятийной сферой «Родство». При сопоставительном исследовании российских и британских метафор родства только на примере сферы-мишени «Прибалтийские республики» напрашивается вывод о том, что британцы в гораздо большей степени предпочитают осмыслять политическую действительность в понятиях семьи, нежели россияне, а исследователь этой же метафорической модели на примере сфер-мишеней «Россия» и «Грузия» получит прямо противоположные выводы. Таким образом, при анализе дискурсивно неустойчивых метафорических моделей на примере одной сферы-мишени достоверность результатов о национальных предпочтениях в выборе метафор может оказаться невысокой даже при выборке очень большого корпуса текстов.

Очевидно, что возникающие «противоречия» преодолеваются когнитивно-дискурсивным подходом к анализу политических метафор: характеристики метафорических моделей коррелирует не только с национально обусловленными особенностями концептуализации окружающей действительности, но и многими экстралингвистическими (политическими, социальными, экономическими и др.) факторами.

Вместе с тем анализ политических метафор дискурсивно устойчивых моделей (например, со сферой-источником «Человеческий организм») позволяет получать достаточно валидные результаты о когнитивной укорененности определенного способа осмысления мира в национальном

сознании. Независимо от того, действительность какой республики (и какая разная действительность) выбирается в качестве сферы-мишени, антропоморфные метафоры в российском дискурсе востребованы чаще, нежели в британском. Частотность антропоморфной метафорической модели и в российском, и в британском политическом дискурсе не обнаруживает релевантных колебаний при смене сферы-мишени, что свидетельствует об устойчивости модели к дискурсивным изменениям, а при межнациональном сопоставлении свидетельствует о большей характерности антропоморфного мировидения для россиян, чем для британцев.

Специалисты отмечали, что антропоморфное мировидение относится к наиболее древним и эмпирически первичным способам осмысления действительности (*embodied mind*), поэтому антропоморфные метафоры должны быть более других укоренены в сознании человечества, чем более «поздние» и эмпирически вторичные, например, спортивные метафоры. Очевидно, что по мере развития общества, неравномерно протекающего в разных культурах, антропоморфные метафоры в разной степени вытеснялись образами из других понятийных сфер, потому и представлены они в национальных культурах в разной степени, но сохраняют дискурсивную устойчивость внутри определенного национального дискурса примерно одинаково.

Вместе с тем, например, не менее древняя понятийная сфера «Родство» обладает меньшей дискурсивной устойчивостью. Эта понятийная сфера очень удобна для категоризации мира политики по базовой оппозиции свой – чужой (родственник – посторонний), а если цель адресантов политического дискурса – борьба за власть, то эта оппозиция для мира политики, безусловно, базовая. Более того, метафоры родства не привносят столь эксплицитно выраженных агрессивных смыслов и резкого противопоставления по названной оппозиции, что вполне согласуется с декларируемым характером международных отношений в постсоветский период. Очевидно, что антропоморфная метафора представляет в этом отношении гораздо меньший потенциал.

Таким образом, эвристичность межкультурного сопоставительного исследования метафорических моделей повышается при включении в анализ нескольких однотипных сфер-мишеней с учетом когнитивного и дискурсивного ракурсов анализа, что позволяет не только определить национальную специфику политических метафор и влияние экстралингвистических факторов на их функционирование в дискурсе, но и способствует выявлению соотношения в степени воздействия когнитивного и дискурсивного факторов на метафорическую модель, характеристики которой сильно варьируются в зависимости и от сферы-мишени, и от сферы-источника. Другими словами, каждая выделяемая по исходной понятийной сфере метафорическая модель потенциально содержит в себе определенные когнитивные характеристики («имеет свой характер»), по-разному проявляющиеся в политическом дискурсе.

К перспективам дальнейшего сопоставительного исследования метафорических моделей в политическом дискурсе в рамках когнитивно-дискурсивного подхода можно отнести такое мало разработанное направление, как сопоставительное исследование метафорических моделей в генетически гетерогенных культурах.

Представляется перспективным сопоставительное изучение связи фоновых знаний о сфере-мишени метафорической экспансии на актуализацию концептов сферы-источника. Предварительные наблюдения показывают, что выбор метафор зависит не только от прототипических представлений о сфере-источнике. В рамках одной исходной понятийной сферы для привнесения схожих прагматических смыслов используются различные метафоры, коррелирующие со знанием о сфере-мишени метафорической экспансии. Например, в британском дискурсе с помощью зооморфных метафор активизируется концептуальный вектор тревожности, но для сферы-мишени «Россия» используется образ медведя, а для стран Балтии – тигра. В британской монархической модели метафора царя используется только применительно к российской действительности, а по отношению к Грузии этот монархический образ оказался не востребуемым (в отличие от российских материалов,

свидетельствующих о большей осведомленности россиян о наименовании грузинских монархов).

Особый интерес представляет сопоставительное изучение дискурсивно устойчивых и неустойчивых метафорических моделей на примере других временных периодов или других национальных дискурсов, что позволило бы сопоставить старые и новые данные и скорректировать (или значительно изменить) интерпретацию названного противопоставления.

Малоисследованными областями политической метафорики являются проблемы соотношения вербальной и невербальной объективации концептуальных метафор в политическом дискурсе, а также гендерная, профессиональная и возрастная специфика политической метафорики.

Список литературы

1. Апресян В. Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М., 1990. – С. 5–33.
4. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира // Язык о языке. – М., 2000. – С. 7–23.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Бакумова Е.В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. – Воронеж, 2004.
7. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2001. – 360 с.
8. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. – С. 184–193.
9. Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. – 2004а. – № 2. – С. 70–79.
10. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004б. – С. 7–21.
11. Баранов А. Н. Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–22.
12. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
13. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – 351 с.

14. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm> – 2003.
15. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти. // Язык и моделирование социального взаимодействия. / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125
16. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
17. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
18. Бурмистрова М.А. Эволюция взглядов Дж. Лакоффа // Филологические науки. – 2003. – №1. – С. 63–70.
19. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
20. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
21. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
22. Виндельбанд В. О свободе воли. – Минск: Харвест, 2000. – 208 с.
23. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997. – 139 с.
24. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
25. Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб., 2002. – 42 с.
26. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // politanalysis.narod.ru/gavrilova3.html – 2004
27. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1997. – 544 с.

28. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 11–66.
29. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова; Под. ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
30. Дейнан Э. Метафоры: Справочник по английскому языку. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 251 с.
31. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–32.
32. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.
33. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
34. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М.: Академический проект, 2003. – 304 с.
35. Иссерс О. С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. – Вып. 1. – 1999. – С. 74–79.
36. Кавтарадзе С.Д. Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. – М.: Экзамен, 2005. – 224 с.
37. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
38. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
39. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петрова; Под. ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

40. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.
41. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 33–43.
42. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе. Дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005а. – 186 с.
43. Керимов Р.Д. Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры // Известия УрГПУ. Лингвистика. / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005б. – Вып. 15. – С. 79–85.
44. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
45. Ключко Н.Н. Образы Европы в современных национальных политических дискурсах // Известия УрГПУ. Лингвистика. / Урал. гос. пед. ун-т; Отв. ред. Чудинов А.П. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 17. – С. 123–137.
46. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.
47. Колесов В.В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник СПбГУ. – Сер. 2. – 1992. – № 3. – С. 30–40.
48. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 231 с.
49. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–15.
50. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–13.

51. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
52. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, Ермак, 2003. – 365 с.
53. Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2003. – Ч. I. – 114 с; Ч. II. – 208 с.
54. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ. – М.: АСТ, Ермак, 2003. – 380 с.
55. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
56. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. – 232с.
57. Леонтьев А.А. Культуры и языки народов России, стран СНГ и Балтии. – М.: Флинта, 2004. – 312 с.
58. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
59. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 143–185.
60. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
61. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.
62. Макаров М.М. Основы теории дискурса. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 280 с.
63. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
64. Максапетян А.Г. Языки описания и модели мира // Вопросы философии. – 2003. – № 2. – С. 53–65.
65. Максапетян А.Г. Моделирующие языки и модели мира: следствия и выводы // <http://fccl.ksu.ru/conf2003/cogmod/as34.htm> – 2002.

66. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 204 с.
67. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
68. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
69. Меркулов И.П. Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 70–83.
70. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 342 с.
71. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь, 2002. – 160 с.
72. Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 134 – 143.
73. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
74. Опарина Е.О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН, Ин-т сравн. политологии, Рос. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. В.И. Герасимов, М.В. Ильин. – М., 2002. – № 3: Политический дискурс: История и современные исследования. – С. 20–31.
75. Орлова О.Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «NEWSWEEK»): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Кемерово, 2005. – 20 с.
76. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
77. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 135–145.
78. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.

79. Пименов Е.А. Политические метафоры: новые и традиционные модели // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14 – 16 апр. 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 521–530.
80. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2002. – 192 с.
81. Попова З.Д., Стернин И.А., Карасик В.И., Кретов А.А., Пименов Е.А., Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / Отв. Ред. М. В. Пименова. – Вып. 4. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2004. – 146 с.
82. Рахилина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М., 2002. – С. 370–390.
83. Рахилина Е.В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59. – № 3. – С. 3–15.
84. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
85. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И.А. Стернина. – Воронеж, 2002. – 78 с.
86. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе "Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)": Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 202 с.
87. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с.
88. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; Предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2002. – С. 12–53.
89. Симонян Р.Х. Страны Балтии и распад СССР // Полис. – 2002. – № 6. – С. 151–154.

90. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н.Л.Сухачева. – СПб, 2000. – 202 с.
91. Скребцова Т.Г. Метафоры современного русского внешнеполитического дискурса // *Respectus philologicus*. – Вильнюс, 2002. – № 1 (6). – С. 113–125.
92. Скребцова Т. Г. Три источника и три составные части политической метафоры // <http://www.ksu.ru/cogsci04/science/cogsci04/223.doc> – 2004.
93. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб, 1993. – 151 с.
94. Сорокина М. В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества*. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 120–129.
95. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков). Автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 2002.
96. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.
97. Стрельников А.М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 177 с.
98. Телешева И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ // *Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества*. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 97–107.
99. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // *Метафора в языке и тексте*. – М.: Наука, 1988. – С. 26–52.
100. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира* / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.

101. Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
102. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3–17.
103. Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3–22.
104. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90 гг. XX века: Дис. ... канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 1997. – 181 с.
105. Федосеев А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 20 с.
106. Цурикова Л.В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 257 с.
107. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
108. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса: немецкая школа дискурсивного анализа // Филологические науки. – 2003. – №3. – С. 68–76.
109. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С.11–22.
110. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.): Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 225 с.
111. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003а. – 248 с.

112. Чудинов А.П. Новые русские метафоры // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14 – 16 апр. 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 259–265.
113. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003б. – 194 с.
114. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
115. Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 210 с.
116. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
117. Шехтман Н.Г. Зрелищные искусства как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России и США // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004а. – Том 14. – С. 118–127.
118. Шехтман Н.Г. Метафорическая модель выборы – это спортивное состязание в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004б. – Т. 12. – С. 156–158.
119. Шинкаренкова М.Б. Концептуальная метафора в креолизованных текстах в дискурсе русской рок-поэзии / Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской научной конференции, посвященной юбилею УрГПУ, Екатеринбург, 25–26 ноября 2005 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 115–118.
120. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. // www.cognitiv.narod.ru/ling.html

121. Юнг К. Аналитическая психология и психотерапия / Сост. и общая ред. В.М. Лейбина. – СПб: Питер, 2001. – 512 с.
122. Adamson T., Johnson G., Rohrer T., Lam H. Metaphors We Ought Not Live By: Rush Limbaugh in the Age of Cognitive Science // <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/rush.htm> – 1998.
123. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / ed. Yuchau E. Hsiao. – Cheng-Chi University, 2002. – P. 273–302.
124. Ahrens K., Chung S., Huang C. From Lexical Semantics to Conceptual Metaphors: Mapping Principle Verification with WordNet and SUMO // Proceedings of the 5th Chinese Lexical Semantics Workshop (CLSW-5). – Singapore, 2004. – P. 99–106.
125. Akiyoe A.A. The Rhetorical Construction of Radical Africanism at the United Nations: Metaphoric Cluster as Strategy // Discourse and Society. – 1994. – Vol. 5. – № 1. – P. 7–31.
126. Anderson R.D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm – 2002a.
127. Anderson R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm> – 2001.
128. Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> – 2002b.
129. Andersson T. Metaphorical Reasoning and Real Prototypes. Empirical Studies of Metaphors and Prototypes of Forest // http://www.lucs.lu.se/ftp/pub/LUCS_Studies/LUCS20.ps – 1993.
130. Ausmus W. Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario // Communication Monographs. – 1998. – Vol. 65. – № 1. – P. 67–82.

131. Avise J.C. Evolving Genomic Metaphors: A New Look at the Language of DNA // *Science*. – 2001. – Vol. 294. – № 5540. – P. 86–87.
132. Baars B.J. Metaphors of consciousness and attention in the brain // *Trends in Neurosciences*. – 1998. – Vol. 21. – № 2. – P. 58–62.
133. Bachem R., Battke K. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs // *Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen* / ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1991. – S. 295–307.
134. Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. – 2004. – Vol. 19. – № 1. – P. 1–30.
135. Bates B.R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War // *Communication Studies*. – Vol. 55. – № 3. – P. 447–463.
136. Beer F.A., De Landsheer C. Metaphors, Politics and World Politics // *Metaphorical World Politics* / Eds. F.A. Beer, C. De Landsheer. – East Lansing: Michigan State University Press, 2004. – P. 5–52.
137. Benoit W. L. Framing through temporal metaphor: The "bridges" of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses // *Communication Studies*. – 2001. – Vol. 52. – P. 70–84.
138. Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // *Language, Culture, and Mind* / ed. M. Achard, S. Kemmer. Stanford: CSLI, 2004. P. 23–36.
139. Berhó D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity // *Rocky Mountain Review of Language and Literature*. – George Fox University, 2000. – Vol. 54. – № 2. – P. 65–76.
140. Brown T. *Making Truth. The Roles of Metaphor in Science*. – Champaign: University of Illinois Press, 2003. – 215 p.
141. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
142. Brugman C. What is the Invariance Hypothesis? // *Cognitive Linguistics*. –

1990. – Vol. 1 – № 2. – P. 257–266.
143. Çaglar A. S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2001. – Vol. 27. – № 4. – P. 601–613.
144. Cibulkiene J. The Metaphorization of Elections as war in the 2001 General Election campaign of Great Britain // *Respectus Philologicus*. – Вильнюс, 2002. – №2 (7). – С. 102–116.
145. Cienki A. Bush's and Gore's language and gestures in 2000 US presidential debates: A test case for two models of metaphors // *Journal of Language and Politics*. – 2004. – Vol. 3. – № 3. – P. 409–440.
146. Charteris-Black J. *Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. – 256 p.
147. Chilton P. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct // *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity* / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam: Benjamins, 2005. – P. 19–51.
148. Chilton P. *Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House*. – New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996. – 468 p.
149. Chilton P. A., Ilyin M. V. Metaphor in Political Discourse: The Case of the “Common European House” // *Discourse and Society*. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 7–31.
150. Chilton P., Lakoff G. Foreign policy by metaphor // *Language and Peace* / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995. – P. 37–59.
151. Chung S., Ahrens K., Huang C. ECONOMY IS A PERSON: A Chinese-English Corpora and Ontological-based Comparison Using the Conceptual Mapping Model // *Proceedings of the 15th ROCLING Conference for the Association for Computational Linguistics and Chinese Language Processing, National Tsing-Hwa University*. – Taipei, 2003a. – P. 87–110.
152. Chung S., Ahrens K., Sung Y. “STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish //

Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC). – Singapore, 2003c. – P. 124–133.

153. Chung S., Huang C., Ahrens K. ECONOMY IS A TRANSPORTATION DEVICE: Contrastive Representation of Source Domain Knowledge in English and Chinese // Proceedings of the special session of Upper Ontologies and Natural Language Processing (UONLP), 2003 International Conference on Natural Language Processing and Knowledge Engineering (NLP-KE). – Beijing, 2003b. – P. 790–796.

154. Coulson S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces // Conceptual Structure, Discourse, and Language / Ed. A. Goldberg. – Palo Alto: CSLI, 1996. – P. 67–81.

155. Coulson S., Oakley T. Blending basics // Cognitive Linguistics. – 2000. – Vol. 11. – № 3–4. – P. 175–196.

156. De Landsheer K. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4. – P.

157. Dijk T.A. van. Discourse, Ideology and Context // Folia Linguistica XXXV/1–2. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. – P. 11–40.

158. Dijk T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 2. – P. 249–283.

159. Drulak P. Co nam metafory mohou říci o politice? // Mezinárodní Politika. – 2005. – № 2. – P. 4–5.

160. Drulak P. Identifying and assessing metaphors: the discourse on European future // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Drulak.pdf – 2005.

161. Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

162. Drulak P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers, SPS No. 2004/15 // www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf – 2004.

163. Durrheim K., Dixon J. The role of place and metaphor in racial exclusion: South Africa's beaches as sites of shifting racialization // *Ethnic and Racial Studies*. – 2001. – Vol. 24. – № 3. – P. 433–450.
164. Ennis T.J. A Cross-linguistic Analysis of Metaphorical Lexis and Collocation in English and Spanish Economics Discourse // www.surrey.ac.uk/ALRG/dissertations/Ennis_T_1998.pdf – 1998.
165. Ezrahi Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors // *Social Research*. – 1995. – Vol. 62. – № 2. – P. 299–322.
166. Fairclough N.L. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis // *Journal of Pragmatics*. – 1985. – Vol. 9. – P. 739–763.
167. Fairclough N.L. *Language and Power*. – London: Longman, 1989. – 259 p.
168. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. – 1998. – Vol. 22. – № 2. – P. 133–187.
169. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces // <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps> – 1994.
170. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. – Basic Books: Perseus, 2002. – 400 p.
171. Fernandez-Duque D., Johnson M. Attention Metaphors: How Metaphors Guide the Cognitive Psychology of Attention // *Cognitive Science*. – 1999. – Vol. 23. – № 1. – P. 83–116.
172. Fernandez-Duque, D., & Johnson, M. L. Cause and effect theories of attention: The role of conceptual metaphors // *Review of General Psychology*. – 2002. – Vol. 6. – № 2. – P. 153–165.
173. Forceville C. *Pictorial Metaphor in Advertising*. – New York: Routledge, 1996. – 233 p.
174. Frankowska M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989–1993 // *Jezyk a kultura / Pod red. J. Anusiewicza; B. Sicińskiego*. – Wrocław, 1994. – Tom 11. – S. 21–47.

175. Fridolfsson C. Political Protest and Metaphor // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/fridolfsson.pdf> – 2005.
176. Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // *Style*. – 2002. – Vol. 36. – № 3. – P. 533–554.
177. Gidengil E., Everitt J. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates // *Harvard International Journal of Press/Politics*. – 1999. – Vol. 4. – № 1. – P. 48–65.
178. Goatly A. Green grammar and grammatical metaphor, or Language and the myth of power, Metaphors we die by // *Journal of Pragmatics*. – 1996. – Vol. 25. – № 4. – P. 537–560.
179. Goggin J. Metaphor and Madness: Stacking the Deck on Iraq // bad.eserver.org/reviews/2005/goggin.html – 2005.
180. Goodnight G. T. "Iraq is George Bush's Vietnam". Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy // www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq_and_Vietnam.doc – 2004.
181. Grady J., Oakley T., Coulson S. Conceptual Blending and Metaphor // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / ed. R. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1999. – P. 101–124.
182. Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // *Conceptual structure, discourse and language* / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996. – P. 177–187.
183. Graham C. Acquisition and participation: two metaphors are better than one // *Academic Exchange Quarterly*. – 2001. – Vol. 5. – № 3. – P. 22–27.
184. Hahn D.F. *Political Communication: Rhetoric, Government, and Citizens* / 2nd ed. – New York: New York University, 2003. – 352 p.
185. Halverson C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror // *Journal of Undergraduate Research*. – 2003. – Vol. 6. – P. 1–6.
186. Hansen A.D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. Paper to be presented at ECPR conference 2005, Granada. Draft version //

- www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf – 2005.
187. Hardy V. *Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts.* – Washington: Georgetown University, 2003. – 115 p.
188. Harvey A.D. *The Body Politic: Anatomy of a Metaphor* // *Contemporary Review.* – 1999. – Vol. 275. – Issue 1603. – P. 85–93.
189. Hayden S. *Family Metaphors and the Nation: Promoting a Politics of Care through the Million Mom March* // *Quarterly Journal of Speech.* – 2003. – Vol. 89. – № 3. – P. 196–215.
190. Hellsten I. *Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism* // *Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research* / ed. J. Koivisto, E. Lauk. – Tartu: Tartu University Press, 1997. – P. 121–141.
191. Heradstveit D., Bonham G. M. *Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA.* — Oslo: Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003. – Paper No. 655. – 36 p.
192. Holmgreen L. *Setting the neo-liberal agenda: How metaphors help shape socio-economic “realities”* // *Metaphorik.de.* – 2003. – № 5. – P. 90–114.
193. Honohan I. *Metaphors of Solidarity* // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Honohan.pdf – 2005.
194. Howarth D., Griggs S. *Metaphor, Catachresis and Equivalence: The Rhetoric of Freedom to Fly in the Struggle over Aviation Policy in the United Kingdom* // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Howarth.pdf – 2005.
195. Howe N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse* // *Metaphor and Symbolic Activity.* – 1988. – Vol. 3. – № 2. – P. 87–104.
196. Hulst M. J. van. *The Heart of the Matter: Decision Making Caught in Metaphors.* Paper for Workshop on Metaphor in Political Science // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vanhulst.pdf> – 2005.

197. Hülse R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession. Paper presented at the Ionian Conference, Corfu, Greece, May 19–22, 2000 // www.lse.ac.uk/collections/EPIC/documents/ICHuelsse.pdf – 2000.
198. Hülse R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern // Zeitschrift für internationale Beziehungen. – 2003. – Vol. 10. – № 2. – S. 211–246.
199. Ivie R.L. The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 // Quarterly Journal of Speech. – 1982. – Vol. 68. – P. 240–253.
200. Jäger S. Diskursanalytische Methoden // plaz.uni-paderborn.de/Lehrerbildung/PLAN/plan.php?id=sw0049 – 1996.
201. Jansen C., Sabo S. The Sport/War Metaphor: Hegemonic Masculinity, the Persian Gulf War, and the New World Order // Sociology of Sport Journal. – 1994. – Vol. 11. – P. 1–17.
202. Kelly-Holmes H., O'Regan V. "The spoilt children of Europe". German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 1. – P. 81–116.
203. Kennedy V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252–265.
204. Koller V. "A Shotgun Wedding": Co-occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse // Metaphor and Symbol. – 2002. – Vol. 17. – № 3. – P. 179–203.
205. Koller V. Businesswomen and war metaphors: 'Possessive, jealous and pugnacious'? // Journal of Sociolinguistics. – 2004. – Vol. 8 – № 1. – P. 3–22.
206. Kramsch C. Language and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 133 p.
207. Laclau E. Why do empty signifiers matter to politics? // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity / Ed. J. Weeks. – London: Rivers Oram Press, 1994. – P. 167–178.

208. Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction: Chelsea Green Publishing, 2004. – 144 p.
209. Lakoff G. Metaphor and War, Again // www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003b.
210. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> – 1991.
211. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – 421 p.
212. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.
213. Lakoff G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters // www.frameworksinstitute.org/products/metaphoricalthought.pdf – 2001a.
214. Lakoff G. Metaphors of Terror // www.press.uchicago.edu/News/911lakoff.html – 2001b.
215. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // *Cognitive Linguistics*. – 1990. – Vol. 1. – № 1. – P. 39–74.
216. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought*. / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.
217. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
218. Lakoff G., Johnson M. The Metaphorical Logic of Rape // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1987. – Vol. 2. – P. 73–79.
219. Lakoff G., Nunez R.E. Where Mathematics Comes From: How the Embodied Mind Brings Mathematics into Being. – New York: Basic Books, 2000. – 493 p.
220. Landtsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // *Communication and Cognition*. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4. – P. 299–342.

221. Lawton J.B. Performing Politics: A Theatre-Based Analysis of the 1996 National Nominating Conventions // http://www.sanestorm.com/performing_politics.pdf – 1996.
222. Lönneker B. Is There a Way to Represent Metaphors in WordNets? Insights from the Hamburg Metaphor Database // Proceedings of the ACL Workshop on the Lexicon and Figurative Language. – Sapporo, 2003. – P. 18–26.
223. Lorenz C. Can histories be true? Narrativism, positivism, and the "metaphorical turn." // History and Theory. – 1998. – Vol. 37. – № 3. – P. 309–329.
224. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2. – P. 179–190.
225. Luoma-aho M. "Arm" versus "pillar": The politics of metaphors of the Western European Union at the 1990–91 Intergovernmental Conference on Political Union // Journal of European Public Policy. – 2004. – Vol. 11. – № 1. – P. 106–127.
226. Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics. – 2002. – Vol. 7. – № 3. – P. 117–142.
227. Maalej Z. Metaphoric Discourse in the Age of Cognitive Linguistics, with Special Reference to Tunisian Arabic (TA) // <http://www.kkhec.ac.ir>
228. Malone C. The Sport of Politics // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html.
229. MacCloskey D.N. Metaphors economists live by // Social research. – 1995. – Vol. 62. – № 2. – P. 215–237.
230. Maglio P.P., Matlock T. Metaphors we surf the web by. Workshop on Personalized and Social Information Space, Stockholm, Sweden // <http://www.almaden.ibm.com/cs/people/pmaglio/pubs/meta4surf.ps> – 1998.
231. Milliken J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation. – East Lansing: Michigan State University Press, 1996. – P. 217–238.
232. Mottier V. Meaning, Identity, Power: Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse-Theory //

- www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Mottier.pdf – 2005.
233. Mumby D.K., Spitzack C. Ideology and Television News: A Metaphoric Analysis of Political Stories // *Central States Speech Journal*. – 1983. – Vol. 34. – № 3. – P. 162–171.
234. Musolff A. Cross-language metaphors: obstacles or pathways of international communication? Paper held at the conference: Language, the media and international communication, at St Catherine's College, Oxford, Sponsored by the Faculty of English, University of Oxford, 29 March – 1 April 2001 // www.dur.ac.uk/modern.languages/depts./german/Musolff/crosslang.doc – 2001a.
235. Musolff A. The Metaphorisation of European Politics: Movement on the Road to Europe // *Attitudes towards Europe. Language in the Unification Process* / Eds. A. Musolff, C. Good, P. Points, R. Wittlinger. – Aldershot: Ashgate, 2001b. – P. 179–200.
236. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution // *Metaphorik.de*. – 2004a. – № 7. – P. 55–75.
237. Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b. – 224 p.
238. Musolff A. Metaphor scenarios in political discourse in Britain and Germany // *Sinnformeln. Linguistische und soziologische Analysen von Leitbildern, Metaphern und anderen kollektiven Orientierungsmustern* / Ed. S. Geideck, W. Liebert. – Berlin: W. de Gruyter, 2003. – P. 259–282.
239. Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – Munich: iudicium, 2000a. – 214 p.
240. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2000b. – Vol. 21. – № 3. – P. 216–229.
241. Musolff A. Promising to End a War = Language of Peace? The Rhetoric of Allied News Management in the Gulf War 1991 // *Language and Peace* / Ed. C. Schäffner, A.L. Wenden. – Aldershot: Dartmouth, 1995. – P. 93–110.

242. Oberlechner T., Mayer-Schönberger V. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors. KSG Working Papers Series RWP02-043. (October 2002). // [ksgnotes1.harvard.edu/Research/wpaper.nsf/rwp/RWP02-043/\\$File/rwp02_043_mayerschoenberger.pdf](http://ksgnotes1.harvard.edu/Research/wpaper.nsf/rwp/RWP02-043/$File/rwp02_043_mayerschoenberger.pdf) – 2002.
243. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. – 2002. – Vol. 117. – № 3. – P. 423–450.
244. Ponterotto D. Metaphors we can learn by // *English Teaching Forum*. – 1994. – Vol. 32. – № 3. – P. 2–7.
245. Radden G. The folk model of language // *Metaphorik.de*. – 2001. – № 1. – P. 55–86.
246. Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. – 2001. – Vol. 5. – № 3. – P. 352–371.
247. Ritchie D. “ARGUMENT IS WAR” – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // *Metaphor and Symbol*. – 2003a. – Vol. 18. – № 2. – P. 125–146.
248. Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. – 2003b. – Vol. 18. – № 1. – P. 49–53.
249. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. – 2004a. – Vol. 19. – № 3. – P. 233–244.
250. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. – 2004b. – Vol. 19. – № 4. – P. 265–287.
251. Ringmar J. Metaphors of Social Order in Europe, China, and Japan // eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Ringmar.pdf – 2005.
252. Rohrer T. The Cognitive Science of Metaphor from Philosophy to Neuropsychology // philosophy.uoregon.edu/metaphor/metaphor.htm
253. Rohrer T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10. – № 2. – P. 115–137.

254. Sandikcioglu E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / Ed. by A. Barcelona. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 299–320.
255. Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. – Austin: University of Texas Press, 2002. – 402 p.
256. Santa Ana O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse // *Discourse and Society*. – 1999. – Vol. 10. – № 2. – P. 191–224.
257. Schäffner C. Building a European House? Or at Two Speeds into a Dead End? Metaphors in the Debate on the United Europe // *Conceiving of Europe — Unity in Diversity* / Ed. A. Musolff, Ch. Schäffner, M. Townson. – Aldershot: Dartmouth Publishers, 1996. – P. 31–59.
258. Schäffner C. The 'Blance' Metaphor in Relation to Peace // *Language and Peace* / C. Schäffner, A.L. Wenden (eds). – Aldershot: Dartmouth, 1995. – P. 75–92.
259. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 314p.
260. Schön D. Generative metaphor: A perspective on problem-setting in social policy // *Metaphor and Thought* / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 254–283.
261. Shelley C. H. *The Corpora of Mandarin Chinese and German Animal Fixed Expressions: A Cognitive Semantic Application* // <http://www.cs.bham.ac.uk/~mgl/cl2003/papers/shelley.pdf> – 2003.
262. Semino E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers // *Text*. 2002. – Vol. 22. – № 1. – P. 107–139.
263. Semino E., Masci M. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // *Discourse and Society*. – 1996. – Vol. 7. – № 2. – P. 243–269.
264. Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. – 1993. – Vol. 49. – P. 147–165.

265. Sperber D., Wilson D. Relevance Theory // Handbook of Pragmatics / ed. by G. Ward, L. Horn. – Oxford: Blackwell. – P. 607–632.
266. Steen G. J. Identifying metaphor in language: a cognitive approach // Style. – 2002. – Vol. 36. – № 3. – P. 386–407.
267. Straehle C., Weiss G., Wodak R., Muntigl P., Sedlak M. Struggle as metaphor in European Union discourses on unemployment // Discourse and Society. – 1999. – Vol. 10. – № 4. – P. 67–100.
268. Stenvoll D. Metaphors in Sexual Politics // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf – 2005.
269. Thagard P., Beam C. Epistemological Metaphors and the Nature of Philosophy // Metaphilosophy. – 2004. – Vol. 35. – № 4. – P. 504–516.
270. Thornborrow J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – № 1. – P. 99–119.
271. Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1. – № 2. – P. 247–255.
272. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 3. – P. 183–203.
273. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. – P. 133–148.
274. Underhill J.W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 // Metaphorik.de. – 2003. – № 05. – P. 135–165.
275. Valk I. van der. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990–1997) // <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/valk.pdf> – 2001.
276. Vertessen D., De Landsheer C. A Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics //

- www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
277. Vervaeke J., Kennedy J. M. Conceptual Metaphor and Abstract Thought // *Metaphor and Symbol*. – 2004. – Vol. 19. – № 3. – P. 213–231.
278. Yanow D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models *of* and Models *for* // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Yanow.pdf – 2005.
279. Yu N. The eyes for sight and mind // *Journal of Pragmatics*. – 2004. – Vol. 36. – P. 663–686.
280. Yu N. Figurative uses of finger and palm in Chinese and English // *Metaphor and Symbol*. – 2000. – Vol. 15. – № 3. – P. 159–175.
281. Yu N. Chinese metaphors of thinking // *Cognitive Linguistics*. – 2003. – Vol. 14 – № 2/3. – P. 141–165.
282. Yule G. *Pragmatics*. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 138 p.
283. Walter J., Helmig J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors. ECPR Granada Workshop on Metaphors in Political Discourse. April 2005 // www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf – 2005.
284. Wei J.M.Y. *Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse*. – Lanham: Lexington Books, 2001. – 144 p.
285. Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. – 2003. – Vol. 14. – № 4. – P. 507–523.
286. Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition*. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002. – 262 S.
287. Zinken J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2004a. – Vol. 25. – № 5/6. – P. 1–13.
288. Zinken J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // *Metaphorik.de*. – 2004b. – № 07. – P. 115–136.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Аргументы и факты (АиФ)
Московский комсомолец (МК)
Комсомольская правда (КП)
Совершенно секретно (СС)
Завтра
Известия
Независимая газета (НГ)
Новая газета
Новые известия. www.newizv.ru,
НТВ.ru. www.ntv.ru
Общая газета (ОГ)
Российская газета (РГ)
Советская Россия (СР)
Труд-7
Эксперт
BBC News.
The Daily Mail (DM)
The Daily Telegraph (DT)
The Economist
The Financial News (FN)
The Financial Times (FT)
The Guardian
The Independent
The Independent Sunday (IS)
The Mail on Sunday (MS)
The Observer
The Scotland on Sunday (SS)
The Sunday Herald (SH)
The Sunday Telegraph (ST)
The Times
The Western Mail (WM)